

СМЕТЬ

ISSN 0131—6656

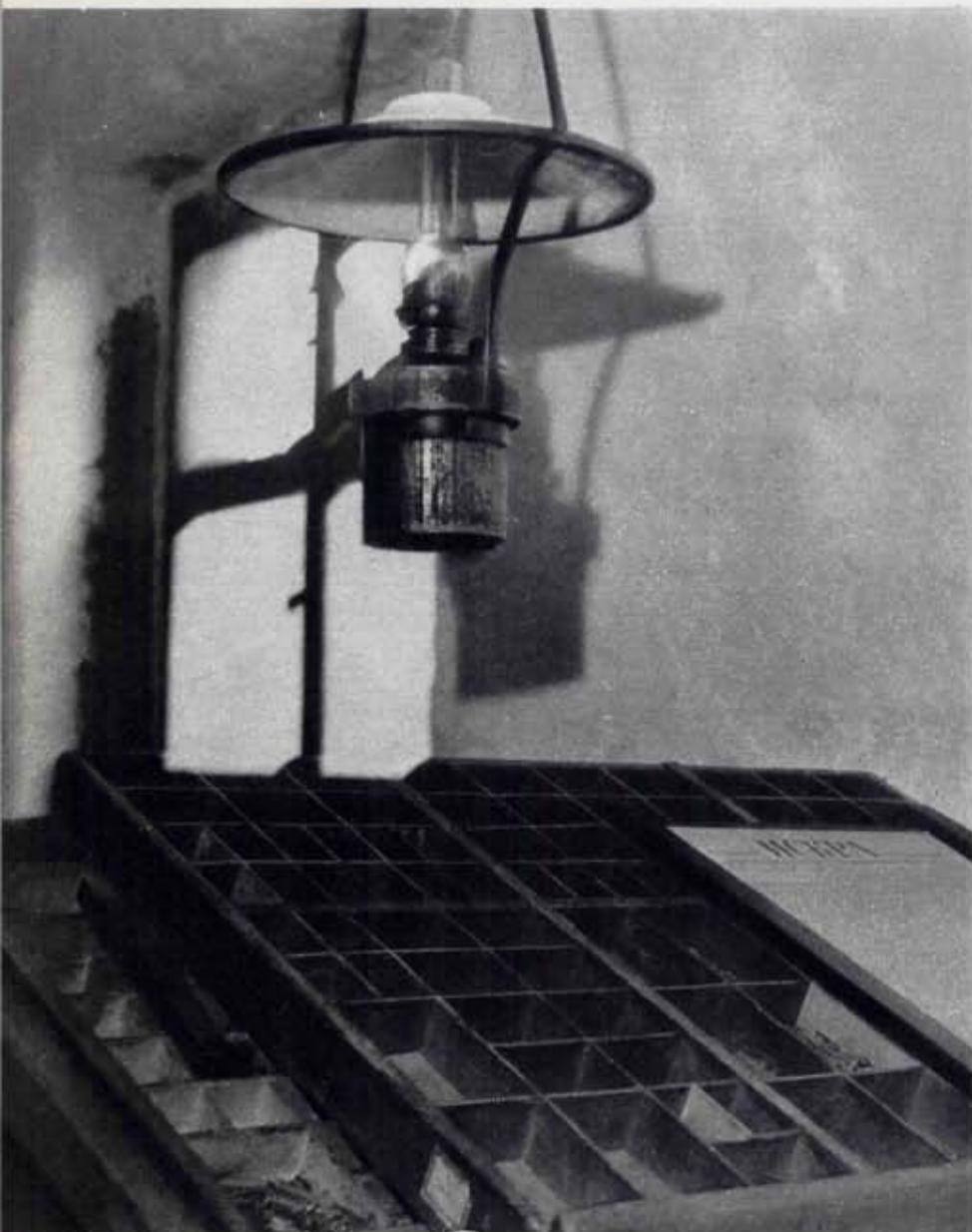
№ 19 (1377) ОКТЯБРЬ 1984

США:
униженные
и обездоленные.

ВОСПОМИНАНИЕ
О ШКОЛЬНЫХ
КАНИКУЛАХ.

ЗНАКОМЬТЕСЬ:
ПЕВЕЦ
ГЕННАДИЙ ТРОФИМОВ

На окраине Лейпцига

Есть места, освященные памятью великого имени...

На окраине Лейпцига перед небольшим одноэтажным домиком стоит гранитная плита с барельефом Ильича и надписью: «В этом доме в 1900 году был выпущен первый номер большевистской газеты «Искра»...»

В комнате — стол с наборной касой и первым оттиском газеты, простой дубовый стул, медная керосиновая лампа с отражателем. Все эти вещи находились здесь и тогда, в декабре девятисотого, когда, склонившись к мерцающему желтоватому кругу света, характерным положи-

ем руки подперев крутой, высокий лоб, Владимир Ильич вычитывал и правил гранки первого номера «Искры», вычеркивал и торопливо добавлял новые слова, едва поспевая за ходом мысли. За семью кордонами далекая и кровно близкая Россия металась в поисках ответа на вопрос: «Что делать?» И в этой комнатке прозвучал негромкий голос Ленина: «Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса...»

Поразительна сила вещей! Молчаливые свидетели подвигов человеческого духа, они вдруг заставляют нас по-новому взглянуть на прошлое. Не параграфы учебников — сама История входит в сознание каждого, наделяя людей неравнодушным чувством сопричастности.

Август кончился

Еще один мой август кончился...
Посмотришь утром — тут и там шагают занято стекольщики, спешат на вызов по домам, вставляют рамы, к лету снятые, шпаклюют щели — на мороз.

Что ж, снова осень.

Все понятно.

Так было и когда я рос.
Вот только не было томления и грусти не было тогда.

А нынче
дней круговращенье,
как счет на прошлые года.

Не старость, нет.

Но август кончился.
Пустыней в рощах и полях,
а мне не хочется,
не хочется,
чтоб облетали тополя!

ВЛАДИМИР КАЛИНИЧЕНКО.

Фото автора

Еще древнегреческий поэт Симонид назвал поэзию «говорящей живописью». Многообразней и сложней становится мир вокруг нас и наша жизнь в нем. Многогранней и нестандартней должно быть образное отражение и постижение его человеком.

Мы уже знакомили читателей «Смены» с творчеством журналиста и поэта Владимира Калиниченко, живущего в Донбассе (№ 18 за 1982 г.). Жанр, в котором он работает, — фотонovelлы.

Мне снятся сны

«Я родом из детства...»
Экзюпери

Мне снятся сны,
я их давно не видел —
мне снятся игры детские мои:
я в «плен» попал,
но я «своих» не выдал,
они ведут за балкою «бои».
У нас на редкость дружные мечты —
мы летчики,
как Чкалов или Громов!
...И год всего
до крупновского грома
и два —
до той концлагерной черты,
где я в плену.
Здесь без кавычек плен,
и здесь враги
страшней воображенья...
Подспудно, видно,
детские сраженья
готовили нас к пыткам перемен.

Отречение

«Отречемся от старого мира...» —
пелось в революционной песне
начала века.
Для нас, сегодняшних, эти слова —
История,
неумолкаемое эхо Революции.
А жизнь по-прежнему
выводит на перекресток времени
прошлое и будущее,
заставляя настоящее
вдуматься и прочувствовать
свою связь с прошлым
и ответственность за будущее.
Мы отреклись от старого мира.
Засучив рукава
строим невиданный мир,
продолжая дело,
начатое дедами и отцами,
и поем партийный гимн,
ставший главной песней эпохи:
«Мы наш, мы новый мир построим!»

Мальчикам Земли

Судьба нас не бросала под Узску.
Другим парням достался Халхин-Гол.
С мобилизационною повесткой
не мы шагнули в сорок первый год...
Как в День Победы
память жжет невольно!
Но нас отцы затем и берегли:
пока мы живы,
пусть играют в войны—
играют только!—
мальчики Земли.

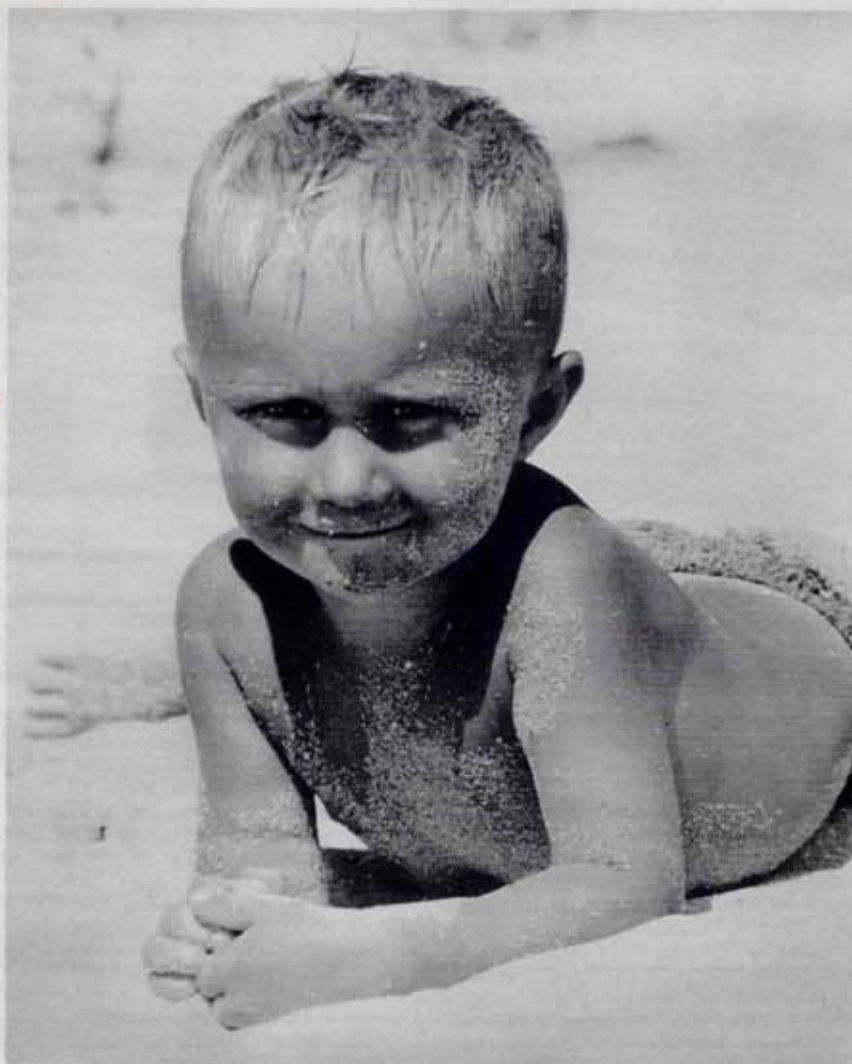
Будут голубые города

У каждого поколения своя песня.
Мы любим петь вот эту— про «голубые города, у которых названия нет...». Пока нет, конечно. Те, которые мы построили, стали частицами нашей биографии, и названия их знает вся страна — Тайшет, Талнах, Надым...

Со стороны, наверное, и в самом деле странновато выглядит и вызывает улыбки, когда собираются сорокалетние мужчины и с чувством выводят:

Есть у нас один секрет:
на двоих нам сорок лет,—
как говорят, все впереди...

Добрая песня! И мы добрые, потому что знаем: все еще впереди. И у тех, кто сегодня подсмеивается над нами, будет своя первая трасса в тайге или в тундре, в горах или в пустыне, неважно. Будет и своя песня. А главное—будут голубые города.

Следы на первом снегу

Есть особая четкость
в зимнем пейзаже.
Вот следы на первом снегу.
Красок мало:
всего лишь белила и сажа,
а я глаз оторвать не могу.
Каждый год, каждый век—
белила и сажа,
а поэзии нет конца!
Красота необманная
русских пейзажей
с детства входит в наши сердца.

Оттепель

Неделю погода сходила с ума. Неуступчивый и жесткий февральский ветер хулиганил похлестче Соловья-разбойника: гнул и ломал кусты и слабые деревца, сбрасывал с крыш сугробы, незваным гостем тряс оконные рамы и лихорадил ртутный столбик термометра. В морозном воздухе носилась поэмка, закрывая бе-

лесой пеленой горизонт. Казалось, шабашу ветра и мороза не будет конца...

Но вот наступила оттепель. Зимний пейзаж заискрился, оттаяли заснеженные окна, и в чистых прямоугольниках стеклянных холстов проступили рисунки великого художника, имя которому— Природа.

Лесные метаморфозы

В лесу прошел густой летний дождь.

Вдоль просеки, в углублениях, образовались маленькие озера из дождевой воды, и деревья с любопытством посматривали на свое отражение в зеркальных лужах, тихо покачивая верхушками.

Гриб, выросший у самой кромки одной из луж, казался сам себе деревом—высоким и стройным.

«Вот они, лесные великаны,—с пренебрежением думал он,—плавают у моих ног...»

Но вот с одной из сосен упала маленькая веточка, сбитая струйками дождя, и зацепилась за шляпку гриба. И сразу все встало на свои места: деревья, даже отраженные в луже, остаются деревьями, лесными великанами.

Тревожные восьмидесятые годы... Редко в какие времена столь острым был конфликт между силами разума и справедливости и силами зла, готовыми обрушить на человечество ядерную катастрофу, лишаящими прав и свобод миллионы и миллионы людей...

Безработица... Нищета... Террор... Безответственная, преступная агрессивность... Повседневная практика мира капитала. В 1985 году в Москве, как известно, состоится XII Всемирный

ТРАГ БЕЗ В АН

Молодежь со всей остротой ощущает последствия кризиса, охватившего капиталистические государства. Еще не вступив в трудовую жизнь, прямо из школы сотни тысяч юношей и девушек попадают в очереди на биржи труда. Газеты пестрят фотографиями понурых юнцов в ожидании найма.

В Англии около миллиона молодых людей в возрасте до 25 лет не имеют работы, во Франции—900 тысяч, в ФРГ—700 тысяч, в Италии—полтора миллиона. Каждый второй, кто пополняет армию «лишних людей» в Западной Европе,—моложе двадцати пяти лет. Им нигде еще не пришлось работать. В США без работы 15 миллионов человек, половина из них—молодежь.

Общения с безработными избегают, как с прокаженными. Их среда плодит алкоголиков, наркоманов, преступников, сумасшедших. Безработица убивает людей, вызывая и обостряя многочисленные болезни. Институт Джона Гопкинса в США подсчитал, что от стрессов, которые вызывает нынешний экономический спад, за три года умрет свыше ста тысяч американцев.

В погоне за прибылью, не считаясь с людьми, капитализм выбрасывает миллиарды на гонку вооружений, но не находит средств для создания новых рабочих мест, для ассигнований на образование и социальные нужды.

КЛАДБИЩЕ ПЕРЕД БЕЛЫМ ДОМОМ

Январь в Вашингтоне свиреп ветрами. Колочими, пробирающими до костей. Только крайняя необходимость заставит выйти на улицу. Погода явно не для прогулок. Вот и всегда оживленная Коннектикут-авеню застыла—прохожих словно вымело ветром.

Скоро наступит полдень, здесь его называют «ланч-тайм»—время обеда. На короткое время улица оживает. Туда-сюда заснуют раскрашенные девицы из модных салонов и не уступающие им в умении «подать себя» сотрудницы банков, фирм и контор. Выйдут лощеные дилеры, фирмачи. Покатят в сверкающих лимузинах боссы. И тогда Фредди Диггс дернет оконеченными пальцами струны своей гитары и запоет:

Отчего на всех рекламных
янки процветает?
Но потому ли,
что везде он хозяин сам себе?

Сколько стран ни пройти,
Вам подобной не найти...

Вряд ли кто-нибудь обратит внимание на иронию в этих словах. Певца и не слышно толком в свисте ветра, шуршании автомобильных шин, шарканье человеческих ног, цокоте каблуков, громком говоре. Подадут не за искусство, да и не из сострадания. Скорее подумают: пусть лучше поет, чем грабит в метро...

Он приходит сюда каждый полдень после того, как выстоит ежедневную очередь на бирже труда в районе Норд-Вест и услышит (в который раз!): «Сегодня мест нет. Позвоните нам завтра». Потратить двадцать пять центов на бесплодный звонок! Он не может позволить себе такой роскоши. Неизвестно, наберется ли к вечеру денег на сэндвич. «Спасибо, мэм. Я живу здесь неподалеку, я лучше сам загляну к вам завтра».

В самом деле, Фредди живет поблизости. Там, где застанет его темнота и не обнаружит полиция. Подобных ему три миллиона в Америке. Они спят на вокзалах, в развалинах старых домов, на скамейках под целлофановой пленкой, на тротуарах, загорожившись от ветра куском фанеры. Они греются, разводя в мусорных урнах костры. Собирают окурки, подкрепляются из помоек: ведь на всех не хватает похлебки, которую варит и раздает «Армия спасения».

Пришел полдень на Коннектикут-авеню. Но без Фредди Диггса. Все было точно так, как вчера. Только на этот раз никто не пел на тротуаре язвительный и горький панегирик Америке. В это утро труп Фредди Диггса нашли в коробке из картона, которую он сделал на эту ночь своим домом. Смерть наступила от гипотермии, как записала полиция в протоколе. Иными словами, певец просто замерз в эту ночь, как десятки других, кто был без работы и крыши над головой.

В этот день президент США Рональд Рейган обедал в Восточном зале Белого дома. На своем именном сервизе ручной работы с золотой каймой. Одна тысяча долларов за прибор. Отобедав, президент подошел к окну. На сквере против Белого дома белели кресты. «Эй, какой идиот устроил здесь кладбище? Что все это значит?»—спросил президент.

Ему доложили: какие-то парни вкопали на Лафайет-сквер полсотни крестов—ровно столько бездомных замерзли на улицах американской столицы. На крестах были написаны их имена: Джесс Мур, Амелия Марклин, Мелвин Смит, Джон Шеридан, Фредди Диггс, певец 19 лет...

Бутафорское кладбище устроили члены общества «ненасильственных действий». Рядом воздвигли палатки и назвали печальное поселение «Рейганвиллем»—по аналогии с «Гувервилля-

ми», скопищами лачуг, в которых ютились безработные в годы «Великой депрессии» пятьдесят лет назад...

Президент отошел от окна. Он знал, что под боком его резиденции, в зловонном, загаженном переулке несколько сот голодающих стоят в очереди за миской похлебки. Президент сам наносил визит в трущобы Нью-Йорка. Правда, он тогда еще не был президентом и стяжал себе славу борца за права обездоленных. Рейган знал, что в его стране не могут найти работу 15 миллионов человек. Но позволить кому-либо из них торчать здесь, перед Белым домом, и портить лужайку—этого он не мог.

И тогда прикатила полиция. Прилетели с воем пожарные. Жителей «Рейганвилля» похватили за ноги и за руки и побросали в автофургоны. Их увезли неизвестно куда. Палатки сгребли, а кресты повывергивали и спалили на свалке. «Всеобщее благоденствие» снова вступило в свои права...

В ОЧЕРЕДИ ЗА ПОХЛЕБКОЙ

Эрик Типпетт выделяется в очереди за бесплатной похлебкой: он не обливает супом подбородок во время еды, не закутан в тряпье, которое источает зловоние. Но он так же голоден, как другие, кто приходит в миссию «Харбор лайт» в Торонто.

Проглотив несколько ложек супа, Типпетт прислоняется к стене, устремляет глаза поверх голов толпящихся вокруг людей.

— Думаю ли я, что найду работу?—переспрашивает он.—Когда по всей Канаде без работы полтора миллиона, я понимаю: мне не найти места. Приходится принимать это как факт. Выхода нет. Потому я и хожу в миссию, чтобы поесть бесплатно.

Ему 25 лет. Окончив десятый класс, Эрик Типпетт устроился в мебельном магазине. Через два года его уволили. В течение года работал печатником в государственной типографии, но и этого места не стало. Три года перебивается случайными заработками.

— Получаю пособие, но его не хватает даже на еду,—говорит Эрик.

Четыре раза в неделю миссия открывает на улицах Джарвис и Шутер походные кухни для всех, кто «заплатит» за еду тем, что прослушает часовую проповедь миссионера. После проповеди люди выстраиваются вдоль стены, чтобы получить миску с супом, которую ставят на деревянный стол. Из пластиковых пакетов достают хлеб, соль берут из стеклянной банки с пробитой крышкой. Многие встают в очередь по второму разу.

Перед выходом каждому вручают буханку черствого хлеба или пачку печенья—пожертвование от близлежа-

щего магазина. Буквально давятся супом, чтобы успеть схватить печенье, пока его не разобрали.

— Если ты не лапша—будет и хлеб и печенье,—говорит Эрик Типпетт, помахивая белым пластиковым пакетом с буханкой хлеба и несколькими пачками печенья.—Хлеб можно растянуть на несколько дней. Сладости съешь за час. Мне никогда не хватает денег даже на самое необходимое. Хлеб-то я ем каждый день. Когда получаю пособие, могу даже купить и масла. Вот такая у меня диета—неделя так, неделя эдак. А суп ем здесь. Живу от еды до еды. Будущего для меня не существует. Целыми месяцами не бывает гроша в кармане. Я добываю окурки из урн, подбираю их с тротуара, выпрашиваю у людей. Сегодня за вечер добыл целых три. Сейчас у меня нет ни цента. Я мог бы украсть этот цент, но я не жулик. Я мог бы его заработать, однако когда я прихожу в бюро по найму, то убеждаюсь, что это пустая трата времени.

Работники благотворительных организаций сетуют: бесплатная похlebка и приюты, традиционно служившие последним прибежищем для изгоев общества, теперь становятся жизненно важным средством существования даже для представителей среднего сословия Канады, которые не могут найти работу. Многие домашние хозяйки в Торонто, относящиеся к этому сословию, которые год назад чувствовали себя в безопасности, теперь встают в очередь за бесплатным супом у благотворительных миссий. Все чаще среди бродяг и отверженных встречаются те, кому едва исполнилось восемнадцать. Безработица в первую очередь и больше всего бьет тех, кто моложе.

«ЛИШНИЕ ЛЮДИ»

Шону Гранту и Грэму Рэтборну из английского города Уиндеса было по девятнадцать лет, а они уже чувствовали себя стариками. О том, как оканчивали колледж, вспоминали, будто о доисторическом прошлом. Прекрасное время надежд: перед ними лежала дорога в самостоятельную жизнь. Оба мечтали стать автомеханиками. Хотели сначала поработать на каком-нибудь из заводов—«Роллс-Ройс» или «Дженерал моторс». Скопить денег, потом открыть собственную мастерскую...

Мечта дала первую трещину, когда из ворот обанкротившихся автомобильных компаний повалили уволенные. В конторах автозаводов и фирм, пороги которых обивали Шон Грант и Грэм Рэтборн, они слышали только отказы. «Мы прощаемся даже с лучшими мастерами,—объясняли им клерки.—В нашей отрасли черные времена. За два года уволена четверть из тех, кто работал».

фестиваль молодежи и студентов. На его политической трибуне будут обсуждаться все острее проблемы жизни современного мира, современной молодежи. Осенью этого года в нашей столице состоится Международная встреча трудящейся молодежи «За право на труд, за право на жизнь».

Предлагаем вам, дорогие читатели, очерк об одной из страшнейших бед капиталистического мира — безработице среди молодежи.

ЕДИНСТВО ТРАКТА

Парни подались в Бирмингем. Где-где, а уж здесь-то найдется дело. Бирмингем называют «городом тысячи и одной профессии». Но повсюду встречали их опустелые здания из почерневшего красного кирпича, заводские трубы, давно позабывшие запах дыма. В забегаловке «Филд энд кэт» («Скрипка и кошка»), где по вечерам было тихо, словно на кладбище, Шон и Грэм познакомились с Фредом, Бертом и Эриком, бывшими автомеханиками «Бритиш Лейланд». «Лучше бы вы, ребята, бежали в Австралию или в Новую Зеландию», — посоветовал Фред. — В нашем городе что ни месяц выгоняют по четыре-пять тысяч рабочих. Меня вышибли год назад, Берта — еще раньше, Эрика — на прошлой неделе. А у меня жена, трое детей. У них тоже семьи...»

Хозяину «Скрипки и кошки» был отдан последний фунт. Куда там в Австралию — до дома доехать не на что. Поздним вечером они подошли к стоявшему у тротуара автомобилю...

Они приехали на пустынную набережную реки Мерси, приторочили резиновый шланг к выхлопной трубе и протянули его в салон. Затем завели двигатель. Утром полиция обнаружила автомобиль с двумя трупами и записку, автору Шон и Грэм написали перед смертью своим родителям: «Зачем жить, если нет никаких надежд найти работу? Все, что остается подросткам, — это поддирать стены на уличных перекрестках, да и оттуда их гонит полиция. Если так пойдет и дальше, то скоро никто в нашей стране не сможет найти работу. Вот почему молодежь буйствует и совершает преступления. А что еще делать? Нам осталось недолго жить, но это уже не имеет значения. Нам только жаль вас, остающихся в живых».

«У меня надтрывается сердце видеть все это», — говорил Кеннет Бартон, лорд-мэр Бирмингема, гостю из Франции, проезжая с ним по Кингзвэй в сером служебном «роллс-ройсе». — Некоторые, особенно молодые, приходят в отчаяние. Мы решили ввести в колледжах новый предмет — «Безработица». Наш долг — подготовить молодежь к тому, что ее ожидает».

В США специальная комиссия сената была вынуждена признать, что во многих районах, где свирепствует безработица, люди просто умирают от голода. На юге страны рядом с хижинами бедняков повсюду видны каменные холмики. Это могилы детей, которых постигла голодная смерть. Голодает десять миллионов человек — это только по официальной статистике. Чтобы не умереть, в Миссисипи и Алабаме многие вынуждены есть... землю.

Таких «землеедов» показал в своем документальном фильме кинорежиссер Якоб Хольдт, датчанин, пять лет путе-

шествовавший по США. Он заснял на глинистом косогоре молодую истощенную негритянку с ребенком (скелетик, обтянутый черной кожей). Здесь она каждый день скоблит себе и своему сыну глину на пропитание. Вот беседа с ней, взятая из фонограммы фильма:

- Скажи, разве это вкусно?
- Да.
- Но какой же у этого вкус?
- Гм-м. А ты никогда не пробовал?
- Я бы хотел попробовать... А твои родители тоже это едят?
- Конечно, и притом постоянно.
- Как же вы это зовете? «Красная глина»?
- Нет, мы зовем это «сладкая земля»...
- А на севере, я знаю, это зовут «миссисипская грязь». Много ли еще людей в ваших краях едят глину?
- Конечно, много...

СОЦИАЛЬНАЯ БОМБА

«Многие из безработных старшего поколения, очевидно, уже никогда не получат работы. Многие молодые люди никогда не начнут работать», — говорится в докладе английских ученых.

«Чума безработицы» поражает все западные страны. Молодежь до 19 лет составляет здесь треть населения. Наступление юности в 13—14 лет, то есть на 2—3 года раньше, чем в прошлом веке, созревание для самостоятельной жизни к 24 годам, что вызвано удлинением сроков учебы, создали новую социальную категорию, от благополучия которой во многом зависит судьба всего общества. Но именно массы ее представителей, которые долгое время учатся, сдают экзамены, подготавливаются к современному производству и участвуют в катаклизмах научно-технической революции, в конце первого этапа трудной жизненной лестницы выбрасываются в никуда, за борт.

Высокий уровень безработицы среди молодежи обусловлен и структурными изменениями в спросе и предложении на рынке труда, которые вызваны переменами в сфере производства, прогрессом науки и техники. Среди безработных за последние годы стало значительно больше людей умственного труда, писал журнал «Тайм». Если бы безработные США с высшим образованием встали в очередь к бирже труда в Нью-Йорке, хвост этой очереди протянулся бы до Чикаго.

Одна из причин безработицы среди молодежи — социальная незащищенность молодых. Большинство из них еще не вошло в профессиональные организации, имеющие опыт борьбы с предпринимателями за право на труд, за лучшие условия найма. Сплошь и рядом на

молодежь не распространяются законы, которых добился рабочий класс ряда западных стран. Взять хотя бы ФРГ. Здесь люди до 20 лет не подпадают под действие закона «о порядке увольнения», который ставит определенные ограничения произволу предпринимателей.

Молодых обрекают на бездействие. Но бездействие таит в себе опасности. Об этом напоминают кривые роста преступности, наркомании, проституции. Буржуазных социологов и политиков тревожат приметы ускоряющегося процесса радикализации молодежи. Не без основания в многомиллионной армии молодых людей они видят взрывной материал, который опасен для всей системы капитализма.

«Безработица среди молодежи подобна бомбе замедленного действия», — считает бывший мэр Нью-Йорка Джон Линдсей. «Наблюдается общее недовольство», — пишет журнал «Ньюсуик». «Нужна только искра, чтобы произошел взрыв», — предупреждает президент Национальной коалиции городов США Карл Холмен. В «Старом свете» делаются подобные же прогнозы. В Англии, например, свежи воспоминания о событиях осени 1981 года, когда доведенная до отчаяния безработная молодежь вышла на улицы лондонских пригородов, чтобы бросить вызов обществу, в котором ей нет места. Возводили баррикады, разбивали витрины, поджигали дома и автомашины, дрались с полицией...

Институт социальных проблем в ФРГ исследовал молодежную безработицу и назвал среди самых тревожных ее последствий рост в умах молодежи антигосударственных настроений. «Нет никакого толка от демократии, которая не обеспечивает нас работой» — так считают более трети молодых безработных в Западной Германии.

УКРОТИТЬ ОКЕАНЫ ЛЮДЕЙ

«Мы должны укротить океаны людей», — сказал как-то один из советников американского президента. — Молодых людей нужно чем-нибудь занимать, но не выпускать их на улицы».

Как отвлечь молодежь от борьбы за свои права, от политики и общественной деятельности? Это делает массовая пропаганда. Одним из примеров стала фабрикация «панккультуры», которую один из английских журналистов назвал «гноем большого общества». «Панки» (в переводе с английского — «подонки», «ничтожество»), подчеркивая свою униженность и отвержение, ходили, как известно, в собачьих ошейниках, носили на шее цепочки от унитазов и т. д.

На смену «панкам» фабриканты «субкультуры для молодежи» подсунили

«модов» (от слова «модерн», «современный»). Кредо этих «диверсантов в смокингх», как их нарекла реклама (диверсантов против чего?), содержится в шлягере «Время действовать»:

*Стоим в тени,
там, где встречаются
только свои.
Одеты все, как на банкет,
мы ненавидим «панков» бред.
Так сделайте меня вождем,
потому что время не ждет.
Время действовать,
время действовать...*

(Повторяется 12 раз.)

«Моды» явно надеются, что вместе с «деловой» стрижкой и «деловыми» костюмами придет и само дело, работа, по которой томится в Англии два миллиона рук. В то же время бег молодежи в колесе — от «модов» к «панкам» и снова к «модам» — хорошее средство для поглощения ее социальной энергии. Это превосходно поняли идеологи и дизайнеры «поп-культуры». Они мечтают о подростке, который ломал бы себе голову над шириной пиджачного лацкана, а не над проблемами безработицы, расизма и полицейских репрессий. Ким Годт, редактор журнала «модов» «Максимум спид» («Максимальная скорость»), говорит откровенно: «Моды» направляют естественное бунтарство молодежи в приемлемое русло».

Один музыкальный критик заикнулся было, что «моды» вредны для общества. «Вредны?» — взвился в ответ журнал «Саундз». — Для кого же вредны?! Что они осуждают? Кампучию, гонку вооружений, бум наркомании, жестокость полиции?... В самом деле, беспокойство от «модов» для властей и полиции не выходит за стены концертных залов, в которых юнцы, накурившись марихуаны, устраивают побоища и пожары прямо на сцене.

ВЫХОД — В БОРЬБЕ

На первый взгляд этот худощавый юноша ничем не выделяется среди сверстников. Но стоит заговорить с ним, и вы запомните его глаза — горящие, живые и еще — умение слушать. Где бы ни появлялся он — на заводе «Рено», в университете, школе, студенческом кафе, — его узнают, ему рассказывают о том, что волнует. В его биографии, пожалуй, нет ничего необычного. Родился в семье учителей, окончил университет и сам стал преподавать в школе.

— Если мы не будем сами драться за свои права, никто нам их не подарит, — говорит Ивон Друм, секретарь секции Движения коммунистической молодежи Франции в городе Руане. — Конечно, это не просто. Молодежь пыта-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 19 (1377) ОКТЯБРЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
актриса
Галина БЕЛЯЕВА.

Фото
Валерия
ПЛОТНИКОВА.

- 1 Владимир КАЛИНИЧЕНКО. «ВЗГЛЯНИ НА МИР НЕРАВНОДУШНО».
- 2 МИР КАПИТАЛА: КОГДА ЧЕЛОВЕК НИКОМУ НЕ НУЖЕН. Елена КАВЕЛИНА и Борис БАННОВ. «ТРАГЕДИЯ БЕЗ АНТРАКТА».
- 5 «УРОКИ ВО ВРЕМЯ КАНИКУЛ». Фотоочерк Алексея ВОРОБЬЕВА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 7 Юрий РОДИН. «МАСТЕР И МАРГАРИТЫ».
- 8 Рассказ Валерия ХАЙРЮЗОВА «ДВОЕ В ОСЕННЕМ ГОРОДЕ».
- 12 «Я, КУЗНЕЦ ИВАНОВ...» Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 14 Рейд «СМЕНИ» по экономии нефтепродуктов. «ОДИН ПИШЕМ — ТРИ В УМЕ».
- 16 Чингиз АЙМАТОВ. «МОЯ КИРГИЗИЯ».
- 18 СТИХИ ПОЭТОВ УЗБЕКИСТАНА, КИРГИЗИИ, ТАДЖИКИСТАНА, ТУРКМЕНИИ.
- 22 ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА».
- 24 «ГОЛОС ВОДЫ». Фотоочерк Иона ПРОКА и Анатолия МУНТЯНУ.
- 25 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 26 НАДО ОБСУДИТЬ. Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. «НЕОЖИДАННЫЕ ПАРАДОКСЫ».
- 28 Повесть Николая ОГАНЕСОВА «ИГРАЕМ В «СПРИНТ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

ются развратить потребительством, ошарашить калейдоскопом мод на идолов, музыку, одежду, даже на манеры поведения. Расчет простой: не дать пробудиться от наивных грез. Не дожидаясь, пока одно снотворное перестанет действовать, подсовывают новое. Мы разоблачаем все это, ведем молодежь к борьбе за свои права, за будущее без угнетения и классовой несправедливости... Ведь неправильно думать, что молодые безработные непременно оседают на дно. Это не так. Большинство идет к пониманию, в чем причины, породившие безработицу, и становится на путь борьбы. Молодежь осознает: для защиты ее социально-экономических интересов необходимы действия всех трудящихся и их профсоюзов. Устремления эти совпадают с интересами рабочего класса. И молодые обращаются к коммунистам, у которых ясные и конкретные программы борьбы с безработицей.

«...Дайте нам будущее». Под этим лозунгом английские коммунисты вместе с Британским конгрессом тред-юнионов проводили общенациональную кампанию молодежи. Ее цель состояла в том, чтобы правительство изменило социально-экономическую политику, сократило расходы на военные нужды и предоставило молодежи рабочие места. На специальном поезде-экспрессе, названном «Работа», тысячи молодых людей — школьников, студентов, безработных — прибыли из Ньюкасла, Глазго, Манчестера, Бирмингема и еще шести крупных городов в Лондон. Здесь они провели манифестацию в поддержку своих требований. Маршем за право на труд прошли по всей Англии. Один из участников марша, Икс Мур, безработный, вел в дни похода дневник, в котором писал:

«...Что дал этот марш мне и тысячам моих спутников? У человека, живущего на пособие по безработице, складываются определенные привычки — привычки обитателя свалки. Но во время марша те, кто уже приобрел эти привычки, те, кого выкинули за ненадобностью, вдруг поняли, что есть еще такие понятия, как дружба, человеческое тепло, надежда. Пусть наша борьба за право на труд станет борьбой за право на жизнь! Мы шли нашим маршем, чтобы заявить тем, кто толкает нас в очередь за пособием, что они могут швырять нам милостыню, они могут не слушать наши требования о демократических правах, они могут заставить нас жить хуже собак, но они не могут запретить нам выражать свою ярость».

В этом марше участвовали молодые рабочие из Италии. Они были приглашены английскими комсомольцами. Среди них был Паоло Фатини, юноша сталевар из Неаполя. Он рассказывал англичанам, как его родной город боролся против решения предпринимателей закрыть сталелитейный завод «Италсидер». В день всеобщей стачки тысячи неаполитанцев вышли на улицы. Молодежь была рядом со старшими. На центральном вокзале собрались железнодорожники, которые единогласно решили поддержать металлургов. Главный митинг открыли на площади Гарибальди. Полиция не осмелилась вмешиваться, рабочие были хозяевами в Неаполе. Такое не забывается никогда!

Я узнал, что из-за нехватки людей советские предприятия устанавливают контакты с близлежащими школами, приглашают учеников на работу. Всем окончившим производственное обучение гарантирована работа по специальности. Меня поразило, что на советских предприятиях обязательно есть резерв рабочих мест для тех, кто оканчивает общеобразовательные школы, профессионально-технические и технические училища. В каждом городе действует специальное бюро по трудоустройству молодежи. В Америке я буду рассказывать как о чуде, что в последние десять лет в Советском Союзе создано двадцать миллионов рабочих мест. В подавляющем большинстве их заполнила молодежь. Разница перспектив для нее в вашей стране и моей огромна.

«...Я видел будущее, и оно действует», — писал после поездки в Советскую Россию в 1919 году американский публицист Линкольн Стеффенс. «Мы видели будущее, и оно прекрасно», — говорят гости нашей страны сегодня.

И с горечью напоминают о реалиях капиталистического мира, в котором действует жестокий закон: когда тебе плохо, не жди помощи, ты никому не нужен, никому...

ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ

Дайсон Картер, публицист из Канады, путешествовал по СССР. Был в столице и в других городах, на Байкале, в Якутии. И повсюду он чувствовал поразительное отличие от привычного образа жизни.

«Я имею в виду всю атмосферу», — пояснил Дайсон Картер, беседуя с нами в Москве. — В нашу страну пришло экономическое ненастье. С целлюлозно-бумажных и деревообрабатывающих фабрик, алюминиевых и автомобильных заводов, с авиасборочных предприятий чуть ли не поголовно увольняют рабочих. В день отлета в Москву, развернув

утреннюю газету, я увидел на первой странице фотографию рабочего парня, его плачущей жены и детей, оставшихся без жилья и средств к жизни. Газета не ломала голову над заголовком, крупным шрифтом написала лишь то, что сказал безработный: «Дела — хуже некуда. Чего же говорить о будущем?!»

Гнетущая атмосфера исчезла как дым, едва мы очутились в Советском Союзе. Мы в восторге от ваших заводов и фабрик — и не потому, что они крупнейшие в мире, а потому, что они обеспечивают полную занятость советским людям. На БАМЕ мы видели многочисленные поезда, летящие сквозь осеннюю золотую тайгу. Канада схожа с Сибирью. У нас тогда тоже была осень, и леса стояли удивительно живописные. Но наши газеты полны сообщений о закрытии заводов, фабрик... Каждый знает, что в следующем месяце без работы останутся новые тысячи, а цены — на продукты, одежду, жилье, транспорт — будут расти...

Я нигде не встречал людей с такой вдохновляющей верой в будущее, как у вас...

Джозеф Харрис — директор нью-йоркской Ассоциации исследований труда. Занимается вопросами экономического положения трудящихся в США. В Советском Союзе встречался со многими специалистами по работе с трудовой молодежью. Спрашивал о проблемах и трудностях, выяснял детали. И не уставал восхищаться очевидным и невероятным: он в стране, где нет безработных!

— Мы умом понимаем, что у вас безработица давно ликвидирована, — рассказывал Джозеф Харрис после того, как объездил Советский Союз. — Тем не менее нам это казалось настолько немислимым, что требовалось посмотреть собственными глазами. И мы убедились! У вас мы нигде не видели очередей безработных, стоящих за наймом, не видели нищих, роющихся в помойках, как это на каждом шагу видишь в США.

Еще больше нас удивило то, что советские рабочие, по нашему мнению, не в состоянии до конца представить себе, что такое безработица в Америке, как влияет она на весь образ жизни и мысли американского рабочего. Нам настолько же трудно было вникнуть в психологию советского человека, для которого безработица — полнейшая абстракция, атрибут далекого прошлого.

В Нурке, городе рядом с ГЭС, меня поразила такой факт... Когда шло строительство, для незанятых женщин, главным образом жен рабочих и инженеров, здесь открыли швейную фабрику. А когда ГЭС построили и мужчины освободились, был введен в строй ремонтный завод, ряд других предприятий. Повсюду на улицах мы видели объявления: «Требуются рабочие».

Я узнал, что из-за нехватки людей советские предприятия устанавливают контакты с близлежащими школами, приглашают учеников на работу. Всем окончившим производственное обучение гарантирована работа по специальности. Меня поразило, что на советских предприятиях обязательно есть резерв рабочих мест для тех, кто оканчивает общеобразовательные школы, профессионально-технические и технические училища. В каждом городе действует специальное бюро по трудоустройству молодежи. В Америке я буду рассказывать как о чуде, что в последние десять лет в Советском Союзе создано двадцать миллионов рабочих мест. В подавляющем большинстве их заполнила молодежь. Разница перспектив для нее в вашей стране и моей огромна.

«...Я видел будущее, и оно действует», — писал после поездки в Советскую Россию в 1919 году американский публицист Линкольн Стеффенс. «Мы видели будущее, и оно прекрасно», — говорят гости нашей страны сегодня.

И с горечью напоминают о реалиях капиталистического мира, в котором действует жестокий закон: когда тебе плохо, не жди помощи, ты никому не нужен, никому...

Алексей ВОРОБЬЕВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА

Человек перешел в десятый класс, человеку пятнадцать-шестнадцать. Взрослый он или ребенок? Наташа Тихонова в свои пятнадцать самостоятельно, по-взрослому пытается ответить на очень важный вопрос: кем быть? Она уже поняла, что специальность программиста, которую осваивают ребята из их математической школы, лично ей не подходит. Лично ей хочется стать врачом. Как мама. Но где же проверить, есть ли необходимые для будущей профессии качества? И вот Наташа узнает, что в отряд «Юный медик» набирают новичков...

Говорят, Казань — город студентов. Согласившись с этим, надо признать, что один из самых популярных здесь вузов — медицинский. Желающих поступить сюда тема, а конкурс, пожалуй, поострее будет, чем в именитые московские «меды». Именно здесь, в Казанском медицинском, пять лет назад возникла любопытная идея создать по типу ССО отряд старшеклассников для работы в больницах и поликлиниках города — обязанности нянечек и младших медсестер ребятам вполне по силам. Цель преследовалась простая: помочь школьникам в выборе профессии, еще до поступления в вуз познакомить их с не слишком привлекательными ее сторонами. Чтобы меньше потом было разочарований. Идея воплотилась в трудовой отряд школьников, получивший название «Юный медик».

**«ЕСЛИ ХОЧЕТСЯ ТЕБЕ,
ТО ДЕЛАЙ ТАК!»**

**РАБОТА ОКОНЧЕНА.
ОТДЫХАТЬ!**

Из интервью с секретарем Казанского горкома ВЛКСМ Людмилой Осиповой:

— Казалось, проблемы нет. Многие ребята желали летом работать, многие поликлиники и больницы готовы были принять их на время каникул регистраторами, лаборантками и нянечками. Мешало лишь одно, с виду совсем незначительное обстоятельство. Ребята не знали, где именно нуждаются в их услугах, а поликлиники не могли определить, из каких школ приглашать помощников. Ведь не вывесишь на дверях больницы объявление «Требуются школьники»?

Необходимо было какое-то связующее звено, своеобразное бюро трудоустройства, которое совместило бы интересы подростков и медицинских учреждений. Такую роль взяли на себя комсомольские организации города...

Сегодня в «Юном медике» около пятисот человек. Трудоустройство ведется по строгому плану. Еще весной студенты медицинского выясняют, какая поликлиника или больница сколько ребят способна принять. Райкомы комсомола, в свою очередь, выявляют до школ желающих вступить в отряд, разумеется, сверяясь с заявками. И когда заканчивается последняя учебная четверть, каждый из юных медиков, пройдя соответствующий инструктаж, получает на руки комсомольскую путевку. А с корешком той же путевки в райком возвращается отзыв о том, как трудился школьник.

Комсомольская путевка соединила взаимной ответственностью подростков и администрацию, замкнула контакт. Комсомольское бюро трудоустройства приобрело действенный инструмент влияния.

В одной из поликлиник города нам с гордостью рассказали о мальчишке-восьмикласснике, с необычайным старанием подбиравшем в регистратуре карточки больных. В другой — о девчонках из лаборатории анализов, что заменили ушедших в отпуск лаборанток на довольно неприятной работе. «Свою

УРОКИ ВО ВРЕМЯ КАНИКУЛ

Дерево,
посаженное вчера,
приносит плоды
сегодня.
Сегодняшняя
забота о том,
кто придет
на смену
опытным мастерам,
с лихвой
окупится завтра.

дочь я бы сюда не пустила, — заметила старшая медсестра. — но эти молодцы!» А вот в больнице №9 нам не удалось встретиться с самой прилежной из младших медсестер: девятиклассница Таня Аксенова присутствовала при операции.

Профессиональная ориентация школьников... Она и в том, чтобы направить на путь истинный, и в том, чтобы уберечь от ошибки. Прикидываем, и получается, что лишь пятая часть тех, кто прошел через «Юный медик», сохраняет желание стать врачом. Четверо из пятерых, познакомившись с реальной работой, меняют свое решение. Хорошо это или плохо? Думаю, что хорошо, потому что многим будущим пациентам удастся избежать встречи с плохим врачом, по ошибке окончившим медицинский.

...Итак, Наташа Тихонова стала нынешним летом членом трудового отряда старшеклассников. Теперь нужно было выбрать место работы. Помогли школьные подруги.

**ОБУВНОЙ КОНВЕЙЕР.
МАСТЕР ОТКРЫВАЕТ СЕКРЕТЫ.**

— Давай с нами, в Дом ребенка. Там говорят, труднее всего.

— Труднее? А что, подходит! Уговорили. Она еще не догадывалась, на что согласилась. Поняла это, лишь перешагнув порог Дома ребенка №3.

Сюда поступали малыши со слабым здоровьем, с родовыми травмами. Малыши, к которым школьницам и прикоснуться-то было страшно. Неловкое движение — детишки в рев. А ведь не только успокаивать малышей надо: обмывать и одевать, кормить с ложки и баюкать.

Скидок на возраст школьницам не полагалось. Ведь и опытных и юных своих нянечек малыши мерили одной мерой чуткости и доброты.

Наташа не просто уставала после первых смен — выматывалась. Груз ответственности отнимал много душевных сил. И чем меньше их оставалось, тем почему-то острее чувствовала, как нужны этим детям ее забота и ласка. Но откуда возьмется ласка, если и дотронуться до ребенка боязно? Вот оно, испытание!

Можно бы, конечно, повернуться и уйти, но попробуй это сделать, если на работу тебя принимали как взрослого, самостоятельного человека, которому за труд — лишнее подтверждение «взрослости» — уже начислялась зарплата. Отступать было поздно.

— Пошла — терпи! Теперь уж терпи до конца, — говорила ей мама, врач-терапевт со стажем.

И Наташа терпела. День ото дня все смелее она брала на руки подопечных, словно не

**У ЮНОГО ПОЧТАЛЬОНА —
«ЧАС ПИК».**

**НАТАША ТИХОНОВА:
«УЛЫБНИСЬ, МАЛЫШ!»**

подростков. А производительный труд, труд, оплачиваемый наравне со взрослыми, как раз и помогает ребятам такую самостоятельность обрести. Быстрее вовлекает школьника во «взрослые» социальные взаимоотношения.

Беспокоит нас, педагогов, лишь то, что список специальностей, по которым закон разрешает трудиться подростку, пока слишком короток. Наверное, настало время значительно пересмотреть его, учесть, что сегодня дети взрослеют быстрее. И если сейчас каждый четвертый старшеклассник в Казани работает летом на предприятиях и в учреждениях (показатель сам по себе весьма высокий), то расширение списка специальностей значительно увеличит количество желающих...

Признаться, одолевала нас в Казани лукавая мысль: найти среди специалистов хоть одного яростного противника летнего труда школьников. Старались и не нашли. Настолько солидно зарекомендовали себя «Юный медик» и другие объединения.

Из интервью с заведующим отделом здравоохранения Казанского горисполкома Ш. С. Каратаем:

— Труд в любых его формах, естественно, при чередовании умственной и физической нагрузок, снимает стрессовые ситуации, психологическое утомление от напряженного учебного года. Польза очевидна, а риска, что новые нагрузки скажутся на здоровье, практически нет. Потому что санитарные учреждения, другие государственные службы строго контролируют, в каких условиях трудятся подростки, мгновенно вмешиваются при любых отклонениях от установленных законом норм. Жалоб к нам ни от детей, ни от родителей не поступало ни разу...

Казань не только город студентов, но и

развитой промышленности. Что хозяйственники думают по поводу трудового лета старшеклассников?

Из интервью с заместителем генерального директора Казанского моторостроительного производственного объединения К. С. Храмовым:

— Рентабельны ли школьники на современном производстве? А рентабельна ли работа человека о дереве, которое даст плоды лишь много лет спустя? Плоды, которые он сам, может быть, и не увидит? Ответ, по моему, ясен. Школьник в заводском цехе требует к себе особого внимания, но ведь через год-два он придет к нам уже взрослым человеком. И нам безразлично, каким он придет. Каким работником станет. Поэтому когда слышу, что у того или иного предприятия нет возможности принять на лето подростков, лишь скептически улыбаюсь. Возможности есть всегда, везде. Даже на таком сложном и ответственном производстве, как наше. Было бы у руководителя желание...

Труд формирует личность. Чем раньше приобщится человек к этой нехитрой истине, тем прямее будет его дорога в жизни.

Когда для Наташи Тихоновой и ее подруг настала пора прощаться с подопечными из Дома ребенка, школьницы еще не были уверены до конца, посвятят ли жизнь самой гуманной на земле профессии. Решение впереди. Но первое испытание они выдержали.

...Наташа еще не раз появится на пороге Дома ребенка, крохи узничют ее сразу, потянутся к ней. Она возьмет ког-ни-будь на руки, вытрет заплаканные глазенки и будто нечаянно поцелует в стриженую макушку...

**ТОЧНОСТЬ И ЕЩЕ РАЗ ТОЧНОСТЬ
НУЖНА ЛАБОРАНТУ.**

их — себя растила и воспитывала. Замечала, как меняется в ней отношение к детям. Разве обратила бы она раньше внимание на молодого папашу, что усиленно нахлопывал среди сквера своего заревавшего малыша? Раньше прошла бы мимо, а теперь возмущилась страшно: «Да радовался бы, что у тебя такой хороший, здоровый ребенок! Посмотрел бы, какие они бывают!»

Она училась самому главному в работе медика — созидающей доброте. И наконец настал день — кажется, это была уже пятая рабочая смена, — когда Наташа, умывая двухлетнего Маратика, неожиданно для себя поцеловала его в стриженую макушку. Легко, будто невзначай. И в этот миг исчезли сомнения и робость, и работа, которая отнюдь не стала легче, сделалась вдруг простой и понятной. Слово остался позади первый, самый высокий барьер.

В тот день она, пожалуй, серьезно подумала о медицине как о своем призвании.

Подросток и «взрослый» труд за вполне реальную зарплату... Как тщательно порой мы оберегаем их друг от друга, как осторожно оцениваем это новое социальное явление! Выдвигая при этом солидные, весомые аргументы «против», ссылаясь и на данные медиков и на «нежелательный педагогический эффект». Забывая в этой своей осторожности первый и самый главный аргумент «за» — великий нравственный урок реального, «взрослого» труда, который не способны преподать подростку занятия в учебно-произ-

водственном комбинате. Ведь там — чаще всего игра в труд, здесь — серьезное дело.

С отряда «Юный медик» началось создание в Казани трудовых объединений старшеклассников. Некоторые из ребят предпочли на лето устроиться в сферу обслуживания, другие занялись озеленением улиц города, третьи пошли работать на предприятия промышленности. Сфера деятельности комсомольских «бирж труда» при горкоме и райкомах ВЛКСМ значительно расширилась, и факты в эти штабы по трудоустройству начали поступать весьма неожиданные.

Выяснилось, к примеру, что, работая в одном из цехов обувного объединения «Спартак», девушки-девятиклассницы изготавливают за смену изделий почти в десять раз больше, чем за то же время в мастерских учебно-производственного комбината. Что далеко не все ребята спешат потратить на личные нужды заработанные деньги — многие охотно отдают их родителям, приобретая тем самым полное право участвовать в распределении семейного бюджета. А кое-кого из «трудных» подростков после одного-двух месяцев работы на заводе снимают с учета в милиции по просьбе трудового коллектива.

Из интервью с заместителем заведующего городским отделом народного образования М. И. Полюшкиной:

— Школьникам старших классов не хватает самостоятельности. Именно в этом видится узел некоторых педагогических проблем, особенно проблем так называемых «трудных»

**Впереди у этих ребят
еще почти год для выбора пути.
Но ответственности за общее дело,
добросовестности, серьезности в работе
они уже учатся.**

МАСТЕР И МАРГАРИТЫ

Юрий РОДИН

Последнее время часто бываю в самых разных профтехучилищах, городских и сельских, встречаюсь со многими воспитателями и педагогами. Разные это люди. Но вот ни разу не встретился мне среди них человек равнодушный, так сказать, чиновник от профтехобразования. Наверное, мне просто везло. Но все-таки общая закономерность проглядывается.

Учащиеся из группы облицовщиков-плиточников строительного ГПТУ-55, с которыми я познакомился в Новосибирске, были вполне самостоятельные, с чувством собственного достоинства, умные и, я не побоюсь это написать, красивые девушки и парни. Девушек, кстати, оказалось вчетверо больше парней. Когда они поступили в училище, первое, что было сказано им директором, звучало так: теперь вы уже не школьники, а настоящие рабочие, проходящие курс подготовки. Посвящение в рабочий класс оказалось не формальным актом, а повлияло на развитие личности. Не только преподаватели, но и родители, с которыми мне пришлось беседовать, говорили о качественных изменениях, происходивших в каждом. Я не склонен переоценивать эту «самостоятельность», но, спорю нет, той самой инфантильности, которой страдают до зрелых лет многие школьники, в них было куда меньше.

Это заметно и в их отношении к своим мастерам. Надо сразу сказать, что, как бы ни распылился и ни пел соловьем иной мастер производственного обучения, если он не подлинный мастер своего дела, уважения в группе не завоеует.

Одна деталь: в столовой ГПТУ-55 посреди зала стоит несколько колонн, облицованных белой кафельной плиткой. Плитка как новая, но одна из девушек группы Валентины Федоровой рассказала:

— Эти колонны двенадцать лет назад облицовывала Валентина Степановна, наш мастер. Видите, какое качество — двенадцать лет стоят, а как новенькие!

И в этих словах была гордость за своего мастера, за свою группу, которая учится у такого мастера. Наконец, настоящая гордость за хорошую работу. А мастер Федорова своих учениц часто называет ласково: «Мои Маргариты...» В память первой своей любимой ученицы. Профессия строителя в нашей стране самая массовая, а наибольшее количество строителей занято на отделке.

Чтобы понять, что же за специальность выбрали себе те самые красивые и уверенные девушки и юноши из группы 22, я несколько дней провел на стройке. Идеализировать работу отделочника на стройке не стоит. Песок, цемент, вода, размешанные в корытце до сметанообразного состояния, невзрачная керамическая глазурованная плитка, опущенная в грязноватую воду, — вот и вся, так сказать, «художественная палитра», которой располагает облицовщик-плиточник. Правда, в последнее время появились разные многоцветные керамические, стеклянные и даже пластиковые плитки, но в принципе мороки с ними не меньше. Условия труда облицовщиков вряд ли лучше, чем у каменщиков или монтажников,

работающих круглый год под открытым небом.

В группе уже сейчас есть ребята, которые благодаря своим мастерам и старанию стали настоящими специалистами, еще не закончив учебы. В училище умеют учить. Но вот о чем хотелось бы поговорить: будут ли они верны этой рабочей специальности в своей взрослой жизни? Причины на то были...

Второй курс в ПТУ для многих переломный. Именно в это время как бы происходит настоящее вступление в рабочий класс. Где-то здесь будущий рабочий окончательно осознает свое положение и состояние. Он начинает понимать, подходит или не подходит ему та специальность, которой он обучается в ПТУ, любит ли он это занятие или равнодушен к нему.

...В комнате общежития, куда мы пришли с Валентиной Степановной, намечалось небольшое торжество — отмечали день рождения Нади Киселевой. Семнадцать лет...

Завязался общий разговор. Стал расспрашивать девушек о житейском бытии. Оказалось, что после летней работы в стройотряде многие — в первую очередь бывшие детдомовцы — впервые ощутили самостоятельность. Не понадобилось и задавать вопросы, чтобы понять — в известной мере свою самостоятельность они увидели в заработанных деньгах.

Оказывается, деньги были для них не только эквивалентом их затраченного труда — строго по политэкономии, — но и источником самостоятельности. Навивно, конечно, самостоятельность измерять не моральными ценностями, а только величиной заработка, но кое в чем они, безусловно, были правы.

Я не стал проводить в группе намеченную мной анкету на тему, как ребята представляют себе свое будущее. Но разговор такой был, состоялся. Записывать дословно я не мог. Просто пометил специальности, в которых ребята видят себя в будущем.

Вот этот перечень: архитектор (можно считать где-то продолжением своей специальности), строитель-монтажник (тоже останется на строительной площадке), шофер, дважды или трижды швея (эти уже уйдут от плитки), культработник, биолог, медик, кулинар, юрист, тренер.

Остаться прочно в своей получаемой в училище профессии собрались только шестеро, то есть всего четверть группы!

И это учащиеся, успешно осваивающие специальность и достигшие в ней, по мнению мастера, уже многого.

У одних желания, конечно, так и останутся желаниями, но вот Саша Селезнев, например, уже сейчас готовится к профессии тренера. Влюбленный в своего тренера — Саша занимается лыжами, — он уже твердо знает, кем станет.

Прошу понять меня правильно, я не за то, чтобы лишить Селезнева или девушку, мечтающую о юридическом факультете, их места в ГПТУ-55, окончив которое они в конечном итоге — после отработки обязательного минимума — не будут работать облицовщиками-плиточниками. Но я за то, чтобы такие, как принято сейчас говорить, «деформации» были исключением, а не правилом.

В актовом зале училища прямо над сценой висит лозунг со словами В. И. Ленина: «Человек будущего в России — рабочий». Познакомившись с ребятами и девушками группы 22, я увидел, что слабенький Саша Быковников обяза-

тельно станет в конечном итоге рабочим — он упорно идет по этому пути. Но чтобы стали рабочими пусть не все, но большинство, в системе профтехобразования надо коренным образом менять то, что только по формальным признакам именуется профориентацией.

Нельзя же нам и впредь умиляться появляющимися в печати заявлениями примерно такого содержания: «Половина выпускников школ города, приобретших профессию в учебно-производственных комбинатах, работают по полученной специальности».

Увы, не работают. Гораздо чаще раз за разом меняют профессию, всякий раз начиная осваивать новую едва ли не с азав.

Восемь лет назад в «Комсомольской правде» была опубликована статья академика-секретаря отделения педагогики и психологии профтехобразования АПН СССР Сергея Яковлевича Батышева под весьма ярким «профориентационным» названием «По тети-Маниной рекомендации». Автор ратовал за создание единой государственной службы профориентации. Как это ни прискорбно, но до сих пор ни одно из положений этой статьи не устарело.

Недавно я снова беседовал с С. Я. Батышевым. Как он представляет себе «исходную модель» центра профориентации? В ответ академик просто рассказал о работе консультационных пунктов, каких в социалистических странах действуют тысячи. Преподаватели школ обращаются туда за советом к специалистам по профессиональной ориентации. Кстати, ни один наш университет таких специалистов пока не готовит. Ученики школ не просто получают в таких пунктах предложение сосредоточить свое внимание на той или иной профессии, но и проходят тщательное обследование у врачей и психологов. Результат — рекомендации настолько солидные и обоснованные, что не считаются с ними просто нельзя.

Разумеется, эти рекомендации не ограничивают бесповоротно перспективы школьника. Но они достаточно полно и объемно вскрывают его индивидуальные возможности и определяют их границы.

Не будем кривить душой — конечно же, профессия летчика чаще будет более притягательной для молодых, чем профессия облицовщика-плиточника. Она всегда будет привлекать к себе не только тех, кто может стать летчиком, но и тех, кто по своим данным не может быть им.

В этом случае задачей профориентации должно стать честное и объективное обследование здоровья и психологических особенностей личности молодого человека и выдача ему реалистической рекомендации. Прислушаться к ней и не пробовать стать летчиком или все-таки попытаться поступить в летное училище — это уже будет делом личным. Но все же, как показывает опыт, девять из десяти человек, которым будет рекомендовано не ходить в летчики, поверят и последуют совету.

Что же происходит сейчас? Приведу цифры, с которыми меня ознакомил академик С. Я. Батышев. Исследованиями установлено: 15 процентов выпускников ПТУ — всех профилей! — меняют профессию сразу же. Почему? А знаете ли вы, что около 20 процентов молодых людей не могут работать на высоте? Более 25 процентов — на работах, так или иначе связанных с использованием мелких деталей и инструментов? Есть немало других случаев, когда совместимость человека и

профессии определяется не его благими пожеланиями, а возможностями, заложенными в нем от природы. Скажем, в нашем конкретном случае с облицовщиками-плиточниками не менее 10 процентов учащихся не смогут работать по специальности только из-за аллергических заболеваний, связанных с использованием тех или иных строительных материалов. И самый великодушный мастер производственного обучения не в силах тут что-либо изменить.

Как важно узнать это заранее, еще до поступления в ПТУ!

При научно обоснованной профориентационной работе большую часть молодых людей, вынужденных ежегодно менять специальность, можно было бы избавить от такой беды. Мне очень хотелось бы сказать — всех. Но истина дороже. Научная профориентация не панацея. И совсем не единственный способ влиять на судьбы молодых рабочих. Эти судьбы зависят, и в большой степени, от того, с какими мастерами и преподавателями встретятся ребята в училищах. Наверняка многие из них не спешили бы расстаться с профессией строителя, например, если бы труд на строительных площадках был более механизирован, четче организован. Увы, положение с малой механизацией в строительстве уже многие годы остается стабильно и безнадежно тревожным. По-прежнему полноправный хозяин на многих стройках — ручной труд. Тот самый, который только отталкивает молодых.

Но вступать в рабочую жизнь молодые должны все-таки именно через систему научной профориентации. Именно она закладывает надежное основание рабочей судьбы.

Но, может быть, я говорю о вещах дорогих и нерентабельных, так сказать, о компьютерной приставке к колуну? Однако Сергей Яковлевич Батышев, к авторитету которого я прибегаю, на это сказал:

— Выгоды грамотной, научно обоснованной профориентации с созданием специализированных пунктов очевидны. Экономисты подсчитали, что работа таких учреждений (с участием врачей, психологов и специалистов по профориентации) могла бы сократить не менее 25 процентов затрат на обучение рабочих. Затраты на такую, настоящую профориентацию, как бы велики они ни были, не превысят двух процентов от той же суммы.

...Жаль, не всех девушек и ребят из группы 22 видел я на занятиях по профессии. Но в тех, кого видел, уже была заметна та хватка настоящих мастеров, которая всегда завораживает.

— Ну, как вам мои Маргариты? — улыбнулась Валентина Степановна. — Нравятся?

— Здорово работают, — ответил я честно. — Только...

Только вот не шли у меня из памяти эти ошеломляющие цифры: лишь четверть всей группы останется в специальности, которую группа сейчас так успешно осваивает. Валентина Степановна постаралась меня успокоить: по ее наблюдениям, будут верны профессии облицовщика-плиточника больше половины ребят. И все же... Будь эти ребята «просеяны» задолго до поступления в ПТУ через систему научной профориентации, таких обескураживающих заявлений прихотилось бы слышать значительно меньше.

А работают они уже сейчас действительно здорово. Этого не отнимешь.

Давно замечал, работая в издательском деле,—да не обидятся на меня представители других профессий,—очень часто приходят в литературу со своими книгами, воспоминаниями, заметками летчики. Говорят, за единицу времени летчик мыслит быстрее, чем обычный человек. Известны зоркий глаз и чуткий слух пилота, а опасность, обостряющая чувства человека, несмотря на всю мощную электронику, контрольную и предупреждающую технику, живет рядом с властелинами неба, отвечающими к тому же во многих случаях за тех, кто доверил им свою жизнь.

Отсюда, по-моему, такое большое количество литературы об авиации, о героических ее страницах, об особом характере летчика.

В ряду этой интересной и своеобразной литературы появились книги молодого писателя Валерия Хайрюзова, и нам по-новому раскрылся богатый и сложный мир летчиков гражданской авиации сибирских трасс. С любовью и глубиной, верностью в деталях и широким охватом событий рассказывает писатель о тружениках таежных трасс, поистине воздушных извозчиках, без которых и представить уже не могут жизнь сибиряки.

Герой повести «Почтовый круг» Илья Чупров возит по северному почтовому маршруту все: бочки с керосином, почту, груз для геологов, паклю, гвозди, скобы, забирает больных. Но, может быть, главное, что он перевозит от таежного аэропорта к аэропорту,—человеческое участие, доброжелательность, сердечность.

Особенно пронзительна повесть «Опекун», за которую автор получил премию Ленинского комсомола. Мне кажется, что это в высшем смысле повесть о положительном герое. Прочитав повесть, еще много дней испытываешь чувство удивления, горечи и радости от того, что вот есть рядом, а может быть, и очень далеко, такой душевный и нежный парень, двадцатилетний Степан Осинцев, который взял на себя все семейные заботы об оставшихся после смерти матери двух родных малых сестрах и брате. Но поистине братство людей окружает Степана Осинцева. Осторожно облегчают они его нелегкую жизнь, устраняют трудности—достают уголь, добываются прописки, помогают деньгами. Открытая душа героев повестей Валерия Хайрюзова, их искренность, готовность пойти на лишения и даже утраты во имя долга, дружбы, привязанности убеждают нас в неиссякаемости этого чувства.

Летчики из повестей Хайрюзова не только доставляют грузы, они связывают людей нитями своих полетов и поступков. Мне кажется, что и сам автор повестей—перевозчик добра, он приносит своим читателям чистоту чувств, умение служить правде, верность дружбе и великую веру и любовь к человеку. А ведь любовь к людям, как писал А. М. Горький,—это и есть те крылья, на которых человек поднимается выше всего.

Валерий ГАНИЧЕВ

Я еще раз перелистал записную книжку. Больше звонить было некому. За стеклом телефонной будки шел осенний дождь, по освещенной неоновыми огнями мокрой площади куда-то спешили запоздавшие машины, кое-где уже начали гаснуть окна—город готовился ко сну. Я не знал, что делать дальше, где искать ночлег. Оставалась последняя надежда—попытаться разыскать Рютину Зинку.

О том, что Зинка живет теперь в Москве, я узнал от ее матери—Полины Михайловны. Встретились мы с ней случайно, она кого-то провожала в аэропорту.

— В Москве, в Москве Зинуля, уже полгода как там живет,—запела она, едва я спросил ее о дочери.—Устроилась хорошо, зарабатывает неплохо. Каждый месяц переводы посылает. Недавно вот кофточку индийскую послала. Чистый мохер. Пишет, замуж собирается.

На Малой Грузинской живет,—поглядывая на мою форменную фуражку, продолжала Полина Михайловна.—Говорит, самый центр. Все магазины рядом, театры.

Я почувствовал себя обделенным. Мне было уже двадцать четыре, а я до сих пор еще не был в Москве, не получилос как-то. Другие, посмотришь, от горшка два вершка, а уже и в Третьяковке побывали, и Царь-пушку видели, и в метро катались. А я взрослый парень—летчик—все это только по телевизору видел. Бывало, начнется разговор про Москву, я—в сторону, стыдно признаться, что до сих пор там не был. С другой стороны, вроде бы грех было обижаться на судьбу, к тому времени на своем АН-2 я облетел почти весь север, но, не побывав в Москве, я вроде бы не бывал нигде.

Через несколько дней наш экипаж послали в Ульяновск, где мы должны были получить самолет и перегнать его в Иркутск. Но прилетели мы неудачно—в пятницу: начальство, которое должно было подписывать бумаги, разъехалось.

«А не слетать ли мне в Москву?»—подумал я, разглядывая карту в штурманской аэропорта.—Полстраны отмахал, осталась самая малость. Чего зря три дня в гостинице болтаться?»

Мне повезло, угадал на ближайший рейс и уже через каких-то пару часов катил из Домодедова. Таксист вез с ветерком, почти впритык обходил попутные машины, лобовое стекло собирало на себя мелкий осенний дождь, который тут же сбрасывали «дворники». Я смотрел на ровную, будто натянутое полотно, дорогу и думал: еще полчаса—и сбудется моя давняя мечта. Но почему-то не было на душе праздника, может, оттого, что запоздал и уже никому не расскажу взахлеб, что был в Москве. А все мои друзья уже побывали, вон Зинка даже живет там. И здесь опередила всех.

Я часто думал: ей бы надо было родиться мальчишкой. Все ее интересы были на нашей, мужской стороне. Через нее мы обычно узнавали, какая сейчас самая ходовая песня или какой нынче должна быть ширина брюк. Все она знала наперед, во всем старалась быть первой, даже в таких традиционно мужских играх, как футбол.

Конечно, она не так ловко, как Олег Боков, останавливала и вела мяч. И удар у нее был слабават—как ни говори, девчонка. Но она ничего не боялась, лезла туда, где жарче всего, в самую гущу игроков. Стыдно было при ней играть плохо. Едва она появлялась на поле, в нас вселялась какой-то бес. Мы ложились костями, и обыгрывал нас в такой момент было невозможно. А потом вдруг как обрезало: перестала Зинка ходить на футбольное поле.

— Эй теперь не до нас,—сказал всезнающий Сашка Иманов.—Она уже на танцы ходит.

Сашкино сообщение было громом среди ясного

неба, в моем сознании не укладывалось: Зинка—и вдруг танцы! Да я ее в юбке ни разу не видел! Бывало, едва выйдешь на улицу, она уже тут как тут—нога на мяче, серые кошачьи глаза нетерпеливо прищурены: ну, скоро, мол, вы там?

Еще не до конца веря тому, что услышал, я решил поговорить с ней.

Встретил я ее около дома, она шла с автобусной остановки. Иманов был прав: Зинка изменилась. На ней были новые джинсы, не те шестирублевые, которые были почти на каждом из нас, а настоящие. На барахолке они стоили—сто рублей!

— Зина!—кликнул я ее.—Можно тебя на минутку?

Она остановилась, повернув голову, вопросительно подняла брови:

— А, это ты? Привет.

Засунув руки в карманы, я будто нехотя приподнялся с лавочки. Пусть не думает, что специально ждал ее. Но Зинка, кажется, и не обратила на это внимания. Она устала на крышу соседнего дома, и я вдруг почувствовал, что это уже не та Зинка, к которой можно было подойти и запросто хлопнуть по плечу: давай, мол, переоденься и выходи на улицу, постучим мячом. Что-то легло между нами, и я не мог сообразить что. Своим поведением она сбила меня с толку.

— Что-то не видно тебя в последнее время,—сказал я, не зная, с чего начать разговор.—Случилось что?

— Все нормально, все на месте,—не глядя на меня, ответила Зинка.

— Тебя и не узнаешь. Совсем другая стала.

— Какая?—Зинка повернулась ко мне, посмотрела в упор.

Валерий ХАЙРЮЗОВ

РАССКАЗ

ДВОЕ В ОСЕ

— Ну, другая,—смутившись, пожал я плечами. — Да брось ты все выдумывать.—Она улыбнулась и на миг стала прежней Зинкой.—Надоело. Уехала бы отсюда.

И вот здесь-то я допустил оплошность. Зинка протянула нить—связывай только. Тут бы мне перевести разговор на другое, может, все бы и наладилось, но я не воспользовался этой возможностью. Непонятно почему, но мне захотелось ссоры, захотелось загнать ее на прежнее место.

— Гляжу, тебе начихать на наш поселок.

— Тоже мне, нашел центр вселенной,—взъерошилась Зинка.—Тебе, наверно, кажется, что лучше нашего поселка и места на земле нет. А по мне дыра, какой свет не видывал.

— Пятнадцать лет устраивал, а теперь—дыра? Ничего себе заявочка.

— Я говорю то, что есть,—не обращая внимания на мой тон, продолжала она.—Клуб не работает, магазин у черта на куличках, парикмахерская—в бане. Да что там говорить!—Зинка обреченно махнула рукой.—У нас даже негде музыку послушать. Единственное развлечение—кафе «Бабы слезы». И вообще скучно. То ли дело в городе!

— Ну, конечно, там танцы-манцы!

— Да, а что, нельзя? Думаешь, мяч гонять лучше?

— Ну и катилась бы туда,—раздраженно сказала я.

И тут Зинка захлопала глазами, губы дрогнули и жалобно растянулись.

— Грубиян!

Мимо моего носа мелькнули красные, завязанные на городской манер банты. Пригнув голову, Зинка быстро, почти бегом бросилась к своему дому. Перепрыгнув через канаву, остановилась, смерила меня уничтожающим взглядом:

— Уж от кого, от кого, а от тебя я этого не ожидала.

— Подумаешь, парикмахерская в бане,—выпал я.—Тоже мне, городская нашлась! Штаны нацепила и сразу на рупь дорожке стала. Не дотронься!

Но мои слова повисли в воздухе, лишь в ответ с издевкой бухнула калитка, и все смолкло.

Я постарался успокоить себя: ничего страшного не произошло, ведь ссорились мы и раньше, иногда по несколько раз в день. Но те ссоры были непохожи на сегодняшнюю.

«И что ее здесь не устраивает?»—уже остывая, думал я. Еще в прошлое лето она готова была выпарывать глаза каждому за наш поселок. Ну что здесь изменилось? Ровным счетом ничего. Все так же, как и год назад, сидели под мостиком рыбаки; все так же над домом Имановых в вечернем воздухе носились голуби. И солнце, опускавшееся зимой почти к городским трубам, вновь грело так же, как в прошлом и позапрошлом году. И все эти танцы. И кто их только придумал?

Москва появилась неожиданно, будто из-под земли выросли и полезли вверх серые, похожие на пчелиные соты дома. Посчитав этажи, я подумал, что в один из таких домов вошел бы весь наш поселок, в котором я родился, и еще осталось бы место для других.

При въезде в город нашу машину стиснули со

всех сторон другие машины, потеряв волю, мы стали двигаться рывками от перекрестка к перекрестку. Временами между домов появлялись белокаменные, с золочеными куполами церкви, и день пасмурный, дождливый вдруг начинал расступаться, становиться светлее и шире, я невольно приподнимался, заглядывая вперед, ожидая, что впереди, за золочеными куполами, откроются другие, и я наконец-то увижу Кремль.

— Вам куда?—не поворачивая головы, спросил таксист.

За всю дорогу из аэропорта это были первые слова, произнесенные им. Я молчал, чтоб таксист во мне не распознал провинциала, а он, наверное, из-за того, что сразу же распознал,—такая уж у них профессия.

— В гостинице «Россия»,—небрежно сказал я. Про себя решил: сначала устроюсь в гостинице, а уж потом попытаюсь разыскать Зинку. Куплю цветы, шампанское и завалюсь в гости. На миг я представил Зинку, ее удивленное лицо. «Откуда свалился?»—спросит она. «Пролетом,—небрежно отвечу я.—Остановился в гостинице «Россия».

Минут через двадцать таксист высадил меня около высокой, закрывающей полнеба гостиницы. Я огляделся: чуть наискосок за дорогой, точно на огромной открытке, стоял собор Василия Блаженного, за ним Кремль, позолоченная колокольня Ивана Великого. Наконец-то все стало на свое место, я был в Москве. И вдруг почувствовал, что все это: Кремль, зубчатые стены, шпили высотных

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

ННЕМ ГОРОДЕ

зданий и московское небо — я уже видел не раз, все было знакомо, близко, только раньше все это видел с той стороны, с которой показывали, а сейчас смотрел с той, с какой хотел.

В «России» свободных мест не оказалось.

— Пройдите через Красную площадь и выйдите к гостинице «Москва», — посоветовал мне седой, похожий на отставного генерала швейцар.

На Красной площади я задержался на добрый час. Послушал звон курантов, посмотрел смену караула у Мавзолея, обошел Лобное место, затем, как и советовали мне, мимо Исторического музея спустился к гостинице «Москва». Повторилась старая история — мест не было. Мне предложили съездить на ВДНХ. Но и там не повезло, все гостиницы были заняты. Отчаявшись, я решил попробовать, как мне говорили, «верный» способ, сунул в паспорт десятку. Администраторша через окошко выбросила паспорт обратно. Готовый провалиться сквозь землю, я сунул паспорт в карман.

«Вот тебе и цветы, вот тебе и шампанское. — подумал я, выскочив на улицу. — Придется спать на вокзале».

Но мысль о том, что можно переночевать на вокзале, приходит, наверное, в голову каждому, кто не располагает в Москве знакомыми или крепкой бумагой, по которой размещают в гостинице. На Ярославском вокзале все скамейки, подоконники, лестницы были заставлены чемоданами, узлами, между ними копошились сонные, будто на одно лицо, люди. Отыскать свободное место было невоз-

можно. Я обошел все три вокзала, стоявшие вокруг одной площади, везде было одно и то же — сыро и неуютно.

Я вышел на площадь. Все так же лил дождь, справа за мостом, вспарывая острым шпилем облака, плыло высотное здание, прямо передо мной, как восточный паша, дремал Казанский вокзал.

И тут мне на глаза попала телефонная будка — чего я маюсь, ведь можно позвонить знакомым. Собираясь в Москву, я на всякий случай запасся адресами. Но и здесь не повезло. Одних не было дома, другие почему-то не приглашали в гости, а я вместо того, чтобы сказать сразу, что мне негде ночевать, передавал приветы, говорил о погоде.

— Звоните, заходите, — говорили мне и желали спокойной ночи.

И тогда я решил ехать к Зинке. Искать цветы было уже бесполезно, а вот шампанского взять еще можно было. Я бросился в ресторан. Официанты убирали посуду. Остановив одного, я объяснил, что нужно шампанское или коньяк, сунул ему четвертную. Через несколько минут официант вынес мне бутылку коньяка. Минут через десять я был на Малой Грузинской. Дом, в котором, судя по адресу, жила Зинка, был пятиэтажный, старой постройки. Заглянув для верности в записную книжку, я направился к первому подъезду. Мне нужна была квартира двенадцать «а». Но квартиры шли, как это им и положено, по определенному порядку, без всяких там «а» или «б». Поднявшись на последний

этаж и не увидев нужной квартиры, я спустился на первый. И тут услышал музыку, доносившуюся откуда-то из подвала.

По крутым ступенькам я спустился вниз, толкнул обитую дерматином дверь. И будто открыл крышку у кипящей кастрюли. Оглушив, музыка выплеснулась наружу и понеслась в темноту ночного подъезда. В комнате, где я очутился, было полно народу. Мелькнула мысль, что я попал в клуб на танцы, приглядевшись же, понял: это было какое-то общежитие. Вдоль стен стояли кровати, на них попеременно сидели парни и девочки, дымили папиросами. Несколько пар, не обращая ни на кого внимания, танцевали.

— Вам кого? — спросила коротко подстриженная девушка, сидевшая неподалеку от двери на табуретке.

— Мне нужна квартира двенадцать «а».

— А это и есть двенадцать «а».

— Как двенадцать «а»? — удивленно протянул я. — А Рютина Зина здесь живет?

Собираясь к Зинке, я, кроме адреса, ничего не знал: где живет, у кого. Полина Михайловна тоже не сказала, по-моему, она и сама ничего не знала, кроме адреса.

— Здесь, но ее сейчас нет. А вы кто ей будете?

— Брат, — помявшись, сказал я. — Вот захал проведать.

Не знаю, почему я решил назваться братом, скорее всего потому, что хотелось спать, а за спиной была ночь, и ехать обратно на вокзал не хотелось. Расчет был прост: не погонят же брата на ночь глядя. И чтоб развеять последние сомнения, достал из портфеля бутылку и поставил на стол. Я сам жил в общежитии и знал: в данной ситуации это то, что надо.

Что больше подействовало, родственная связь или коньяк, не знаю, но меня приняли как своего, раздели, усадили за стол. Через несколько минут я

знал о Зинке все: и что работала она, как и другие девчонки, в прачечной, гладила белье, и что сегодня она в ночной смене. Оказывается, я попал на день рождения. Парней не хватало, меня стали приглашать танцевать.

— Девчонки, имейте совесть, человек с дороги,— сказала Нина— так звали стриженую.— Ему отдыхать надо.

Спать меня уложили в дальний угол за ситцевой занавеской. Я разделся, сложил одежду на тумбочку и присел на кровать. Конечно, я не предполагал, что Зинка живет в отдельной квартире, мое воображение завернуло ее в такую обертку— прежде всего виделась Москва, а все остальное прилагалось само собой. Я попытался представить, как она здесь ходит, как ложится в эту постель, и почему-то не мог.

Девчонки выпроводили парней, потушили свет, шушукались, стали раздеваться, окликнули меня, смеясь, предлагали лечь с именинницей, погреть ее. Улыбаясь, я сказал, что стар и кровь меня самого не греет. Девчонки вскоре утихомирились. А я лежал и вспоминал давнее лето.

После той ссоры со мной произошло непонятное. Я, как и прежде, гонял мяч, бегал купаться на Ангару, но без Зинки жизнь стала пресной и пустой. Я вдруг понял: все, что делал раньше, делал для нее, чтоб она заметила и оценила.

«Надо организовать танцы в поселке,— пришла как-то в голову ослепительная по своей простоте мысль.— Тогда Зинке незачем будет ездить в город».

Дело представлялось простым: притащить в клуб проигрыватель, пластинки—и пляши, танцуй сколько угодно.

Своей мыслью я поделился с Боковым. Он пришел в восторг от моей идеи. Но, просмотрев свои семейные ящики, в которых хранились пластинки, мы приуныли: почти сплошь вчерашний день, фокстроты да вальсы—этим разве кого удивишь? Собрав в складчину около двадцати рублей, мы поехали в город. Но той музыки, которую нам хотелось иметь, в магазине не оказалось. Мы уже хотели было ехать домой, как тут к нам подошел парень и вкрадчивым голосом предложил посмотреть самую современную музыку на английском языке. Мы не заметили, откуда он появился, казалось, вылез из стены. Глаза у него смотрели странно—один на нас, другой—мимо, сторожа окружающее пространство.

— «Охотник до танцев», «Дженни», «Рок костей на крышке гроба», «Битлы»,— сыпал он. Наши животы сладко заныли. Одни названия чего стоили. Я робко спросил, есть ли «Маленькая девочка». Мне нравилось, что в этой песне есть и про небо и про самолеты, и еще почему-то казалось, что эта песня про Зинку. Парень ответил, что у него есть все. Через несколько минут мы стали обладателями самой модной в мире музыки, записанной на рентгеновской пленке. Но пластинки можно было слушать только в комнате, в клубе звук терялся, растворялся в воздухе. Кто-то сказал, что нужно достать репродуктор, уж тогда-то музыка будет слышна не только в клубе, но и во всем поселке. Но где взять его? Иманов вспомнил: репродукторы есть в плодово-ягодном саду «Томсон», расположенном на окраине города. Этот сад мы знали как свои пять пальцев, каждую осень лазали туда за ранетками.

Раньше во время сезонных работ по саду гоняли музыку, но в последние годы репродукторы, или, как мы их еще называли, колокола, сидели на столбах, как вороны, темные и немые. На территории сада их было штук пять, и один из них, висевший около забора рядом с кирпичным заводом, я решил снять. В сад залез вечером, так мне казалось надежнее—меньше народу. Поначалу все складывалось как нельзя лучше, я добрался до столба, сделал из алюминиевой проволоки петлю и при помощи ее забрался вверх. Колокол был закреплен на металлическом хомуте двумя болтами. Плоскогубцами я отвернул один болт и уже принялся за другой, как вдруг услышал посторонний шорох. Я глянул вниз. Около столба стоял молодой сухопарый парень и шерил редкие зубы. В руках у него была двухстволка. Каким-то звериным нюхом я учуял: этот не поведет в контору или милицию, этот будет судить сам. Я решил не спускаться, будь что будет. Сторож навел на меня ружье.

— А ну, слазь,—скомандовал он,—не то сажу.

Шуткой здесь и не пахло, я стал спускаться. Где-то на середине столба вытащил ногу из петли, бросил на дорогу плоскогубцы. Но едва сторож нагнулся за ними, я оттолкнулся от столба и прыгнул за кусты боярышника. Сторож выругался и бросился ко мне. Я рванулся в сторону и через дыру высочился из сада на территорию кирпичного завода. И чуть было не попал в руки шоферов, которые бросились ловить меня. Я увернулся и побежал вдоль забора. Шоферы стали бросать в меня камнями. Спасаясь от камней, я юркнул в

первую же дыру и вновь оказался в саду. И попал под выстрел! Мне ожгло бок, я упал на живот, вскопчил и, заорав от страха, рванулся через сад. Сторож неся следом, распалаясь все больше и больше. Ревом я сбивал себе дыхание, но, понимая, что пощады не будет, бежал. В дыре меня настиг другой выстрел—в спину. Я вывалился за забор. Впервые в жизни я пожалел, что поблизости никого нет. И тут среди ровного, как стол, пустыря, на самом его краю, я увидел женщину. Она медленно шла мне навстречу. Собрав последние силы, я рванулся к ней и упал в ноги. Голосом Зинкиной матери женщина закричала на сторожа. Я понял: спасен.

Полина Михайловна, а это была она, привела меня к себе домой, заставила снять рубашку.

— Ой, господи, что на белом свете делается,—заохала она, увидев мою спину.—Он ведь убить тебя мог. Чего ты туда полез, что, тебя дома не кормят?—Она думала, что я полез за ранетками. В это время стукнула дверь, в дом влетела Зинка.

— Кто это его так?—испуганно спросила она.

— Сторож, солью.—Полина Михайловна достала из шкафа бинт, протянула дочери.—Перевяжи, а я в магазин схожу.

— Он просто садист, его судить надо!—протирая ватой мне спину, плакала Зинка, и слезы ее были мне как бальзам. Все не так уж плохо, Зинка снова рядом, остальное пустяки, заживет.

— Ну зачем, зачем ты полез в сад?—спрашивала она.—Ведь ранетки еще совсем зеленые.

Я помалкивал: то, что мы собирались сделать, было тайной от всех девчонок и прежде всего от Зинки. Закончив перевязку, Зинка поставила греть воду, чтоб выстирать рубашку. Я сидел и рассматривал комнату. На тумбочке стоял магнитофон «Айдас».

— Вруби,—попросил я.

— Послушай, а ты умеешь танцевать?—неожиданно спросила Зинка.

— Нет. А зачем мне это?

— Хочешь, я тебя научу. Это просто.

Зинка включила магнитофон, постояла немного, прислушиваясь к музыке, и вдруг, загибая носки ног под себя и приседая, точно по канату, пошла на месте.

— Это чарльстон,—на ходу объяснила она.—Но его сейчас уже не танцуют.—Зинка сделала паузу, перекрутила пленку, отыскала нужную мелодию, затем отскочила от магнитофона и юлой завертелась на одном месте.—А это твист,—крикнула она.

Просидел я у Рютиных до темноты, ждал, когда высохнет рубашка. Пришла Полина Михайловна, напоила меня чаем. Затем я засобирался домой. Зинка пошла провожать. По дороге стала рассказывать о себе, я внимательно слушал, хотя, честно, ее жизнь я знал, как собственную. Просто было приятно идти и слушать ее торопливый шепот.

— Ты любишь кого-нибудь?—неожиданно спросила Зинка. Я растерялся, облизнул мигом пересохшие губы.

— Нет. Я тебя люблю.

Эти слова вырвались сами собой. В ту пору мне все представлялось так: девчонке, которая тебе нравится, нужно сначала предложить дружить, а уж потом... Но слова-то вылетели.

— Ребенок ты еще,—тихо засмеялась Зинка и, чмокнув меня в щеку, побежала домой.

— Зин, ты приходи в субботу в клуб,—еще переаивая собственное признание, крикнул я.

— А кто там будет?

— Нет, ты скажи, придешь или нет?

Мне не понравилось, что она назвала меня ребенком. Тоже мне, нашла ребенка. А кто ж тогда она?

— Ну, если будет время,—неуверенно проговорила Зинка.—Только ты больше не лазь, ладно?

На другой день Боков сказал, что колокол можно взять у дядьки в центральном парке. Мы поехали в город, зашли к Алькиному дядьке, и он отдал нам списанный репродуктор. На радостях мы взяли мороженое и расположились на лавочке неподалеку от танцплощадки.

Парк был разбит на месте старинного кладбища, и кое-где еще в кустах виднелись надгробные плиты. Будто вечный двигатель, крутилось колесо обозрения, в зарослях черемухи шныряла ребятня. Неожиданно где-то рядом заплакала, застонала труба, сотрясая воздух, ухнул барабан. Сметая с деревьев тополиный пух, куда-то в небо рванулся и поплыл вальс, и сразу весь празднично гуляющий народ хлынул в сторону музыки.

И тут я неожиданно увидел Зинку. Она шла с курсантом из авиационного училища, шла так, как ходят взрослые, под ручку. Он что-то весело рассказывал ей, она смеялась. Нас они не видели, ветки клена, как шторы, закрывали нас.

— Ты смотри, Зинка!—приподнял со скамейки Боков и странно посмотрел на меня.

— Я же вам говорил,—вскинул свои птичьи глаза Иманов.

Зинка была в черном тонком свитере, белой юбке.

На ногах туфли на высокоом каблуке. Под бинтами, отдавая болью, застучало сердце, я понял: теперь мне не поможет даже самый мощный репродуктор.

Проснулся я точно от толчка. Придерживая рукой занавеску, возле кровати стояла Зинка и растерянно смотрела на меня. Я не видел ее лет семь, но у меня было такое ощущение, что мы расставались ненадолго, будто Зинка выходила в другую комнату переодеться, а я, поджидая ее, задремал.

— Ты откуда свалился?—заметив, что я раскрыл глаза, спросила она.

— Тебя решил проведать. Приехал, а тебя нет. Ждал, ждал, потом уснул.

Я почувствовал, что оправдываюсь, и причиной тому были Зинкины глаза, не было в них радости. Мне стало неловко, будто не она меня, а я застал ее раздетой. Я быстро соскочил с кровати, начал одеваться. Зинка хотела напоить меня чаем, но, сославшись на то, что мне надо в город, я отказался. Зинка не настаивала.

— Ты как, по делам или по магазинам?—спросила она.

— Город посмотреть, я ведь в Москве первый раз.

— Пойдем вместе.—Зинка выключила электроплитку.—Только ты подожди немного, я переоденусь.

— Ты отдыхай, с ночи все же,—пытался отговорить ее я.

— Заблудишься еще,—скупо улыбунулась она, и я вдруг подумал: зря ехал, уж лучше бы переночевал на вокзале—и ей лучше, и мне спокойнее. Минут через пять мы вышли на улицу. Дождь перестал. Сквозь оголенные деревья пробивался рассвет, и вместе с ним откуда-то из-за домов сквозь заваленный желтыми мокрыми листьями скверик надвигался шум огромного города.

— Утром выхожу и будто подключаюсь в сеть с высоким напряжением,—пошутила Зинка.

На Зинке был кремовый, перехваченный в поясе плащ, через плечо висела коричневая, на длинном ремешке кожаная сумка. Все было в тон, сидело на ней ладно и красиво. Зинка всегда отличалась тем, что умела хорошо и со вкусом одеваться.

Я заметил, что чем дальше уходили мы от общежития, тем веселее и спокойнее становилась она. Мы свернули за угол и нырнули в темное чрево метро. Через несколько секунд ступенчатая дорожка эскалатора потянула нас вниз.

— Тебе идет форма,—сказала она куда-то в пространство, точно не для меня, а для кого-то другого.—Встретила на улице и, пожалуй, не узнала бы.

— А я бы узнал. Ты почти не изменилась.

Я, понятно, врал, конечно же, Зинка изменилась. Здесь, в этом длинном, ярко освещенном тоннеле, среди плывущих навстречу людей, я понимал, что она уже не та девчонка, которая когда-то учила меня танцевать. Я видел, как на Зинке останавливались взгляды проезжавших мимо мужчин. Зинка пропускала эти взгляды сквозь себя, казалось, она их не замечает, но я знал: она все видит и все понимает. Рядом со мной стояла красивая, знающая себе цену женщина. Чувствуя, как во мне растет болезненно-ревнивое чувство, я отвернулся, стал смотреть вниз, туда, куда катил эскалатор. И, видно, уловив перемену в моем настроении, Зинка повернулась ко мне, улыбунулась.

— Молодец, что заехал,—сказала она.—Только надо было дать телеграмму, я бы встретила. А то как снег на голову.

Минут через десять мы вынырнули из-под земли на площади Свердлова. Зинка повела меня известной только ей дорогой, по каким-то переулкам, каменным дворам. Экскурсию по городу мы начали с магазинов. Сначала зашли в ЦУМ, потом мимо Большого театра пошли в ГУМ. Она небрежно проговорила: «А это Большой театр»,—так, будто она бывала здесь чуть ли не каждый день. И я почувствовал, как во мне шевельнулась зависть, надо же, захотел—поехал в театр или еще куда-нибудь. Права Полина Михайловна, все рядом. Угладь красный кирпич кремлевской стены, я вспомнил, что вчера уже был здесь, только с другой стороны. Разорвав облака, выглянуло солнце, и вмиг все преобразилось: засверкали окна, провода, стекла проезжающих мимо автомашин. Казалось, Москва подала тайный знак, и я почувствовал, как во мне что-то дрогнуло и радостно отозвалось: нет, не зря я ехал, летел сюда. Через длинный переход мы вышли на узкую, заполненную людьми улицу и нырнули в темные дубовые двери ГУМа. И тотчас же уперлись в живую стену, которая держала в осаде прилавок.

— Польскую косметику продают,—окинув взглядом очередь, уверенно сказала Зинка.—Давай встанем, может, ты своей же возьмешь.—Зинка бросила на меня короткий, изучающий взгляд.

— Я, Зина, не женат.

— Что так?

— Да вот не встретил лучше тебя.

Я думал, ей будут приятны мои слова, но она, точно налетев на что-то, вздрогнула, и взгляд ее, еще секунду назад живой и заинтересованный, как бы обломался. Резко отвернувшись, она пошла вдоль прилавков. Я покорно шел за ней, лез к прилавкам, разглядывая туфли, которые Зинка примеряла, она хотела купить себе на осень, но не покупала — то не устраивал цвет, то фасон. Наконец ей приглянулись черные замшевые югославские туфли, но они, видно, стоили дорого, и Зинка отошла от прилавка. Я взял у продавщицы талон, пошел в кассу и выбил чек.

— Это тебе в подарок, — сказал я.
— Этого еще не хватало! — всхлинув, проговорила Зинка. — А ну иди сдай обратно.

Я почувствовал себя так, будто мне вlepили пощечину, сразу же вспомнилась гостиница на ВДНХ, окошко администратора и летящий паспорт: делать подарок или давать взятку надо уметь.

— Да я же от чистого сердца!
— Вот иди и с чистым сердцем сдай чек, — жестоко сказала Зинка, — если не хочешь, чтобы я с тобой поругалась.

— Могу я себе сделать приятное?
— Вот именно себе. — Зинка, холодно скользнув взглядом, пошла к выходу.

— Ну что, берете? — спросила продавщица.
— Беру, — вздохнув, сказал я и, схватив коробку, пошел следом.

Нет, все же Зинка оставалась прежней, ни в чем не уступала, хотела остаться независимой. Но зачем это сейчас и здесь, я не понимал.

Зинка стояла неподалеку от выхода, там, где площадка шла под уклон к гостинице «Москва», и разворачивала мороженое. Я подошел к ней, она сделала вид, что не заметила коробку, которую я держал под мышкой, протянула мне второе мороженое и ровным, точно ничего не произошло, голосом сказала:

— Остудись немножко.
Прибодрившись, я взял мороженое и, желая все обратить в шутку, сделал строгое лицо, назидательно произнес:

— На первый случай объявляю вам замечание.
— Какие строгости, — насмешливо протянула Зинка, не принимая, но и не отклоняя предложенный мной тон. — Вот что, нас сейчас повезут показывать Москву. Я билеты взяла на экскурсию.

Через пять минут наша группа столпилась вокруг высокой, заткнутой в черное кожаное пальто женщины-экскурсовода. Она повела нас сначала к Мавзолею, затем стала рассказывать о Красной площади.

Небо вновь потемнело, пошел порывистый, густой дождь. Сбившись в кучу, мы двинулись к гостинице «Россия», там нас поджидал автобус.

Заскочив в сухой, теплый автобус, мы расселись по сиденьям, наполнили машину сыростью и холодом. Отсекая дождь, хлопнула дверь, где-то над головой с металлическим шорохом ожил микрофон, рывком сзади мотор, и мы покатили по Москве. Серое, затянутое в сеть троллейбусных проводов небо, оттолкнувшись от гостиничной стены и распавшись на отдельные полоски и квадратики, понеслось нам навстречу. Зинкино плечо уперлось в мою грудь, я уловил сыроватый запах ее волос, и тут до меня дошло, что все эти годы где-то в глубине души надеялся, что рано или поздно мы обязательно встретимся. Но откуда было знать, что произойдет все это вот так. Хотя могло бы, наверное, все быть иначе. ...И тут больше всего был виноват я сам.

Увидев ее в парке с курсантом, мы объявили Зинке бойкот, перестали с ней разговаривать, сделали вид, что ее вообще не существует на свете.

Без нее же мы организовали джаз-оркестр... Боков играл на аккордеоне, я — на барабанах, а Иманов — на стареньком рояле, который каким-то чудом сохранился в клубе. И пошло дело — к нам на танцы стали приезжать даже из города, и лишь одна Зинка не ходила. На следующее лето она поступила в медицинское училище и уехала жить в город.

И вот наконец-то мы вместе, сидим рядом и молчим, и у меня такое ощущение, что автобус везет нас в разные стороны.

Усиленный микрофоном голос экскурсовода предлагал нам посмотреть то вправо, то влево, то вверх, то вперед, хотя что-либо разглядеть было невозможно — стекла автобуса отпотели. Машины, дома, стоявшие вдоль тротуаров деревьев — все это выплывало, как из тумана; оставалось одно — верить на слово.

— Попросим остановить, — неожиданно прошептала Зинка, — мне плохо.

Шофер остановил автобус, провожаемые любопытными взглядами, мы вышли под дождь.

— Что с тобой? — встревоженно спросил я.
— Ничего, ничего, пройдет. — Зинка слабо улыбнулась. — У меня в последнее время это бывает, не переношу автобуса.

Я сказал экскурсоводу, чтобы они ехали без нас. Автобус уехал, мы остались одни. Потирая руками виски, она, испуганно улыбаясь, смотрела на меня. Я почувствовал себя виноватым: ей бы сейчас спать, а она пошла со мной по городу, чтобы сделать мне приятное, поехала на экскурсию.

— Ну вот, прошло, — сказала она. — Пошли. Там, кажется, есть метро.

— Давай возьмем такси, — предложил я.
— Нет, нет, лучше пройдемся.

Я раскрыл Зинкин зонтик, взял ее под руку, и мы пошли туда, куда шло большинство прохожих: мимо магазинов, киосков, телефонных будок. Минут через пять нам открылось невысокое красивое кирпичное здание. Спереди к фасаду был пристроен трехглавый домик.

— Зина, а ведь это же Третьяковка! — прочитав на карнизе старославянскую надпись, воскликнул я.

Мы постояли немного в очереди, купили билеты и вошли в помещение. В галерее было светло и тихо. С древнерусских икон строго и печально глянули на нас лики святых — и мне на секунду показалось, что они знают про нас все; ну чего, мол, вы суетитесь, ссоритесь, жизнь и так коротка, а вы ее еще укорачиваете.

Мы переходили из одной залы в другую, глаза отскивали знакомые еще со школы картины, вспоминался снег, замерзшие окна, уроки рисования, репродукции в учебнике «Родная речь», издали, из детства, почти с самого его дна протягивалась нить и замыкалась здесь, в этом здании. С какой-то облегчающей душу благодарностью я оглядывался вокруг, надо же, все это, оказывается, есть, существует на самом деле. Нет, нет, все же стоило ради этого приехать в Москву. То, что продается в магазинах, — то на один день. Это же на всю жизнь. Время от времени я поглядывал на Зинку. Она шла тихая и задумчивая, изредка шепотом спрашивала меня: кто это нарисовал или что он хотел этим сказать.

— Времени совсем нет, — пожаловалась она, когда мы вышли на улицу. — А тут еще родственники да знакомые замотали. Одному то достань, другому — другое. Вот и носишься из одной очереди в другую.

Я поглядел на импортную коробку, вспомнил лицо Полины Михайловны, когда она показывала мне индийскую кофточку, и рассмеялся; хорошо то, что свое и что делается вовремя.

— Ну что, мне их теперь выбрасывать! — сказал я, показывая глазами на туфли.

— Пожалуйста, выбрасывай, — равнодушно ответила Зинка.

— Не могу, — помедлив немного, притворно вздохнул я, — что твои подруги обо мне подумают? Приехал любимый брат, известный полярный летчик и зажался. Тут уж дело не только меня касается. Здесь на карту честь авиации поставлена.

— Ты посмотри, как заговорил, — приподняв брови, усмехнулась Зинка. — Прости, но я не верю в подарки, которые дарят просто так. Или покупают, или откупаются.

«Да кто же это тебе втемнял? — захотелось крикнуть мне. Но я сдержался. — Кто сказал, что я хочу купить или откупиться? Почему все это ты говоришь мне? Зачем? Разве я в чем-то виноват перед тобой?»

Стараясь не осложнять отношения, предложил зайти пообедать в ресторан. Поколебавшись, Зинка согласилась и повела в кафе «Огни Москвы», потому что оттуда, как сказала она, весь город как на ладони.

Мы сели в углу у окна. Народу было немного. Неслышно, словно тень, появился официант. Стараясь показаться бьвальым, я сделал заказ. Зинка молча и, как мне показалось, удивленно наблюдала за мной.

— Знаешь, — поглядывая на Зинку, сказал я, — вот ехал к тебе, думал, увижу и все вернется: футбол, танцы, детство. У меня сегодня такое ощущение, что мы сюда приехали на одном поезде, разве что в разных вагонах.

— Ты все такой же, — засмеялась Зинка. — Прихожу сегодня, а мне девчонки в голос — брат приехал. Какой брат, откуда? А они: чего притворяешься, мы бы, говорят, уши прожужжали, если бы у нас такой брат был. Откуда у тебя мой адрес?

— Мать дала.
— Грязно, наверное, сейчас там?
— Да нет, сухо.

— Брось. Я как вспомню дорогу, так мороз по коже. Помнишь, туфли на шпильках в моде были. Так я на остановке снимала их и босиком шла домой. У нас же шлак насыпан, раз пройдешь — пятьдесят рублей как не бывало. Мать ругалась: на тебя, на одну, говорит, не нарабатывайся.

— Ну, здесь-то тебе хорошо?
— Как тебе сказать. Хорошо там, где нас нет.

По-разному. Зато через три года временную прописку дадут, потом, глядишь, постоянную.

Все-таки в Москве, а не где-нибудь в провинции.

Я подумал: она обязана была сказать это, иначе зачем, для чего жила здесь, тогда все теряло бы смысл, а так, кто знает, как она живет, а дома верят, что здесь ей хорошо, вон даже гордятся.

— А ты молодец, — продолжала она. — Я часто тебя вспоминала того — подстреленного. И как танцевать учила. Ты только не обижайся. Мне тебя тогда жалко было. Не думала, что летать будешь. У нас из поселка в лучшем случае шоферами становятся.

— А я и есть шофер, — помедлив, сказал я. — Работую в санитарной авиации. Вожу больных, роженец. Все как на «Скорой помощи». Врачей, сама знаешь, в деревнях не хватает. В общем, стараюсь делать свое дело. Если говорить честно, я в летное из-за тебя пошел. Увидел тебя с курсантом в парке. Вы на танцы шли. Где он сейчас?

— Не знаю, — пожал плечами Зинка. — Служит, наверное, я уже давно его забыла. Все пришла искала, думала, здесь найду. А они нынче, видно, вывелись. Не знаю, кто тут виноват, может быть, я, но у меня такое ощущение, что я нужна всем как вещь. Разные попадались: у одних это сразу проявлялось, другие с высокими материй начнут, а все к одному сходится. Помнишь, я на танцы бегать стала. Думала, наконец-то вот она, настоящая жизнь. Нет, по первости даже нравилось, ухаживают, комплименты говорят, подарки дарят. Голова кругом, с кем захочу, с тем пойду. После училища поехала на распределение. Там врач ко мне пристаивать начал. А у самого жена, двое детей. Бросила я все, домой приехала. Без диплома, без работы. А следом сплетни пошли. Обстановочка, хоть в петлю лезь. Потом сюда перебралась, можно сказать, от людей спряталась. — Зинка усмехнулась. — Нелегко мне здесь было, три месяца на чужих кроватках. Уйдут девчонки в ночь на работу, я сплю на свободной. Да, мне стыдно это говорить, но никто меня здесь не упрекал, не стоял над душой. Наша улица, поселок, куда меня отправили работать, — я не хочу это вспоминать. Я другой жизни хочу. Пойми, я уже не могу без Москвы.

Я смотрел в окно. Внизу, меж каменных домов несся тугой металлический поток разноцветных машин, время от времени, подпруженный красным светофором, он замирал, накапливаясь около перекрестков. И тотчас же наперез выплескивался человеческий поток, он кружил, метался из стороны в сторону на темном асфальте, через минуту уменьшался и, словно не в силах сдержать рычащее железо, рвался.

— Знаешь, Зина, множество людей не были в Москве, — сказал я. — И они от этого не чувствуют себя несчастными. — Я запнулся, мне хотелось сказать ей, что Москва ничего не приобрела от того, что она приехала сюда, и ничего бы не потеряла, если бы уехала обратно. Но не сказал, побоялся — не поймет.

— Ну что ты замолчал, я внимательно тебя слушаю, — с вызовом сказала Зинка. И я вдруг подумал, что нет в ней той силы, которая заставляла нас ложиться костями на футбольном поле. Мне нравится, что ты нашел себя. Вам, мужчинам, во всех отношениях легче, — продолжала говорить она. — А я женщина, пойми ты это. Я люблю красиво одеваться, люблю, когда рядом много народу, когда смотрят на меня. Вот, если бы тебе представилась такая возможность, ты бы не поехал сюда? Разве можно равнять наш поселок, чего там поселок — город — с Москвой. Здесь вон театры, галереи... Да ты и сам в этом убедился!

Я молчал. Мне вдруг почудилось, что разговариваю я не с Зинкой, а с ее матерью Полиной Михайловной. Мне было почему-то жаль того лета, после которого мы разошлись в разные стороны, потому что даже сейчас, когда стало ясно, что она никогда не будет моей, я продолжаю любить ее. Быть может, именно за это.

Из Москвы я улетел в тот же день. Мы еще сходили с Зинкой в кино, потом я проводил ее до общежития, помахал рукой и пошел ловить такси. Я дал себе слово: никогда не пытаться возвратиться то, что не возвращается. Печальное и бесполезное это занятие. Прощаясь, она все же взяла зловещие туфли, взяла, чтобы я не чувствовал себя дураком. И за это я ей был благодарен, мне стало легче. Таксист заехал на центральный аэровокзал, взял пассажиров, и мы покатили в Домодедово. Было уже темно, и Москва устроила торжественные проводы: мигала разноцветными огнями, пульсировала строчками реклам...

Получив самолет, мы вылетели в Иркутск, держась тонкого шва железной дороги. Поднявшись на Уральский хребет, дорога заплеталась между склонов, на которых уже лежал снег. Выскочив на равнину, дорога выпрямилась, и мы почувствовали, что и ветер, который придерживал нас, развернулся и подул в хвост. «Ну вот мы и дома», — подумал я, хотя нам еще оставалось лететь больше трех тысяч километров.

**РАБОЧИЙ ГАЗа —
ЗВАНИЕ ПОЧЕТНОЕ
И ОБЯЗЫВАЮЩЕЕ.**

**НА ЗАНЯТИЯХ В ИНСТИТУТЕ
БЫВАЕТ ТАК ЖЕ ЖАРКО,
КАК В КУЗНИЦЕ.**

ТОЛЬКО ПАПЕ ПО СЕКРЕТУ.

Я, КУЗ

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные
корреспонденты «Смены»

Дело было к вечеру. Сидел Виктор над конспектом по химии, учил органические соединения, как вдруг звонок в дверь. (Заметим, что дома у Иванова телефона нет—ничего не сделаешь, новый микрорайон.)

Он открыл. На пороге стоит девушка в мокром плаще (на улице дождь), лицо знакомое, улыбается, говорит: «Вам записка от Марьяна». Иванов берет записку, разворачивает и читает: «Виктор, завтра утром тебе надо выступить в подшефной школе. Понимаю, что ты занят, но ребята просили, чтобы пришел именно ты. Расскажешь о себе, о цехе, все как есть, ответишь на вопросы. Знаю, что на тебя положиться можно. Привет, Марьян».

Он еще по инерции продолжает улыбаться, но чувствует, что просьба секретаря комитета комсомола ох как не ко времени: у него завтра днем экзамен по химии.

— На словах ничего передать не велено?

Девушка крутит головой: «Нет, ничего». И уходит.

А он продолжает стоять в растерянности до тех пор, пока жена не спрашивает его из кухни, что случилось и кто приходил. Он объясняет Тане, в чем дело. Она всплескивает руками: «А как же экзамен?!»

— Пойду в школу, раз просят, а днем—в институт. Усплю.

Конечно, сосредоточиться на органике в тот вечер ему было уже трудно, мысли крутились вокруг завтрашней встречи. Послушать его соберутся старшеклассники, которые заняты сейчас, в летние каникулы, ремонтом своей школы. Люди они, считай, что уже взрослые, спустя год многие из них придут работать на Горьковский автомобильный, встанут к конвейерам, научатся управлять высокоточным оборудованием. На заводе десятки, если не сотни специальностей, надо, чтобы выбор ребят был осознанным, чтобы не жалели о нем потом.

Поэтому и проводит комитет комсомола завода в окрестных школах встречи с лучшими молодыми рабочими, чьи рассказы о себе и своей профессии становятся для молодежи своего рода путеводителем в завтрашний день, раскрывают сущность таких понятий, как «бригада», «план», «рабочая эстафета», «товарищество»... Сильнее любых аргументов в этом разговоре действуют на сознание завтрашних рабочих личная судьба, личные ощущения наставников, их жизненное кредо. Можно быть отличным оратором, но если слушатели не почувствуют в твоих словах искренности, считай, что говорил впустую.

Два года назад на одной из встреч с выпускниками школы, где Иванов только присутствовал, ребята спросили выступавшего перед ними мастера-модельщика, счастлив ли он. Бесхитрый вопрос поставил мастера в тупик. Он что-то пробормотал и сошел с трибуны. Иванов подумал, что завтра об этом могут спросить его. И он должен будет ответить прямо: да или нет. Но сначала он расскажет о том, как пришел на завод, в горячий кузнечный цех. Расскажет честно.

Это было в 1976-м, когда он вернулся из армии и стоял перед выбором, что делать. Он мог вернуться домой, в Талды-Курганскую область, где жили его родители, и работать на стройке (еще до армии освоил азы монтажа). Но в Горьком учился девушка, которую он любил, а Виктор хотел быть с ней рядом. ГАЗу требовались рабочие. Иванов пришел в отдел кадров в военной форме (костюма у него не было) и спросил, есть ли на заводе цех, рабочие которого имеют преимущественное право на получение квартиры. Да, прямо так и спросил. Они с Таней собирались стать мужем и женой, и он, в скором времени глава семьи, обязан был думать о будущей семье. Ему оказали, что такое право имеют рабочие кузнечного цеха. «Но,—прибавил кадровик,—кузнечный—это не для слабаков, так что ты, парень, сначала сходи, посмотри и подумай». «Оформляйте, я уже подумал»,—ответил Иванов.

Его поставили подручным на участок средних поковок. Участок как участок: печи, многоотонные молоты, прессы. Жара похлеще, чем в сауне, грохот такой, что собственного голоса не слышно, окалина брызжет во все стороны. Одним словом, кузница. «Ничего, привыкни»,—успокаивал се-

бя Виктор. И привыкал. Ковали они коронные шестерни, рычаги, балансиры, детали не слишком тяжелые, но за смену все равно с клещами наворачивался—тело ломит. В кузнечной работе неизбежны паузы: когда металл в печи греется. Можно перекурить, почитать газету. Иванов паузы заполнял по-своему: шел на соседний участок, вставал рядом с Владимиром Масловым, опытным уже кузнецом, учился у него держать деталь, точно вставлять ее в «ручей», опускать молот быстро и точно. Маслов ковал колеччатые валы—высший пилотаж кузнечного, иной раз давал Иванову сделать деталь, другую. Постепенно начинал Виктор «чувствовать», как говорят кузнецы, металл: по цвету угадывать степень каления, на глаз распознавать трещины.

Через три месяца подошел к нему мастер:

— Хватит в подручных ходить, вставай, парень, к молоту, выручай цех, видишь, все в отпусках.

Иванов удивился такому повороту дела (в подручных ходил годами), пробовал отказаться, мол, мол, еще, есть в цехе подручные со стажем. «Справишься,—отрезал мастер,—мы знаем, кому ковку доверить».

Надо обязательно рассказать ребятам в школе об этом дне—Виктор тогда впервые собственноручно отковал 250 деталей из цветного металла. По норме было положено 300, и он мог бы, наверное, сделать их. Но сознательно не торопился, понимал, что ему пока не хватает опыта, сноровки, а в спешке легко дать брак. Нет уж, он сначала должен обрести полную уверенность в себе. В конце смены, сдавая детали, Иванов долго перебирал их, еще теплые, пахнущие огнем печей, горелым маслом. Это были уже не грубые диски, а принявшие заданную им, кузнецом Ивановым, форму рабочие детали будущих машин.

Спустя неделю он дал норму. А потом и перекрыл ее. Попросил перевести его на другую деталь, хотелось проверить себя на более сложной ковке. Ему дали кольца и валики. Затем освоил ведомую шестерню. Каждая деталь — 24 килограмма. За смену их надо дать 800 штук. А он, тогда уже бригадир, решил дать больше. Собрал бригаду, попросил каждого высказаться. Прикинули и так и этак, на чем можно сэкономить время. Режим подогрева не ускоришь, по холодному металлу много не наработаешь, значит, нужно ухитриться вырвать секунды на подаче детали на штамп, точной, быстрой ковке, передаче на конвейер. А еще можно уплотнить печь, греть одновременно на сорок—пятьдесят поковок больше. Они попробовали. И сделали за смену 900 деталей. Это был рекорд кузнечного цеха. И тогда впервые фотография Иванова появилась на Доске почета кузнечно-рессорного производства, он признан лучшим кузнецом среди молодых рабочих. Потом были новые рекорды, новые награды. Товарищи поздравляли его с высоким званием лауреата премии Ленинского комсомола. Здесь не было ничего от везения. Иванов работал, работал хорошо, талантливо, и каждая награда была им заслужена, как заслужены боевые ордена на гимнастерках солдат. У него появились уже свои ученики. И

многие из них стали неплохими кузнецами. Например, Петр Болотов и Наиль Зубеиров.

Он вспомнил, как в Финляндии, куда ездил в составе туристской группы, у него однажды состоялся разговор с соседом по номеру. Парень работал на одном из горьковских заводов слесарем КИП, был начитан, прекрасно разбирался в технике. Сосед сказал, что не понимает, что удерживает Виктора в кузнечном цехе. «Жилье тебе дали, наградами не обидели, неужели не надоело грязь, жара, грохот?! Мало ли чистых, хорошо оплачиваемых профессий? Моя, например». Внезапно для самого себя Виктор ответил: «А ты знаешь, я люблю кузницу и поэтому там работаю». Уже потом, ночью, лежа в постели, он подумал, что сказал правду, он любил свой цех и не представлял себя в какой-то иной роли на заводе.

Но наверняка завтрашнюю аудиторию интересует не только его, Иванова, работа. Виктор не покривит душой, если скажет, что, и помимо кузницы, в его жизни есть немало других человеческих радостей. Спорт, например. Они любят семейно выбирать на лыжные прогулки. Лыжню прокладывает он, следом идет Таня, потом Владик, а маленькую Оксану они по очереди тянут на палках. Иногда собираются бригадой поиграть в волейбол или в футбол с соседним участком, поплавать наперегонки в Оке.

Расскажет Виктор, что каждый третий в их кузне учится в институте или техникуме, что он тоже студент-техник, будущий инженер по обработке металлов давлением. Это трудно—работать и учиться, и порой устаешь до предела, но зато интересно: каждый день узнавать что-то новое. Расскажет и о делах цеховой комсомольской организации, которую он возглавляет: о субботниках, что становятся настоящими трудовыми праздниками, о комсомольских рейдах за экономией металла, о том, как помогал комсомол в организации работы цеха по единому бригадному подряду. Да мало ли еще о чем? И, конечно, найдет время рассказать о людях цеха, знаменитых на весь город кузнецах, тех, кто ковал оружие победы еще в годы войны, и тех, кто потом сменил ветеранов у прессы.

Впрочем, люди в цехе разные. Попадаются и случайные, для которых рабочая честь—обуза, этим лишь бы заработок был, а там трава не расти. Был один такой и среди комсомольцев. «Взносы,—говорит,—платить буду, а на собрания и всякие там мероприятия—увольте. А если не нравится—вот мой билет». Взять билет тогда у него было проще простого. Но Виктор вдруг понял: этого парня надо спасать, пока не поздно. И спасали. Непростая это история. Но вряд ли он завтра расскажет об этом ребятам. Потому что она еще не закончилась. Хотя на последнем субботнике тот парень трудился не хуже других. Вот такие дела.

Ну, а все-таки, подводя предварительные итоги, скажет он ребятам завтра, что счастлив? Да, скажет. Он с этого начнет: «Я, кузнец Иванов, счастливый человек, потому что люблю свое дело, потому что люблю свою жену, своих детей, потому что верю своим товарищам». А потом он пойдет сдавать химию.

ИЩЕ ИВАНОВ...

1 ПИШЕМ-Э В УМЕ

Будем называть вещи своими именами: любая приписка—это обыкновенный обман. И, как всякий обман, тянет за собой цепочку мелкой и крупной лжи. Потому что обман надо скрыть, а как это сделать, не обманывая вновь и вновь?

Приписки—проблема не «местного» значения. По данным Госкомнефтепродукта РСФСР, приписки и хищения горюче-смазочных материалов есть практически в каждом втором автохозяйстве. За последние годы выявлены десятки тысяч подобных правонарушений. Причем большая часть горючего продается частным лицам. Об этом же говорят и такие данные: за последние годы количество индивидуальных машин выросло в целом по стране в 2,8 раза, а продажа «частникам» бензина на автоколонках—только в 1,2 раза.

В ходе рейда мы встречались с разными людьми. И не раз слышали такое мнение:

— Приписывать, конечно, нехорошо. Однако объективные условия таковы, что иногда сами толкают человека на обман.

— Но ведь и совесть должна быть? — Совесть совестью, но работать надо. План выполнять. Семью кормить.

Что же это за «объективные условия» и почему они оказываются сильнее человека?

...Ранним утром выехали в рейс с одним из лучших водителей автотранспортной конторы Главастраханрострой, кавалером ордена Трудового Красного Знамени Михаилом Гасюковым. Через час прибыли в распоряжение заказчика—ПМК-35 треста «Южводстрой». Нам предстояло перевозить бетонные панели с причального склада на строительство оросительных систем.

Встретил нас прораб участка. — Отдыхай пока,—хмуро сказал он Гасюкову.—Ваш крановщик еще не явился.

Рабочие мехколонны тоже что-то «запаздывали» («Далеко живут»,—пояснил прораб). Ожидая их, стоял у бетономешалки пустой самосвал.

Рассказали мы прорабу, что интересуется нас использование горючего на автотранспорте, и тут же узнали удивительные вещи. Сначала прораб пожаловался, что мало бензина дают ему для своего, принадлежащего ПМК транспорта, приходится побираться у приглашенных шоферов. Но сразу добавил, что и сам в горючем не отказывает, если кто попросит. Вон рядом с прорабской бочка стоит. Подъезжай, наливай. Учета и контроля нет.

— Но у шоферов заказанных вами машин должны быть талоны для заправки на АЗС?—удивились мы.

— Может, и есть у них талоны, откуда мне знать,—согласился прораб.— Но ес-

ли надо человеку—как откажешь? — Как же вы отчитываетесь за данное на сторону горючее?

— Списываю.
— На что?
— Ну, всегда найдется, на что списать. На «землю», например, на земляные работы, то есть.

Крановщик приехал через два часа. К этому времени «ожила» и бетономешалка, самосвал загрузился и уехал.

— Чья это машина?—спросили мы прораба.

— Трусовской автотранспортной конторы.

— Сколько же рейсов водитель успеет сделать сегодня?

— Самое большее—три по двадцать километров.

— А сколько вы ему напишете?

— Напишу пять по тридцать... Надо ж дать ему заработать.

Несложная арифметика: водителю припишут 90 километров. Но на таком расстоянии ЗИЛ-130 потребляет больше тридцати литров бензина. Привезти этот остаток в свое автохозяйство шофер не может: вскрыется обман. Остается три варианта—слить в канаву, поделиться с прорабом или... продать «налево», что обычно и делается. Вот и потянулась цепочка обманов... Попробуйте прийти утром выходного дня на лодочные стоянки Астрахани—почти наверняка встретите машины с государственными номерами, которым делать здесь совершенно нечего.

Да, но как быть с показаниями спидометра? Беспристрастный прибор покажет, сколько километров наездила машина в действительности. Покажет ли? Множество машин ездят с неисправными или неопломбированными спидометрами. Сами эти приборы ненадежны, доступ к ним относительно прост. Так что и здесь особых затруднений не возникает.

...До обеда мы с Михаилом Гасюковым успели сделать всего один рейс. И хотя в дальнейшем не было ни малейшего сбоя, ЗИЛ загружали и разгружали в считанные минуты, утренний двухчасовой простой компенсировать не удалось. До дневного плана не дотянули.

— По тоннажу-то выходит неплохо,—объяснял Гасюков,—а вот по расстоянию... очень короткое плечо перевозок—всего шесть километров. Если бы десять—пятнадцать—тогда бы у нас и тонно-километры набежали.

С точки зрения здравого смысла короткое расстояние выгодно во всех отношениях: меньше сжигается горючего, меньше изнашивается машина, больше грузов можно перевезти. А с точки зрения оплаты труда шофера все наоборот. Водителю выгодно только накрутить побольше тонно-километров...

Вечером пришли к уже знакомому прорабу, положили перед ним путевой лист и товарно-транспортную накладную. Заполняя их—обязанность заказ-

чика, шофер не имеет права ничего туда вписывать. Прораб взял ручку.

— Сколько рейсов сделал?

— Девять.

— А расстояние? Я его не мерил еще... Километров семь?

— Шесть.

— По сколько тонн возил?

— По семь с половиной.

— Как же так,—вмешались мы в разговор,—там по восемь с половиной было.

— Да, но у моей машины грузоподъемность семь с половиной. Больше не могу записать,—объяснил нам Гасюков.

— Тогда давай я тебе десять рейсов поставлю,—предложил прораб.—Да и по тоннажу подходит.

— Нет уж, ты пиши, как есть,—ответил Гасюков. Было видно, как этот торг ему неприятен.

Прораб закончил оформление путевого листа и накладной, посоветовал:

— У каждой конторы—свой порядок. Кому два экземпляра накладных надо, кому—три. Запутаться можно. Вообще-то я обычно эти бумаги даю заполнять шоферам, сам только подписываю.

— К слову сказать,—вспомнили мы,—а тот самосвал сегодня сколько рейсов сделал?

— Три, как я и предполагал.

— А в путевке сколько отмечено?

— Как и обещал...

Как видите, все очень просто: росчерк пера—и нет двухчасового простоя, нет претензий к прорабу, обеспечен заработок шофера...

Бывают, правда, и принципиальные заказчики: сколько отработал шофер, столько и пишут в путевом листе. В результате все наказаны. Водитель зарабатывает за смену всего рубля два, причина в тем самым материальный ущерб и себе, и своему автохозяйству. А заказчик на следующий день просто не получит машину: ее направят менее принципиальным клиентам. Потому и приписывают.

Получается вот такая круговая порука, когда «липа» выгодна всем. Припишет заказчик—будет иметь транспорт, а автохозяйство выполнит план.

Но попробуем разобраться, чем обогатится эта выгода.

Заехали мы в тот день с Гасюковым и к соседям мелиораторов—в ПМК-31 треста «Совхозстрой». Строят они совхоз «Овощевод»—жилые дома, производственные объекты. Тема разговора с начальником мехколонны Анатолием Николаевичем Мельниковым была та же—приписки. Впрочем, начальник ПМК предложил вначале более дипломатичную формулу:

— Скажем так: сложился определенный уровень зарплат шоферов. И мы его поддерживали. А в начале этого года решили покончить наконец с приписками. Дал распоряжение: ни при каких обстоятельствах

не писать ни одного лишнего рейса.

— И что из этого вышло?

— То, что через две недели я лишился половины автотранспорта.

— ?..

— Автомобилисты обиделись: «Ты нам план срываешь!»—и перестали присылать нам машины. У них ведь много заявок от разных организаций. Лучше послать машину туда, где хорошо «пишут».

— Значит, без приписок работать трудно?

— Думаешь, с приписками легче было? Ошибаетесь. Шофер знал, что его «не обидят», даже если он будет работать плохо. Иной раз исчезнет на полдня—не доищешься. И мы ничего—ни кирпич, ни другие материалы—не могли привезти вовремя и в нужном количестве. Стало быть, ничего не могли построить в срок. «Липу» писали, но дело-то от этого не продвигалось!

— Как же вы вышли из положения?

— Ну, прежде всего мобилизовали свои, внутренние ресурсы. Например, приспособили трактор с тележкой для перевозки кирпича с завода на стройку. И шоферы по-другому работать начали, когда мы их «прижали»: там, где раньше по одному рейсу в день делали, сейчас по два-три. Хочу еще уточнить: свой транспорт забрала у нас Трусовская автотранспортная контора. А вот другая контора, откуда вы приехали, нас поддержала—продолжала выполнять наши заявки, как и раньше. Молодцы, с ними работать можно.

По итогам прошлого года автотранспортная контора Главастраханрострой заняла первое место в системе своего главка. Предприятие передовое. Что касается приписок, то за год установлено всего девять случаев. Но в том и трудность, что выявить все приписки практически невозможно. Даже если проверить тысячи путевых листов, накладных, сверить их с данными заказчика, остаются еще разные «добрые» прорабы...

— Проверяем, ловим, наказываем, но разве все факты установишь?—подтвердил начальник АТК Ш.В. Бронфман.

Последние случаи приписок, о которых мы узнали во время нашего рейда, обнаружили тоже почти случайно другим предприятием. Вот что написано по этому поводу в приказе № 92:

«Астраханское узловое транспортно-экспедиционное предприятие поставило нас в известность о том, что завод кузнечно-прессового оборудования в своей заявке неправильно указал вес груза, в результате чего допущена приписка невыполненных работ водителями А. А. Орешниковым—6,6 тонны, 11574 тонно-километра, А. А. Гузиным—5,7 тонны, 7991 тонно-километр. На основании вышеизложенного приказываю:

...исключить из выполнения плана невыполненный объем перевозок в количестве 12,3 тонны и 19565 тонно-километров.

...удержать заработную плату с А. А. Гуцина—11 руб. 19 коп. С А. А. Орешникова—13 руб. 89 коп.

Начальник АТК Главастраханрострой Ш. В. Бронфман».

Дело было в декабре, выяснилось же спустя несколько месяцев. Мы встретились с одним из «приписчиков» — Александром Орешниковым.

— Как все это получилось? Завод дал заявку перевезти два молота в Ярославль и Вологду. Заводской отдел сбыта в заявке и накладной указал — каждый молот по шесть тонн. А теперь вот выясняется, что они были трехтонные.

— А при погрузке вы на это внимание не обратили?

— Но я же их взвесить не могу! Что погрузили, то и повез. А Гуцин в Москву ездил — так у него та же история.

— Выходит, во всем виноват завод?

— Конечно, раз неправильно вес указывают.

— Готовим сейчас письмо на завод, будем разбираться, — добавил присутствовавший при разговоре Николай Всеволодович Сармин, заместитель начальника автотранспортной конторы.

— За что же тогда наказан водитель?

— Таков порядок: за приписку, вольную или невольную, отвечает прежде всего шофер...

Надо добавить: помимо вычета из зарплаты (что вполне понятно — оплатили несделанное), Орешников лишился шансов на квартальную премию, под вопросом оказался и размер тринадцатой зарплаты... И все за чужую ошибку? Это выглядит несправедливо. Правда, если не учитывать одно обстоятельство: опытный шофер и без взвешивания почувствует неладное. Лежит в кузове шесть или двенадцать тонн — слишком большая разница, чтоб не появились даже сомнения...

В конце прошлого года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О повышении эффективности использования автотранспортных средств в народном хозяйстве, усилении борьбы с приписками при перевозках грузов автомобильным транспортом и обеспечении сохранности горючесмазочных материалов». В январе обсудили его на совместном собрании водителей АТК и руководства треста «Спецстрой». Был разработан обширный план по наведению порядка в использовании техники...

В феврале Михаил Гасюков как председатель группы народного контроля проверяет 45 автомашин. На девятнадцать из них спидометры без пломбы.

Еще через некоторое время проводит рейд «Комсомольский прожектор». Двое водителей работают с неисправными спидометрами, третий «исправил» показания прибора... Правда, к ежегодному техосмотру, который проводит ГАИ, все в порядке, но дата этого осмотра известна заранее...

Мы рассказали Ш. В. Бронфману, с какой признательностью отозвался о его предприятии начальник ПМК-31 Мельников, и спросили:

— А почему и вы не перебросили транспорт в другие организации?

— Потому что мы созданы для обслуживания строителей, а не они для нас.

— Как отразилась на вашем предприятии объявленная Мельниковым война с приписками?

— Я ждал этого вопроса... Зарплата водителей в том квартале упала почти на пять процентов.

А ведь контора обслуживает десятки предприятий. Можно только догадываться, какими станут показатели, если все клиенты проявят принципиальность и последовательность.

Крупное автопредприятие Астрахани — объединение «Промстройтранс». В один из дней, спустя почти два месяца после опубликования постановления, был проверен выход машин на линию в

4-й автоколонне. Когда сопоставили показания спидометров с цифрами, указанными в путевых листах, то обнаружили расхождение в 13908 километров. Это не просто цифры на бумаге. На них списано 3663 вполне реальных литра горючего...

За год по объединению выявлено 980,1 тысячи приписанных тонно-километров — это только то, что установлено документально.

Вот случай скорее грустный, чем смешной: судя по отчетам, объединение вывезло с завода металлоконструкций продукции вдвое больше, чем завод производит! Как же это получается? Хотя бы и так: водитель Вилков, если верить бумагам, за день четыре раза вывозил продукцию с этого завода. Проверили — был только один рейс. Приписано 1364 тонно-километра, незаконно списано 105 литров дизельного топлива.

Дизельное топливо списывается в количествах не меньших, чем бензин. Но «частникам» солярка не нужна. В канаву ее!

Факт для размышления: практически во всех автохозяйствах, где процветают приписки, образуется экономия горючего. Казалось бы, откуда взяты экономии, если под завышенный объем работ дополнительно списываются бензин и солярка? А все очень просто. Экономия получается за счет тех же приписок.

Механика здесь такая. На приписанное количество километров списывается, допустим, сто литров горючего. 90 литров продано, вылиты в канаву, словом, пущено на ветер. Остаток, 10 литров, — «экономия»!

Было бы неверно свалить все грехи только на автомобилистов. «Пишут» — то заказчики. Очень часто приписками они покрывают свою неорганизованность и нераспорядительность. Если шофер приехал на кирпичный завод и два часа прождал погрузки (а бывает, что груза вообще не оказывается), почему завод не несет ответственности за потерянное время, потраченный бензин?

Конечно, нетрудно прикрыть неумение организовать свою работу «нужной» цифрой в путевом листе, но сколько еще из-за этого материальных и моральных потерь! Так создается видимость дела, видимость благополучия, и это рано или поздно обязательно раскроется. Потому что цепочка лжи ведет только в тупик. «Липовые» цифры не заменят построенный дом, проложенный оросительный канал — словом, не заменят никакой реальный конечный продукт. Дальновидные работники это давно поняли.

Например, на Астраханском заводе железобетонных изделий полностью исключили простой транспорта, и благодаря этому отпала всякая нужда в приписках. Здесь сумели четко организовать работу: к назначенному часу все изделия скомплектованы и готовы к отправке. Если по норме на погрузку положено 15 минут, водитель знает — лишней минуты он здесь не задержится.

Нам скажут, что даже идеальная работа всех без исключения заказчиков — еще не полное решение проблемы, ибо остаются выгодные и невыгодные рейсы. Речь все о тех же «объективных условиях», под которыми подразумевается оплата труда водителей за тонно-километры, толкающая на приписки километража. Да, показатель этот несовершенно, создает условия для приписок. В постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР признано целесообразным провести эксперимент по совершенствованию оплаты труда водителей грузовиков, переводу на повременно-премиальную систему оплаты. Такое право предоставлено министерствам и ведомствам.

Ясно, что эксперимент рассчитан не на неделю и не на месяц: дело это непростое, требует всесторонней проверки.

Значит ли это, что в тех хозяйствах, где эксперимент не проводится, приписки неизбежны, люди бессильны против них? Нам кажется, пример А. Н. Мельникова убедительно доказывает обрат-

ное: очень многое может человек, если твердо решил не прибегать к обману. Да, были поначалу трудности, но люди не дрогнули, и в результате дело выиграло. А стало быть, выиграла и люди.

Сейчас многие автохозяйства, строительные организации, предприятия разрабатывают планы мероприятий по эффективному и экономному использованию нефтепродуктов. Иной раз это многостраничные, со множеством пунктов документы. Но если вчитаться — поймешь, что все мероприятия, по сути, сводятся к одному — исполнению положенных обязанностей. Не больше! Проверять исправность спидометров, правильно оформлять путевые листы, не писать лишнего и т. п. Как говорил Маяковский: «Хватит бороться за чистоту, давайте подметать!». Может, и борьбу с приписками надо понимать так же: «Давайте перестанем приписывать!» Призыв этот, наверное, звучит несколько наивно, но не для человека твердого, решительного, принципиального.

И еще одно. Какие «объективные условия» могут служить оправданием нечестности?

Конечно, экономические категории — вещь вполне конкретная, а совесть — понятие другого ряда. Бесспорно, надо менять такие экономические условия, которые толкают на сделку с совестью.

Но признать полную зависимость человеческого достоинства от заработка, от служебного благополучия... Разве это не унижительно?

...В течение двух месяцев шел рейд, объявленный ЦК ВЛКСМ и Госкомнефтепродуктом РСФСР по рациональному использованию топлива. По всем городам, областям «комсомольские прожектористы» проверяли работу автохозяйств, заправочных станций, нефтебаз, других предприятий. Выявлены многочисленные резервы экономии топлива. В частности — устранение приписок на автотранспорте.

Одному из участников этого рейда не раз приходилось бывать у нефтяников Западной Сибири, видеть, каких трудов стоит каждая тонна нефти. (Впрочем, на Каспии, в Поволжье — где она дается легко?) Разве для того нефтяники несут свою вахту в промороженной тундре, в комариных болотах, чтобы добытое ими топливо выбрасывалось, уничтожалось или чтобы на нем наживались бесчестные люди?!

Александр ЛАЗЫРИН,
член Астраханского
областного штаба
«Комсомольского прожектора».

Светлана ЛЮБИНА,
начальник нефтеинспекции
Астраханского управления
Госкомнефтепродукта РСФСР.

Владимир АНИСИМОВ,
специальный
корреспондент «Смены»

Всесоюзный рейд закончился. Но нельзя считать, что все проблемы сняты. Партийные решения требуют от комсомольских организаций уделять внимание не только широкомасштабным мероприятиям — нельзя оставлять на втором плане и дела повседневные, конкретные, из которых в конечном счете вырастают осязательные результаты. Вот почему, как нам кажется, рейды по экономии топлива «прожектористам» нужно продолжать — планомерно и целенаправленно. Как показал только наш рейд, здесь есть широкое поле деятельности для комсомольцев. И прежде всего — в воспитании у молодежи неприимости к фактам расточительности, бесхозяйственности и прямого обмана.

Я попросил товарища одолжить мне для покупки мотоцикла 500 рублей. При этом дал ему и расписку, а он сказал, что по закону такая расписка должна оформляться в нотариальной конторе. Неужели нельзя взять деньги в долг без таких формальностей?

И. Ильяшенко, Томск

В данном случае можно. Требование о письменном или нотариальном оформлении договора вовсе не обязательно для соглашения между людьми. Однако юридические гарантии на возврат долга связаны с правильным оформлением договора. Так, в ст. 269 Гражданского кодекса РСФСР записано, что договор займа на сумму свыше 50 рублей должен быть совершен в письменном виде. Несоблюдение этой формы договора хотя и не свидетельствует о его недействительности, но в том случае, если возникнет спор о возврате долга или о его сумме, стороны лишаются права ссылаться в подтверждение сделки на свидетельские показания (ст. 46 ГК РСФСР).

Что же касается нотариального оформления сделок, то оно обязательно только в случаях, специально указанных в законе. В частности, к ним относятся: договор о залоге и купле-продаже жилого дома, договор дарения на сумму свыше 500 рублей, завещание и др.

Я нашел золотые часы. Разъясните, пожалуйста, смогу ли я получить 25 процентов стоимости этих часов, если сдам их государству?

Л. Т., Мурманск

В вопросе читателя из Мурманска налицо распространенная ошибка, когда люди, нашедшие потерянную вещь, полагают, что при возврате или сдаче находки государству обязательно получат часть ее стоимости. Ошибка эта происходит из-за аналогии с вознаграждением, выплачиваемым государством за сданный клад. А ведь клад и находка существенно отличаются друг от друга. Если клад — это умышленно скрытые ценности, то находка — это имущество конкретного лица или организации. Найдку следует либо вернуть тому, кто ее потерял, либо сдать в милицию, а если дело происходит в сельской местности — то в исполком сельсовета. В тех случаях, когда вещь найдена на территории организации или на транспорте, ее следует сдать администрации. Потерявший может в течение шести месяцев обратиться за своим имуществом, поскольку именно столько времени оно хранится в милиции или сельсовете. Если в этот срок владелец не заберет свое имущество, оно переходит в собственность государства. Нашедшему собственник или государство возмещают расходы, связанные с хранением вещи или ее сдачей.

Дружба, единство, общность целей всех братских советских народов — норма нашей жизни. Это те традиции, которые мы получили в наследство от старших поколений, традиции, которыми мы сильны.

В октябрьские дни нынешнего года несколько союзных республик отмечают свои шестидесятилетние юбилеи. Среди них и четыре братских республики Средней Азии — Узбекская, Киргизская, Таджикская и Туркменская ССР.

О жизни народов этих республик не раз рассказывала «Смена». Только за последнее время в нашем журнале были опубликованы очерки, посвященные столице Узбекистана Ташкенту, молодому таджикскому городу Нуреку. Мы познакомили читателей со знатным таджикским строителем Мухаббатом Шарифовым, талантливым туркменским художником лауреатом премии Ленинского комсомола Дурды Байрамовым, мастерами народных художественных промыслов из Узбекистана и Туркмении.

В этом номере мы публикуем очерк Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, народного писателя Киргизии Чингиза Айтматова и подборку стихов поэтов братских республик.

У нас в аиле считалось непрерывным долгом знать своих предков до седьмого колена. Старики на этот счет строги. Обычно они испытывали мальчишек: «Ну-ка, батыр, скажи, из какого ты рода, кто отец твоего отца? А его отец? А его? А какой он был человек, чем занимался, что говорят люди о нем?» И если окажется, что мальчик не знает свою родословную, то нарекания дойдут до ушей его родителей. Что, мол, это за отец без роду, без племени? Куда он смотрит, как может расти человек, не зная своих истоков?

Внимание к памяти предков — это та этическая норма, которую киргизский народ хранит с древности.

**ТАКУЮ
АВТОБУСНУЮ ОСТАНОВКУ
ВСТРЕТИШЬ ТОЛЬКО
НА ЗДЕШНИХ ДОРОГАХ.**

Думаю, у всех народов есть общие духовные ценности. Нет такого народа, который бы не любил свой край, свою землю, даже если это пустыня, я не знаю такого народа, в котором без уважения произносилось бы имя отца, матери, я не знаю такого народа, который бы презирал своих предков. Видимо, это и есть основные духовные, нравственные опоры. Советская действительность придала этим устоям новую глубину. И потому закономерно, что исторические начала, которые берегутся всеми советскими народами как ценнейшее достояние, служат нашему общему делу...

ПЕСНЯ НАД ИССЫК-КУЛЕМ.

НА ЛЕДНИКЕ КАРА-БАТКАН

ОВЦЕВОДСТВО —
ТРАДИЦИОННАЯ
ОТРАСЛЬ
ЭКОНОМИКИ
КИРГИЗИИ.

УРОК
ТАНЦА.

В ШАХТАХ
КАДАМЖАЯ
ДОБЫВАЕТСЯ
СУРЬМА.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
ВОСКРЕШАЕТ КИНО.

О Я КИРГИЗИЯ

Отечество

Мой родной Шекер — большой, крепко укоренившийся киргизский аил. Триста с лишним дворов. Как ни приеду, то тут, то там новые дома под новыми крышами. Прибавляются дворы. Растет аил. И стоит он на видном месте, как говорят у нас, у «головой воды» — в предгорье, под самым Таласским хребтом, как раз в створе здешней двуглавой вершины, напротив пика Манаса. На ту высоченную гору взлетел на коне Манас обозревать местность вокруг — не идут ли откуда враги!.. (Нетрудно вообразить, какое огромное пространство мог оглядывать Манас с той высоты. Масштабы

поистине эпические. Таким хотелось видеть в древности народу своего сына и героя Манаса.) Как бы то ни было, оттуда, из-под вечных снегов Манаса, прибегает в долину бурная и студеновая Куркуреу, приносящая воду, а стало быть, жизнь всему, что живет на этой земле...

Я всегда волнуюсь, приближаясь к Шекеру, заведя еще издали синие-белые снега Манаса, сверкающие бликами в недоступной небесной высоте. И если отвлечься, если долго смотреть только на эту вершину, в небо, то время как бы теряет свое свойство. Исчезает

ощущение прошлого. Нет, думаешь себе, ничего не произошло, ничто не изменилось, все в мире так, как было десять, двадцать, а быть может, сто и тысячу лет назад. Стоит Манас на земле, как стоял. И облака над ним так же плывут, все те же облака. И сам ты все тот же мальчишка, который, выбегая из дому по утрам, радуется этой горе над аилом.

Бабушка, постоянно увозившая меня, внука своего, к себе в горы на летние кочевки, женщина исключительно обаятельная и умная, всеми уважаемая в аиле, оказалась для меня кладом сказок, старинных песен, былей и небылиц,

Сабит МАДАЛИЕВ,
лауреат премии
комсомола Узбекистана

Камень

Жарю прокален,
побит морозом,
ветрами злыми,

словно кость, обглодан,
иссеченный дождями, он лежит,
как будто невредимый и бессмертный.
Но приглядишься внимательней к нему —
увидишь, как усталые морщины
избороздили каменное тело,
и, словно муравьиные следы,
корявые

на нем заметны трещины.
Он в памяти хранит окаменелой
прохладу

налетающего снега,
дождей весенних запахи и солнца
с зенита огнедышащую ярь.

Он, выстоявший натиски времен,
как старый воин, весь в рубцах и шрамах,
порой меня,

мятущегося,
учит
жить гордо и не думая о смерти.

Зерафшан

Шоколадного цвета поток,
не вода,

а горячий кисель.
Вымывает бурлящий песок
возле берега зыбкую мель.
Взглянешь ты на термометр ртутный —
испугаешься плотной жары.
Мир застыл.

Лишь над волнами мутными —
рой взволнованной мошкары.
Раскаляясь,

стреляет,
горит
под ногами рассыпанный гравий.
Белый берег

бормочет,
бурлит,
и волна его нервно бурлит.
Думу думают древние вороны.
Солнце Азии —

вот,
налицо.
Русло мечется в разные стороны,
как расшатанное колесо.

Волны вздулись,
как мышцы натруженные,
но реки не напрасны труды,
здесь много богатства не нужно,
чем потоки той мутной воды.

Это жизнь.

Это ветер проволглый с залива,
это сосен угрюмых

протяжно-прерывистый гул,
это рыхлого льда
необычные взгляду наплывы,
это день декабря,
затерявшийся на берегу.

Подниму воротник,
и к сосне прислонюсь одинокой,
и тоской задохнусь,
словно чистым и яростным ветром,
и на холм поднимусь,
и услышу мелодию Блока,
и пойму, что не горечь меня
поднимает и гонит по свету.

Майрамкан АБЫЛКАСЫМОВА,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Дни

Мне говорил отец:

— Печаль и смех
Должны твой день заполнить до предела.
...Но столько дней различных пролетело,
Что мне сегодня не упомнить всех...

Уже и годы неподвластны мне:
Им никогда не будет повторенья,
И только ответ давнего горенья
Еще порой привидится во сне.

Пусть целых тридцать лет судьбе моей —
Мне тридцать дней припомнится от силы:
Я в эти дни Отчеству служила.
Я прожила на свете тридцать дней...

Перевела с киргизского
Ольга САВЕЛЬЕВА.

Суеркул ТУРКУНБАЕВ

В пути

Я прибоем степей захлебнулся,
Надо мной — синева, высота.
А в глазах — горизонт развернулся,
А в душе — молодая мечта.

Как ребенок, веселый и нежный,
Я иду в озаренье светил,
Голос теплый и шаг мой поспешный —
Без остатка — раздал, раздарил.

И в роящемся блеске и шуме,
Как скала, как утесы врзлет
И как выросший свет в полнолуние,
Преодо мною эпоха встает.

Перевела с киргизского
Наталья ОРЛОВА.

Я видел народные кочевья такими, какими они когда-то были. Кочевье — не просто передвижение со стадами с места на место, а большое хозяйственно-ритуальное шествие. Своеобразная выставка лучшей сбруи, лучших украшений, лучших верховых коней, лучшей укладки на верблюдов выюков и ковров-попон, которыми покрывались поклажи. Показ лучших девушек и певцов-импровизаторов, исполнявших траурные (если покидали место, где скончался человек) и дорожные песни. Я застал эти яркие зрелища на самом их исходе, потом они исчезли с переходом на оседлость.

Пожалуй, сама того не подозревая, бабушка привила мне любовь к родному языку. Родной язык! Сколько об этом сказано! А чудо родной речи необъяснимо. Только родное слово, познанное и постигнутое в детстве, может напоить душу поэзией, рожденной опытом народа, пробудить в человеке первые истоки национальной гордости, доставить эстетическое наслаждение многомерностью и многозначностью языка предков.

Привела наконец Розатая мать-олениха детей своих на Иссык-Куль. Стояли они на горе — дивовались. Кругом снежные хребты, а посреди гор, поросших зеленым лесом, насколько глаз хватает море плещется. Ходят белые волны по синей воде, ветры гонят их издалека, угоняют вдаль. Где начало Иссык-Куля, где конец — не узнать. С одного края солнце восходит, на другом еще ночь. Сколько гор стоят вокруг Иссык-Куля — не счесть, а за теми горами сколько еще таких же снежных гор высится — тоже не угадать.

— Это и есть ваша новая родина. — сказала Розатая мать-олени-

ха. — Будете жить здесь, землю пахать, рыбу ловить, скот разводить. Живите здесь с миром тысячи лет. Да продлится ваш род и умножится. Да не забудут потомки ваши речь, которую вы сюда принесли, пусть им сладко будет говорить и петь на своем языке. Живите, как должны жить люди. А я буду с вами и с детьми вашими детей во все времена...

«БЕЛЫЙ ПАРОХОД»

Если в детстве я познал жизнь с ее поэтической, светлой стороны, то в годы войны она предстала передо мной в своем суровом, обнаженном, горестном и героическом обличье. Я увидел свой народ в другом его состоянии — в момент наивысшей опасности для Родины, в момент наивысшего напряжения духовных и физических сил.

Думая о тогдашних своих сверстниках, я сейчас прихожу к выводу, что мое поколение оказалось столь жизнестойким и цельным, возможно, благодаря именно суровой обстановке. Это вовсе не значит, что современные условия материального благополучия мало способствуют жизнестойкости молодежи. Наоборот. Только по недомыслию можно благо обернуть во зло себе. У каждого времени свой спрос с человека, свои проблемы и требования, и потому жизнь никогда не дается легко, если к ней подходить всерьез, если дерзать, а не выискивать беспечное житье. Где обрел человек беспечное проживание, там человек кончается как цельная натура. И если на то пошло, такие возможности развития личности, как теперешние, нам и не снились. Но не об этом, собственно, речь. Я просто хочу сказать, что среди моих сверстников военных лет нет такого человека, за которого мне сейчас было бы стыдно. Нет,

таких нет. Все они давно семейные люди, каждый занят своим делом, и мне доставляет большое удовольствие сказать, что их жизненный путь — это путь людей большого человеческого достоинства.

У великого казахского поэта Абая сказано, что жизнь — это движение моря, когда за грядой волн катит следующая гряда, за волной «предыдущего поколения» следует новая смена, а за ней последующая, и так без конца... И море живет...

Размышляя о годах войны, прихожу к убеждению, что в нашем нравственном становлении, безусловно, определяющую роль сыграла «предыдущая волна» — старшее поколение, поколение фронтовиков. Конечно, все поколения всегда взаимосвязаны. В мирной жизни этот процесс протекает своим естественным ходом преемственности опыта и традиций. В войну же все резко сдвинулось. Наш тихий Шекер у подножия вечного Манаса, находясь среди гор, вдруг оказался в быстрине общих событий, потрясающих мир. Наши люди, призванные на защиту Отечества, хлынули на фронты, к нам докатывались волны эвакуированных. А за горами, через станцию Маймак, связывавшую нас с внешним миром, через Джамбул, наиболее близкий к нам город, шли и шли круглыми сутками эшелоны в ту и другую сторону — на запад и на восток. Здесь гудел напряженный пульс борющейся страны...

Вспоминается мне первый комбайнер нашего аила Тойлубай Усубалиев. Тойлубе в годы войны был тем редким человеком, которого, несмотря на его просьбы, не отправляли на фронт, — он был единственным комбайнером на несколько колхозов. И то, как он работал на комбайне, теперь легенда. И никто не поверит, что такое возможно, ныне да-

же не возьмутся ремонтировать такие машины — вывезут на свалку, а он жизнь свою вселил в развалины комбайна и делал свое дело... Это о его комбайне я писал в повести «Джамбия». Летом 1944 года, во время уборочной кампании, я работал у него помощником. Когда комбайн был на ходу, пусть то круглые сутки, отдыха мы себе не позволяли... Фронт не ждал, хлеб не ждал... Самое героическое лето в моей жизни. Никогда не забуду тех дней...

Все поколения, видимо, размышляют о том, кем они являются в контексте истории. И наше поколение очень активно обращается к тому, что мы называем духовным опытом народа.

Но что это такое — духовный опыт народа? Я думаю, что, кроме общих, известных положений, подразумевается еще и конкретная историческая судьба, национальная судьба того или иного народа. К ней надо подходить бережно, пытаться проанализировать все положительное, что связывает народ с другими единой кровеносной системой.

К сожалению, случалось, мы пытались начисто, огульно отрицать то, что история оставляла в качестве достоинства, наследия. Это был вульгарно-социологический подход к прошлому. Но потом мы поняли, что нельзя самих себя обкрадывать, что созданное до нас нашими предшественниками является народным достоянием. И, к счастью и чести нашего общества, я должен сказать, что многие исследовательские работы, многие реставрационные работы в области литературоведения, искусствоведения вернули нас к живым источникам. И эти истоки помогают нам обогащать современный внутренний мир.

Какой бы невосполнимой утратой для культуры человечества было забвение многих и многих выдающихся поэтов разных эпох и народов! С какой

Гулрухсор САФИЕВА,
лауреат премии
комсомола Таджикистана

Коренные узы

Свет ярче —
В оборенье темноты.
И больше у реки
Тепла и силы,
Когда пескам несет глоток воды,
Когда в степях поит она цветы
Или поит их на родных могилах.

Свет золотистым вижу всюду я.
Река мне песнь поет, не умолкая.
Ты, мой Таджикистан, — судьба моя,
Цветущая земля моя родная!

О Родина, немногословна ты,
В твоём напеве горя есть немало.
Рожденная средь горной высоты,
Ты мужественных сыновей рождала.

Но преданным считай ты не того,
Кто о твоей не хочет слышать боли.
...Нас связывает кровное родство,
Корнями я перепелась с тобою.

И кто ни есть я —
Свет я или мрак,
Или любовь, которой чище нету, —
Я без тебя, Таджикистан, — что прах.
С тобой, Таджикистан, я словно небо!

Все радости твои в себе ношу,
Ношу в себе всю боль твою земную.
Таджикистан,
Тобою я дышу,
Ради тебя, Таджикистан, живу я.

Таджикистан!
Как клятву, каждый слог
Шепчу губами жаркими своими.
И эту клятву даже в смертный срок
Я повторю, твою слагая имя!

Конец осени

Воды стало меньше —
так мало у старости слез.
Цветы и колючки
окутались пылью дорожной.
У ивы плачущей
распались сплетения кос,
И ветер уносит
опавшие листья тревожно.

Тень горной вершины
склонилась на плечи горы,
Так голову клонит
уставший от муки влюбленный.
И стали глаза у меня
на мгновенье мокры,
И я поняла,
как люблю эту жизнь озаренно!

Перевела с таджикского
Татьяна КУЗОВЛЕВА.

Сапар УРАЕВ

Земле родимой то и дело
Клянешься ты в любви своей,
А ты бы лучше был скромней
И молчаливо, но умело
Трудился бы на благо ей.

Когда о нашем крае речь заходит,
Иной, изображая знатока,
Руками снисходительно разводит:
Мол, что там, кроме зноя и песка?

Он произносит жалкие слова,
Не зная ничего и не подумав.
Меж тем, возросшая средь Каракумов,
Целебна даже горькая трава.

Чтоб кто-то медом насладиться мог,
С зари до вечера пчела-бедняжка
В садах с цветка садится на цветок.
Хоть сладок мед, он достается тяжко.

Как ни слаба пчела, как ни мала,
Она жужжит, куда бы ни летела,
И даже если сетует пчела,
То не на то, что не по силам дело,
А что нектара мало собрала.

Ата АБАДЖАНОВ

Закат

«Не верю, что в рассвете — благо,
В закате — скрытая беда» —
Так говорю я иногда,
Когда за стену Колет-Дага
Уходит солнце в никуда.

Закат тускнеет, словно не был,
И сходит день былой на нет.

И облака плывут по небу
За уходящим солнцем вслед.

Плывут, скрываясь за пределом
Им полюбившейся земли,
Одни черны, другие белы,
Как годы жизни, что прошли.

И впрямь не облака, а годы
Уносят, тая за горой,
Все радости и все невзгоды,
Что выпадали мне порой.

Что было мне всего дороже,
Скрывает горная черта,
Но что-то остается все же
По эту сторону хребта.

И облака я провожаю,
Как след годов моих былых.
Они плывут, темнеют, тают,
И всходят звезды вместо них.

Перевел с туркменского
Наум ГРЕБНЕВ.

скорбью, пронизывающей годы, звучит для нас жалоба великого грузинского поэта Давида Гурамишвили, назвавшего свою книгу сиротой. Этой книгой была «Беды Грузии». Кто бы с благодарностью и восхищением внимал сегодня голосу талантливейшего импровизатора, непревзойденного певца киргизской земли Токтогула? Сколько великих имен сохранила для нас и возвеличила Советская власть!

Что такое интернационализм? Это прежде всего взаимопомощь, взаимодействие на основе идейного единства, мировоззрения, которое Николай Тихонов назвал «внутренним солнцем поэта». Наше «внутреннее солнце» — чувство семьи единой, чувство, скрепленное общностью исторической судьбы, духом братства. Вот почему более развитая культура берет на себя обязанность помогать другой культуре.

Один из примеров такой ясной, точной помощи — развитие киргизского кинематографа.

Другой пример — научной помощи. Это история издания древнетюркского словаря. Без преувеличений можно сказать, что это настоящий подвиг русских тюркологов. Русским ученым потребовалось ровно сто лет, чтобы собрать и расшифровать древние письмена. В словарь входит более 20 тысяч слов и фраз в переводе на русский язык. Русские ученые нам вернули утраченный язык предков. Это глубоко интернациональный акт. Возвращенное нам наше богатство. Вот это для меня пример подлинной дружбы наших советских народов! Расшифрована каждая буква! Где мы еще такой пример найдем?

Уже несколько десятков лет киргизские ученые ведут запись и систематизацию древнего героического эпоса «Манас». И теперь, когда просматриваешь четырехтомный сокращенный вари-

ант «Манаса», диву даешься: как сумел народ, не имевший своей письменности, пронести сквозь многие столетия до наших дней эту громаду поэтического сказания?

Киргизы — один из древнейших народов Центральной Азии. За свою многовековую историю они достигли исключительно высокого уровня развития эпической культуры. Длительное существование кочевого народа в своеобразных исторических условиях (отсутствие письменности и изобразительного искусства, постоянная борьба с сильными феодальными государствами за свою свободу и независимость) при высокой поэтической одаренности привело к возникновению и расцвету сказочного поэтического жанра. Киргизы вложили в свои эпосы то, что многие другие народы отобразили в описании истории, в художественной литературе, театре, картинных галереях и скульптуре.

Среди киргизских эпосов самое великое творение, разумеется, «Манас». Это — поразительное художественное явление.

«Манас» — эпос-океан. Ведущая его тема — борьба киргизского народа с иноземными поработителями, воспевание подвигов легендарного богатыря Манаса, объединившего вокруг себя разрозненные киргизские племена. Однако это только часть содержания, и этим далеко не исчерпываются главные темы эпоса. Художественные и познавательные диапазоны «Манаса» поражают своей широтой и разносторонностью.

Эпос «Манас» передавался от поколения к поколению, из уст в уста. Среди киргизов трудно найти человека, который не знал бы истории батыра Манаса. Память о лучших сказителях-манасчи сохраняется в народе сотни лет. Поэтому неудивительно появление такого феноменального художника нашего време-

ни, как сказитель Саякбай Каралаев. В годы гражданской войны он в рядах красных партизан сражался в Сибири против белогвардейской армии Колчака. В седле, на привалах, у костра Каралаев исполнял отрывки из «Манаса».

Выдающийся знаток мирового эпоса казахский писатель Мухтар Ауэзов назвал его легендарным эпиком, «современным Гомером», «рапсодом XX века». В этой восторженной характеристике нет преувеличений. Вряд ли где-либо можно найти человека, знавшего наизусть около миллиона стихотворных строк. Чтобы записать в исполнении Каралаева вариант текста «Манаса» и другие «малые» эпосы, потребовались годы и десятилетия.

Мне как-то довелось поехать вместе с Каралаевым в один из колхозов Чуйской долины. Весть о прибытии сказителя мигом облетела все село и соседние айлы. Народ стал прибывать отовсюду: с полей, с животноводческих ферм, на машинах, на тракторах. Желающих послушать Каралаева оказалось столько, что колхозный клуб не мог, конечно, всех вместить. И тогда Каралаев выступил прямо посреди улицы. Ему поставили стул на бугорке, а слушатели расположились кто как мог — на земле, в кузовах грузовиков, верхом на лошадях. И вдруг нагрянула грозная туча. Пошел страшный ливень. Каралаев не прекратил своего исполнения, и ни один человек не ушел. Люди слушали «Манас» под проливным дождем. Они всецело были поглощены песнопением сказителя. Я этого никогда не забуду...

Султанмурат приостановился. Попытался разглядеть Аксайское урочище там, на западе, на степном скате предгорий Великого Манасового хребта. Но ничего не разглядел в

той дали, называемой аксайской стороной. Только пространство и свет... Вот туда предстояло отправляться днями. Как-то там будет? Что ждет их в том краю? Тревожный голодок пробежал по спине.

Но день был чудесный. Аджимурат, тот совсем ошалел от радости, от вольного дня, оттого, что брат радом и собака преданно бежит возле, что в целом мире они сами по себе, что едут добывать топливо домой. Сам же на ишаке. Голосок тонкий, песни поет разные, еще довоенные:

Бер команда, маршалдар
(Дайте команду, маршалы),
Калбай тегиз чыгабыз
(Все, как один, выступим).
Мин-миллион жоо келсе да
(Пусть идет тысяча миллионов врагов),
Баарын тегиз жагабыз
(Всех до единого уничтожим).

Эх, глупцы! Дитя несмышленное... Но Аджимурату дела нет ни до чего. Он самозабвенно продолжал свое:

Бир-эки, да, бир-эки
(Раз и два, раз и два),
Катаранды тюздеп бас
(Держи ровнее строй)...

«РАННИЕ ЖУРАВЛИ»

В нынешнем году я немало поездил по республике, пожалуй, наиболее меня обрадовали намечающиеся перемены там, где они ожидались уже давно. Перестраивается, правда, пока не повсеместно, быт чабана.

Да, настало время, когда решать крупные экономические проблемы уже не-

возможно без учета обыденной жизни людей. Не стоит обольщаться и думать, что лозунг, обращенный к тысяче человек, каждый из тысячи воспримет как личное. Сегодня требуется конкретное внимание к каждому конкретному человеку, без этого ни один даже самый грандиозный план не станет реальностью.

У нас в Киргизии многое делается, чтобы привлечь молодежь в животноводство. Но самая лучшая агитация — делом. И когда я вижу, как тянутся электролинии к чабанским домикам, думаю: вот и здесь чабаны уже не будут мучиться, готовя пищу на костре, вот и здесь люди будут жить и работать в

**ШЕРСТЬ —
ЭТО И ЦЕННОЕ СЫРЬЕ...**

**И МАТЕРИАЛ
ДЛЯ СОЗДАНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДИЙ**

нормальных условиях. Знаю, что стоят все эти блага недешево. Кое-кто из плановиков ропщет: мол, расходы на улучшение быта нерентабельны. Но можно ли только копеечкой оценивать заботу о человеке? Жизнь доказывает, что в конечном итоге эти затраты окупаются сторицей. Значит, в экономическом и социальном плане они оправданы.

Сегодня нас не удивляет, что моя родная Киргизия — развитая индустриально-аграрная республика с высоким научным и культурным потенциалом. Разнообразная, очень сложная продукция киргизской промышленности экспортируется более чем в 60 стран мира. Сегодня нас не удивляет, что во Фрунзе работает Институт космических исследований Академии наук Киргиз-

ской ССР, что есть сама академия, академики, академические институты, заводы, вузы, театры... А ведь до 1924 года киргизы не имели письменности, были поголовно неграмотны (за исключением духовенства — те читали «Коран» по-арабски). Неграмотным был и великий акын Токтогул. А теперь молодые литературы не просто существуют, они действительно расцвели и выдвинули интересных мастеров.

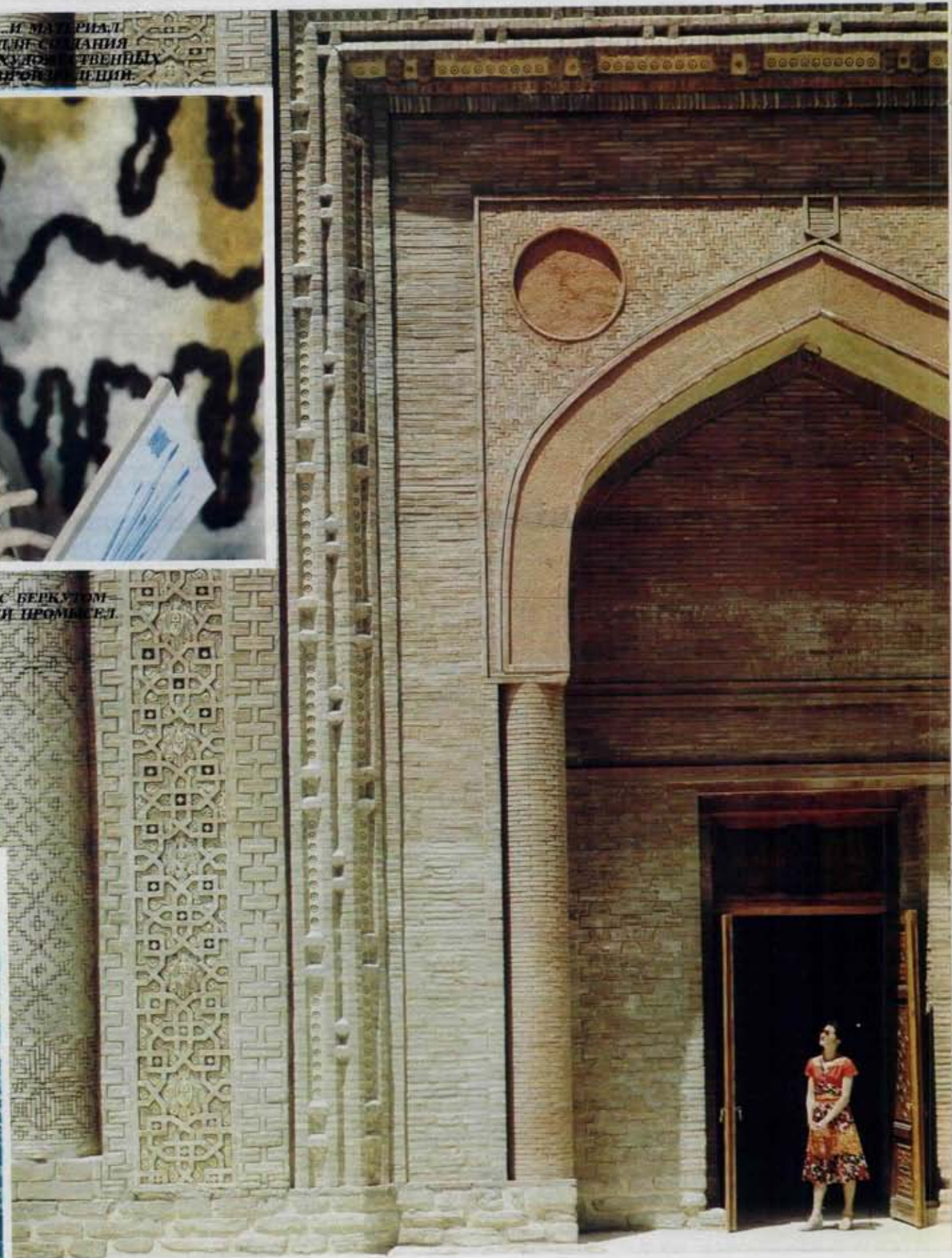
Динамичным для культуры Киргизии было последнее десятилетие. С радостью наблюдаю за ростом — и не только количественным — Киргизского государственного оркестра народных инструментов. Профессиональные музыканты вторую жизнь вдыхают в старинные песни, мелодии, наигрыши. Оркестр этот очень любим в народе, а ведь

**ОХОТА С БЕРКУТОМ —
ДРЕВНИЙ ПРОМЫСЕЛ**

**ЗА «ЗДОРОВЬЕМ»
ИССЫК-КУЛЯ
СЛЕДЯТ
УЧЕНЫЕ.**

**ПАМЯТНИК
П. П. СЕМЕНОВУ-
ТЯНШАНСКОМУ
В РЫБАЧЬЕМ.**

**ГОРДОСТЬ РЕСПУБЛИКИ—
ТОКТОГУЛЬСКАЯ ГЭС.**

ПОРА УРОЖАЯ.

считанные годы назад он только начал свой путь. Думаю, событием в культурной жизни республики можно назвать и создание двух новых драматических театров — Нарынского и в Пржевальске. И характерно, что формировались их труппы главным образом за счет молодежи, выпускников московских театральных вузов. Целый курс, сложившийся игровой коллектив, избрал местом распределения Киргизию.

Совсем недавно во Фрунзе открылась крупнейшая в республике библиотека. Закономерно, что носит она имя великого Ленина. Это архитектурное сооружение уникально и по своему внешнему облику и по содержанию: миллионы книг по всем отраслям знаний на многих языках народов СССР и мира доступны читателю. Поскольку речь коснулась столицы республики, не могу не вспомнить одну давнюю свою статью, где делился я огорчениями по поводу без-

ликости архитектурного облика Фрунзе. Теперь о нем такого не скажешь. Города, особенно центра, не узнать. Он обретает ту неповторимость, ту индивидуальность, которой ему так не хватало раньше. Административные, жилые здания и даже новый базар — все это и спроектировано и построено молодыми талантливыми руками, с почтением к национальным традициям.

Почтение к национальным традициям — это и почтение к матери-природе. И здесь мне хочется поделиться наблюдением, меня тревожащим. Может быть, я ошибаюсь в своих суждениях, но, наблюдая нашу молодежь, я порой не вижу в ней той влюбленности в природу, той эмоциональной сродненности со всем живым на земле, той готовности каждую минуту ощутить воздействие красоты и тогда, когда молодежь потребительски относится к окружающей среде, и тогда, когда равнодушно несет по горам на грохочущем мотоцикле до тех пор, пока тянет мотор, не замечая сказочной красоты снежного Ала-Тоо.

Меня это настораживает. Я начинаю думать: а почему это происходит? Где и когда случилось, что некоторые молодые люди утратили живой интерес к природе? Видимо, причины перенасыщения другого порядка: то, что они всю жизнь проводят перед телевизором, что кино, книги и другие средства коммуникации и информации загружают их до предела и где-то это чувство к природе у них ослабевает.

Может быть, надо начинать развивать взаимосвязи с природой с самого детства, с первых впечатлений детской души.

Если человек будет с самого истока своего воспитан в кровном родстве с природой, только тогда у меня будет уверенность, что в зрелом возрасте в нем сработают нужные тормоза. Что бы ему ни доказывали, его не придется агитировать за бережное отношение к природе, он сам будет внутренне готов к этому.

Нам нужно постоянно быть начеку, постоянно помнить о том, что научно-

техническая революция несет с собой не только блага, что она воздействует на нашу психику не всегда в желательном для нас направлении. Хорошо, когда научно-технический прогресс приближает к нам космос, но не менее важно, чтобы человек в век машин и ракет оставался человеком, чтобы он не превратился в холодное, рассудочное существо, позабывшее, как пахнет полынь, как цветет тюльпан, как радуется весне и солнцу все живое...

Я побежал к реке, умылся и бросился к стреноженным лошадям. Мокрая, холодная люцерна сочно стегала по босым ногам, щипало потрескавшиеся, в щельках ступни, но мне было хорошо. Я бежал и отмечал на ходу, что делалось вокруг. Солнце тянулось из-за гор, а к солнцу тянулся подсолнух, что случайно вырос над арыком. Жадно обступали его белогордые горчаки, но он не сдавался: ловил утренние лучи, поил тугую, плотную корзинку семян. А вот развороченный переезд через арык, вода сочится по колеям. А вот сиреневый островок вымахавшей по пояс пазулей мяты. Я бегу по родимой земле, над моей головой носятся наперегонки ласточки. Эх, были бы краски, чтобы нарисовать и утреннее солнце, и бело-синие горы, и росистую люцерну, и этот подсолнух-дычок, что вырос у арыка!

«ДЖАМИЛЯ»

...Я еду в мой Шекер. Вот уже трава зеленеет по обочинам, бродят стада с приплодом на склонах, на косогорах. Поля пошли разделанные, как зеркало, то озимые, то пропашные. Снова поля, то пропашные, то озимые... Позади остался Джамбул, неудержимо растущий, насыщенный современными темпами урбанизации, бывший караванный Аулие-Ата. Отсюда на эшелонах уезжали мои земляки на фронт, сюда на железную дорогу привозили мы свой хлеб для фронта... И вон уже впереди завиднелись под облаками снега Манаса...

**УЗГЕНСКИЙ МАВЗОЛЕЙ—
ОДИН ИЗ АРХИТЕКТУРНЫХ
ПАМЯТНИКОВ ПРОШЛОГО.**

футбольный клуб «Динамо»

ВЫПУСК 3-й

Турне московского «Динамо» по Великобритании поздней осенью 1945 года — одна из самых славных страниц в истории советского футбола. Подробности четырех матчей, сыгранных динамовцами на родине футбола, хорошо известны болельщикам по книжке «19:9», вышедшей в 1946 году и ставшей библиографической редкостью, по воспоминаниям участников, по многочисленным публикациям в справочной и документальной литературе, в периодической печати. Работая над книгой о Всеволоде Боброве, писатель А. Салуцкий, естественно, много внимания уделил этому турне. Публикуя его материал, мы выполняем просьбы многих любителей футбола.

Анатолий САЛУЦКИЙ

В послевоенном Лондоне все чаще слышали русскую речь. Сюда по приглашению лидера английских тред-юнионов Юджина Ситрина приехала делегация советских профсоюзов во главе с председателем ВЦСПС Василием Васильевичем Кузнецовым. Поездка футболистов «Динамо» совпала по времени с пребыванием в английской столице группы советских дипломатов, которую возглавлял посол СССР в США Андрей Андреевич Громыко. Здесь же, в Лондоне, находилась в это время и большая делегация советских юношей и девушек из всех союзных республик во главе с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Николаем Александровичем Михайловым — она участвовала во Всемирном конгрессе молодежи, на котором 445 делегатов и 160 наблюдателей из 64 стран учредили Всемирную федерацию демократической молодежи.

Именно на этом фоне всевозрастающего интереса к Советскому Союзу и расширяющихся международных контактов проходили матчи динамовцев с лучшими английскими командами. И когда первая игра с лондонским «Челси» закончилась сенсационной ничьей — 3:3, это сразу же «аукнулось» во всей спортивной Европе.

Но коснемся предысторий английского турне команды «Динамо».

На следующий день после первого матча динамовцев в Лондоне руководителя советской спортивной делегации принял в конторе британской футбольной ассоциации на Ланкастергейт, 22, ее генеральный секретарь мистер Роуз. Эта встреча была закономерной, поскольку именно Стэнли Роуз считался одним из самых активных сторонников проведения матчей с советскими футболистами. Именно Роуз еще 13 октября 1945 года пригласил советских дипломатов на матч между командами «Челси» и «Вест-Хэм Юнайтед», во время которого задал советнику посольства СССР по культуре Борису Караваеву вопрос: «Когда, по вашему мнению, смогли бы встретиться английские и советские футболисты?» Собственно говоря, с этого вопроса и стала стремительно раскручиваться спираль событий, благодаря которым уже ровно через месяц — день в день — 13 ноября 1945 года состоялся первый матч динамовцев на лондонском стадионе «Стамфорд-Бридж».

Хотя дата игры планировалась англичанами заранее, исходя исключительно из ситуации внутреннего футбольного календаря, трудно было выбрать для этого матча более подходящий момент во всей послевоенной истории футбола. Встреча между московским «Динамо» и лондонским «Челси» оказалась первым

МАТЧИ ПОСЛЕ ПОБЕД

международным матчем после первого послевоенного заседания Международной федерации футбола, которое свидетельствовало о возрождении мирового спорта.

И вот в Цюрихе, в швейцарской резиденции ФИФА на Банхофштрассе, 77, снова, как в добрые довоенные времена, под руководством Жюль Римз собрались на двухдневное заседание «отцы» мирового футбола. Эта встреча открылась 10 ноября 1945 года.

Естественно, на ней присутствовал Стэнли Роуз, от которого президент ФИФА, пять вице-президентов, генеральный секретарь этой организации д-р И. Шрикер и шесть временных членов Исполкома с огромным интересом узнали о предстоящем в Лондоне международном матче с участием московской команды «Динамо». Хотя в исходе этого матча никто из заседавших в Цюрихе не сомневался, именно эта игра между командами, представлявшими союзников по антигитлеровской коалиции, по мнению «отцов» футбола, предвещала бурный расцвет послевоенного «первого всемирного спорта».

Заседания закончились поздно вечером 12 ноября. А в девять часов утра 13 ноября мистер Роуз позавтракал в Цюрихе, сел в самолет и отправился в Лондон, чтобы с воздушного корабля поспеть на футбольный бал. Ровно в 14 часов 30 минут Стэнли Роуз занял свое привычное место в гостевой ложе и стал свидетелем исторического футбольного матча, открывавшего эру послевоенного международного футбола.

Телевизионной системы «Евровидение» в ту пору еще не существовало, однако члены Исполкома ФИФА, и в том числе президент этой организации Жюль Римз, в тот же день узнали о сенсационном результате матча между прославленным «Челси» и неизвестным русским «Динамо».

И уже 14 ноября президент ФИФА Жюль Римз пригласил к себе советскую спортивную делегацию, находившуюся в то время в Париже, — Постникова, Гранаткина и Никифорова. После короткого обмена мнениями о важности развития международных спортивных контактов Жюль Римз вызвал стенографистку и в присутствии гостей продиктовал ей текст официального письма, в котором содержалось приглашение советским футболистам стать членами Международной федерации футбола.

Через несколько минут письмо было отпечатано на бланке ФИФА, и Жюль

Римз, человек, который подарил Международной футбольной федерации золотую статуетку богини Ники, ставшую главным футбольным призом мира, размашисто подписав бумагу, вручил ее советским представителям.

Таким образом, Международная федерация футбола стала первой всемирной спортивной организацией, в которую вступил Советский Союз. По случайному стечению обстоятельств, спустя ровно год — 15 ноября 1946-го, когда была создана и организационно оформилась Всесоюзная секция футбола, в штаб-квартиру ФИФА из Москвы ушло официальное письмо с просьбой о принятии в эту международную спортивную федерацию. А уже 15 декабря того же года состоялось положительное решение Исполкома ФИФА, причем председатель Всесоюзной секции футбола Валентин Гранаткин стал вице-президентом этой международной федерации. Тогда же Исполком внес предложение признать русский язык, наравне с английским, французским и испанским, в качестве официального языка ФИФА. Это предложение утверждено было на

опытным парашютистом, что помогло ему удачно приземлиться, даже не потеряв шляпу.

Расположились зрители и на бровке футбольного поля. Под присмотром полицейских, без помощи которых невозможно было подавать угловые удары, болельщики расселись вдоль лицевых линий. Когда Сергей Соловьев бил пенальти в ворота «Челси» и промахнулся, то с трибун многим показалось, что удар пришелся в боковую стойку, — так упруго, с гулким звуком отскочил мяч в поле. Болельщики решили, что динамовцы ринутся на добивание, однако игроки почему-то разочарованно отвернулись и побежали к центру поля. Секрет такого поведения заключался в том, что мяч угодил вовсе не в штангу, а в солидного полицейского, как столб, стоявшего рядом с ней.

Матч с лихвой оправдал надежды болельщиков, доставив им огромное удовлетворение. Правда, спортивные обозреватели не сразу разобрались, в чем секрет русских, которые явно имели преимущество в игре. Не случайно лондонские газеты дружно отметили только быстрый стиль игры советских футболистов, предвещая, что следующий соперник динамовцев, команда «Кардифф-Сити», наверняка победит гостей, потому что ее игроки более энергичны, чем футболисты из «Челси».

Однако тренер Михаил Иосифович Якушин 13 ноября 1945 года, в день первого английского матча, твердо понял, что в тактическом плане «Динамо»

XXVI лондонском конгрессе ФИФА 27—28 июля 1948 года.

Так «аукнулось» триумфальное турне московского «Динамо» по Великобритании.

ФИФА, несмотря на антисоветизм, провозглашенный Черчиллем, последовательно проводила политику контактов с советским футболом. Руководители ФИФА сохранили глубокую благодарность к советскому футболу за то, что блестящее выступление московской команды «Динамо» в Великобритании превратило это, казалось бы, рядовое, малозаметное турне в перворазрядное спортивное событие, привлекло к нему мировое внимание и сделалось явлением, с которого начался ренессанс международного футбола.

Лондон с интересом встретил дебют советских футболистов. С утра на стадион «Стамфорд-Бридж» устремились легионы болельщиков, которые внесли сильную дезорганизацию в уличное движение английской столицы. Вишневый автобус, выделенный команде «Динамо», с колоссальным трудом пробивался сквозь плотную толпу, водитель не переставал выводить трели своим клаксонам. А машина советского посла с пешеходной скоростью «дрейфовала» в человеческом море от вокзала Виктории до стадиона, со всех сторон окруженная людьми, которые приветственно махали руками. Опытный посольский водитель Николай Сергеевич Терев, много лет проработавший в Лондоне, утверждал, что не видел на своем веку подобного столпотворения.

Зрителям не хватало мест на трибунах, и они расположились на крышах высоких зданий, окружавших стадион, взобрались на стеклянную кровлю «козырька» «Стамфорд-Бриджа». В самый разгар матча этот козырек в одном месте не выдержал тяжести и проломился, какой-то болельщик вместе с осколками стекла свалился на головы своих собратьев. Происшествие закончилось благополучно лишь потому, что по счастливой случайности рухнувший вниз любитель футбола в прошлом был

значительно сильнее британских команд, что метод «блуждающих форвардов» полностью оправдал себя, застал англичан врасплох. Михаил Иосифович имел все основания быть довольным: динамовцы преподнесли своему тренеру неплохой подарок — ведь 15 ноября Якушину исполнилось 35 лет.

Полностью оправдало себя и появление в составе «Динамо» Всеволода Боброва. Молодой 23-летний нападающий так органично вписался в калейдоскопически меняющуюся расстановку на поле пяти «блуждающих форвардов», словно всю жизнь играл именно в «Динамо». Это особое умение сразу войти в сыгранный ансамбль, «с листа» читать тактические замыслы незнакомых партнеров было вообще одной из граней футбольного таланта Всеволода Боброва.

Постоянно готовый к молниеносной атаке, левый инсайд Бобров бил по воротам противника не только со своего места, но также с позиции центрфорварда и правого полусреднего. Его «сторож», как, впрочем, и остальные защитники «Челси», был полностью сбит с толку. Классическая схема «дубль-вз» требовала от него «держатель» своего подопечного в ответственном для его действий коридоре. Но Бобров уходил куда-то в сторону, а вместо него неожиданно возникли Бесков, Карцев, Соловьев, а то и правый крайний Архангельский. Обороне англичан все время приходилось решать мучительную задачу: бегать за своими подопечными с левого края на правый и наоборот или же «держатель зону»? В результате того, что тактически англичане к решению этой задачи не были подготовлены, в игре

оборонительных линий «Челси» то и дело возникала путаница. И следует вновь повторить, что ничейный счет объясняется исключительно волнением советских футболистов, сдававших небывало ответственный экзамен. И тот факт, что первый тайм они проигрывали со счетом 0:2, а затем свели игру вничью, лишь подтверждает это.

Зато во втором матче британского турне — с валлийской командой «Кардифф-Сити», когда динамовцы полностью избавились от первоначального волнения, они показали весь свой класс, победив валлийцев с разгромным счетом — 10:1.

Поражение «Кардиффа», по мнению британской печати, было горьким, ужасающим, затронувшим национальные чувства. Только тут с глаз английских спортивных обозревателей словно упала повязка, скрывавшая от этих опытных людей причины успешной игры русских против «Челси». Лишь после катастрофы с «Кардиффом» они поняли, что секрет «Динамо» заключался не в быстроте как таковой, а в «умело организованном беспорядке», в тактике «блуждающих форвардов», которой среди английских профессионалов придерживался лишь один игрок — Стэнли Мэтьюз — и которая принесла ему громкую славу «футболиста № 1».

Немудрено, что после сокрушительно-го поражения «Кардиффа» англичане жаждали реванша и в третьей игре выставили против динамовцев прославленный лондонский «Арсенал». Именно в «Арсенале» играл знаменитый «канонир» британского футбола центрфорвард Тэдди Дрейк, по рассказам, тренировавший удар по воротам с завязанными глазами, однофамилец вошедшего в английскую историю пирата Дрейка, возведенного в лорды за услуги, оказанные «владычице морей», того пирата Дрейка, который был одним из предков Уинстона Черчилля. Именно «Арсенал»

ющим по футбольному полю, туман сгустился настолько, что болельщики перестали различать противоположные трибуны. А когда игра началась, туман перешел в ту крайнюю категорию плотности, которую в Англии называют «гороховым супом» и которая заставляет дорожную полицию зажигать на перекрестках факелы, чтобы уменьшить опасность автомобильных происшествий.

Но, как ни парадоксально, сами динамовцы впоследствии утверждали, что описания «мяча, внезапно выплывавшего из тумана» — это безусловное гущение красок, рассчитанное на то, чтобы произвести особый эффект на читателей. В действительности, считают футболисты, хотя видимость и впрямь была ограниченной, однако не настолько, чтобы серьезно мешать игре.

Впрочем, никакого парадокса тут нет: правы обе стороны — и те, кто наблюдал за встречей с трибун, и те, кто принимал непосредственное участие в игре. В отличие от знаменитых вечерних или утренних российских туманов, которые представляют собой своего рода «испарину» теплой влажной земли, лондонский городской смог опускается откуда-то сверху и не всегда плотно садится на такие ровные и большие площадки, как, например, футбольное поле. Он как бы зависает над ним на небольшой высоте. Сверху, с трибун для зрителей, следивших за матчем сквозь мутную мглу, казалось, что мяча совсем не видно. Но сами футболисты неплохо различали его, упуская из виду лишь в моменты высоких навесных передач, когда мяч действительно прятался.

Этот экскурс в область метеорологии представляется отнюдь не лишним в связи с тем, что после того исторического матча в Англии бытовало мнение, будто бы «гороховый суп» искажал истинную картину соотношения сил на поле, вверив судьбу встречи в руки Фортуны. На самом же деле это был нормальный футбол, в равной мере затрудненный для обеих команд и требовавший от них проявления самых лучших качеств. Именно в такой обстановке удельный вес случайности снижается, а роль мастерства возрастает. И если уж говорить о густой мгле, якобы скрывавшей ворота противника, о «мяче, внезапно выплывавшем из тумана», то как объяснить большое количество забитых в том матче голов — семь! Причем ни один из них — как в английские, так и в наши ворота — не был забит в суматохе, случайно, а являлся следствием целенаправленной атаки, умной комбинации, отличного паса, стремительного рывка, точного удара.

Небезынтересно напомнить и еще об

одном обстоятельстве, неопровержимо свидетельствующем в пользу нормального, а не «слепого» футбола, несмотря на «гороховый суп». При «туманных случайностях» голы могут забивать любые игроки — на то она и случайность. Однако в матче между «Динамо» и «Арсеналом» мячи забивали именно те форварды, которые отменно делали это и в других матчах: у англичан все три гола в ворота москвичей «на совести» левого инсайда из клуба «Блэкпул» Мортенсена. А в советской команде по одному мячу забили Сергей Соловьев и Константин Бесков, а два — Всеволод Бобров.

В том матче с «Арсеналом» особенно ярко проявилось замечательное качество Всеволода Боброва — умение забивать самые важные, решающие голы. На протяжении всей своей спортивной карьеры — будь то футбол или хоккей — он всегда брал на себя роль лидера команды и штурмовал ворота противника тем упорнее, чем труднее была игра, чем напряженнее складывалась игровая ситуация.

Какими бы сложными ни были предыдущие три встречи с английскими командами, они все же представляли собой именно тот неофициальный, товарищеский футбол, в котором соперники стремятся продемонстрировать свои лучшие качества. В отличие от этого матч в Глазго, дававший хозяевам последнюю возможность восстановить свой пошатнувшийся престиж, стал первым матчем так называемого «злого футбола», когда победу стремятся добыть любой ценой. Именно матч в Глазго впервые для советских футболистов сопровождался несправедливым судейством, включавшим в себя и несправедливые пенальти, и свидетельствовал о том, что русские действительно начали принимать всерьез как конкурентов на мировой арене. А потому — шутки в сторону. Футбол становится жестоким, когда речь идет о настоящей конкуренции, о борьбе за мировое лидерство.

Хотя матч в Глазго проходил на стадионе «Айброкс», вместившем только 120 (!) тысяч самых темпераментных и самых недисциплинированных в мире шотландских зрителей, атмосфера на трибунах во время игры характеризовалась хорошо известным в Англии выражением — «рев Хемпдена». Это понятие означает крайнюю степень экзальтации болельщиков и напоминает о том, что происходит во время финальных матчей на шотландском стадионе «Хемпден-Парк», вмещающем почти 140 тысяч яростных поклонников футбола. Считается, что страсти, бушующие в таких случаях как «Хемпдене», который од-

нажды после игры был даже разгромлен чрезмерно возбужденными зрителями, являются своего рода апогеем болельщических эмоций вообще. И потому понятие «рев Хемпдена» служит синонимом особого ажиотажа на трибунах.

Болельщики «Рейнджерса» неистовствовали. И когда счет уже к середине первого тайма стал 2:0 в пользу московского «Динамо», на трибунах и на поле создалась какая-то угрожающая, предгрозовая атмосфера, мало напоминавшая тот свободный, романтический, эмоциональный футбол, к которому привыкли советские футболисты на родных стадионах. Начался новый для них «злой» футбол, который, к сожалению, вскоре проник и во внутрисоюзные чемпионаты, омрачив для лучших футболистов радость игры.

Именно во встрече с «Рейнджерсом», завершившейся вничью — 2:2, на шотландском стадионе «Айброкс» была впервые объявлена... охота на Всеволода Боброва. Защитники хозяев поля, неспособные удержать этого великолепного форварда, начали применять против него нечестные приемы. И в середине второго тайма Бобров впервые за свою пока короткую футбольную карьеру вынужден был покинуть поле досрочно, до финального свистка.

7 декабря 1945 года команда московского «Динамо», которая своими великолепными выступлениями на прекрасных рейсрассовых полях Англии произвела настоящий фурор в европейском футболе, вылетела на Родину. За игрой динамовцев непосредственно наблюдали на стадионах 350 тысяч английских болельщиков. Две победы и две ничьи, общий счет забитых и пропущенных мячей — 19:9, таким был итог динамовского турне. Перед матчами лондонская пресса иронически писала о том, что советским футболистам незнакомо хорошие футбольные манеры, поскольку, выходя на поле, они даже не удосуживаются закатывать рукава футболок, как это делают настоящие британцы. Но после окончания турне эта точка зрения претерпела существенные изменения. По мнению английских газет, русские разделились с родоначальниками футбола, даже не засучивая рукавов.

Но, пожалуй, самая лестная и понастоящему правильная оценка советским футболистам была дана английской газетой «Ньюс кроникл», которая, не особенно вникая в суть событий, развернувшихся на футбольных полях Великобритании в ноябре 1945 года, как бы подвела моральный итог первого в британской истории знакомства с советскими спортсменами и написала о них как о «ярких личностях, прибывших из России».

накануне матча с динамовцами взял в аренду у спортивного клуба города Сток выдающегося правого крайнего нападающего Стэнли Мэтьюза. Двигаясь с мячом на защитника, Мэтьюз непрерывно, словно маятник, совершал колебательные движения корпусом, и нельзя было предугадать, в какую сторону он рванется в следующий миг.

Готовясь к решающему, принципиальному поединку с «Динамо», где на карту была поставлена честь английского футбола, руководители профессиональных клубов пошли на то, чтобы усилить «Арсенал» не только Стэнли Мэтьюзом, но также игроками многих других команд, создав своего рода неофициальную сборную страны. Когда накануне игры в газетах был опубликован состав «Арсенала», он вызвал по меньшей мере удивление: в команде осталось лишь четыре «аборигена», остальных футболистов пригласили из семи английских клубов.

Этот матч московского «Динамо» с одной из сборных английских команд, который судил советский арбитр Николай Латышев, матч, названный в Великобритании «самым фантастическим в истории английского футбола», вошел в эту историю под названием «слепого футбола», или матча в тумане, или просто «греники в гороховом супе». Дело в том, что когда в половине одиннадцатого утра по требованию полиции, которая не могла сдержать толпы болельщиков, администрация стадиона открыла вход для зрителей, трибуны уже были слегка подернуты пеленой тумана. К часу дня, когда началась традиционная предматчевая лихорадка, подогреваемая духовым оркестром, марширу-

ТРЕНЕР М. ЯКУШИН ВЫВОДИТ КОМАНДУ НА ЛОНДОНСКИЙ СТАДИОН:
(СЛЕВА НАПРАВО) М. СЕМИЧАСТНЫЙ, Л. СОЛОВЬЕВ, С. СОЛОВЬЕВ,
В. КАРЦЕВ, К. БЕСКОВ,
В. БЛИНКОВ, В. РАДИКОРСКИЙ,
И. СТАНКЕВИЧ, В. БОБРОВ,
Е. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, А. ХОМИЧ.

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
ИЗ КНИГИ «19:9».

ГОЛОС ВОДЫ

Ион ПРОКА.

Фото
Анатолія МУНТЯНУ

Скуповата молдавская земля на воду, трудом оплачен каждый добытый из недр литр живительной влаги, а потому и отношение к ней у нас особенное. Издавна повелось: колодцы копались за околицей села, в поле. Горбom чувствовал человек тяжесть коромысла с полными ведрами. Стекавшая по крышам дождевая вода вся, до единой капли, собиралась в кадушки, ведра, бочки. Молдаванин освящал водой место постройки будущего дома. Водяные мельницы помогали смолоть зерно; без воды и мука не превратится в хлеб насущный.

Но не всем дано находить воду. Ибо это не столько профессия, сколько дар божий. Вспоминаю Петра Кондура из Старых Кицкан Теленештского района. Чуть ли не до самых своих последних дней ходил он, опираясь на палку, показывать молодым, где из земли бьет ключ. Сто тридцать колодцев выкопал за свою жизнь. Мне временами кажется, что дед Пет-

ря и сейчас разговаривает с нами. Голосом дождя, голосом воды. И просит нас беречь их. И не повторять старых ошибок...

Был когда-то Кишинев богат колодцами. Нет их теперь. Асфальт и бетон покрывают землю. Нам кажется, что таким и должен быть город. Вряд ли...

Петря Кондур рассказывал, как давно, еще в молодости, выкопал он на своем клочке земли у самой дороги колодец. Радовал он прохожих. А ведь многие в то время копали колодцы у себя во дворе, только для себя. Но вода не простила жадности — уходила, ибо предназначение ее — радовать людей. Радуют людей колодцы деда Петри, а потому то и дело слышишь: «Хороша водица Кондура!», «Пойдем по воду к Кондуру».

В Сасенах Каларашского района живет молодой плотник Георге Коробка. Он не спускается под землю в поисках воды, он лишь украшает колодцы, но делает это мастерски. Взглянешь на воздушную, филигранно исполненную резьбу, и кажется, что перед тобой и не колодец вовсе, а

сказочный теремок. Он убежден, наш Георге, что колодец должен быть самым красивым, самым почитаемым памятником природе нашей и относиться к нему должно с любовью и уважением.

Не могу забыть одной свадьбы. Было это в селе Дрокия Дрокиевского района. Помню, как посаженный отец в самый разгар торжества поднялся и произнес: «Я не предложу молодым выпить вина за семейное счастье, я принесу им воды. Самой сладкой. Из колодца, который сам вырыл на земле, что выделена им под дом». Слово свое он сдержал, колодец вырыл. А мы-то думали, что наши свадьбы переродились в обычные гулянки со звоном хрустала. Но сравним ли даже лучший в мире хрусталь с прохладной водой — подарком, стоящим так дорого, как сама жизнь?..

Перевела с молдавского
Алла МЫНДЫКАНУ.

НЕТ ВОДЫ
ВКУСНЕЕ,
ЧЕМ
ИЗ КОЛОДЦА.

В ТАКОЙ БЕСЕДКЕ
МОЖНО И ОТДОХНУТЬ.

УТОЛИ ЖАЖДУ, ПУТНИК!

ЭТОТ «ЖУРАВЛЬ»
СЛУЖИТ УЖЕ
ДЕСЯТКИ ЛЕТ.

У КАЖДОГО УМЕЛЬЦА
СВОЙ ПОЧЕРК.

КЛУБ Музыка с тобой

Еловно чарующая волшебная флейта, его голос выводит искусные соловьиные трели, воссоздает тембр плачущей виолончели, имитирует басовые звуки валторны...

Друзья в шутку называют его невидимкой, потому что слышат-то Геннадия Трофимова многие, но видят редко, да и то в эпизодических ролях в театре. Обычно он много времени отдает студийной работе.

Вот и на этот раз, договариваясь о встрече, Геннадий Трофимов предупредил: буду с утра в студии «Мелодия».

В назначенный день поднимаюсь по винтовой лестнице на третий этаж старинного здания, открываю дверь. В комнате полумрак, вся она заставлена высокими металлическими шкафами, начиненными электронной аппаратурой. За одним из них не сразу можно заметить согнувшуюся над пультом фигуру.

— Импровизируем, — сделал жест Геннадий, обратив мое внимание на сидящего за синтезатором партнера.

Композитор Артемьев — это он музицировал — стал рассказывать о совместных поисках. Не знаю, как часто о коллегах отзываются столь восторженно: и голос непревзойденный, и манера раскованная, и трактовка мастерская. А главное, всегда чувствуешь рядом плечо единомышленника, равняешься на тот творческий потенциал, который в нем скрыт и, по существу, не ограничен.

Геннадий — находка для композитора. Певец, который «берет» ноту практически любой октавы. Ну, а какой смысл в студийных экспериментах, если их не повторить рядовому исполнителю? Но смысл, по мнению Артемьева, есть. Он помогает найти лучшие решения. И Трофимов — тот певец, которого неизбежно порождает новая музыка. Геннадий заявил о себе в музыкальном спектакле Алексея Рыбникова и Павла Грушко «Звезда и Смерть Хоакина Мурьеты». Эта «история... о парне простом и отважном» — сюжетная основа драматической кантаты Пабло Неруды, обошедшей с 1967 года сцены театров многих стран.

Но кто такой Хоакин в трактовке Трофимова?

— Для меня «Звезда и Смерть Хоакина Мурьеты» — говорит Геннадий, — олицетворяет извечную борьбу добра и зла. Хоакин, вступающий в жизнь восторженным юношей, не ведает еще пороков несправедливого общества.

Каждый эпизод отнимал много сил. Устав от репетиций, Геннадий часто уезжал в родной Орел, часами, казалось, бесцельно бродил по лесистым косогорам — набирался новой энергии.

Музыкальный спектакль «Звезда и Смерть...» — первый крупный дебют Геннадия на фирме «Мелодия», выпустившей красочный альбом из двух дисков. Это было в 1980 году. А совсем недавно экраны страны обошел фильм с тем же названием. В нем голос Трофимова прозвучал опять в партиях Хоакина и Смерти.

Не все актеры поют. Проблема вокального «каскадера»-дублера суще-

ствует, но ее иногда предпочитают не замечать.

Сам Геннадий, как говорится, не рвется на трибуну, чтобы завладеть микрофоном и вниманием аудитории, не спешит выйти на сцену театра или эстрады.

С детства овладевший иностранными языками, и не без помощи мамы-преподавателя, он, по признанию поклонников, может спеть профессионально любой западный шлягер. Например, в фильме «Приключения капитана Врунгеля» он спел за всех действующих лиц, в том числе и на английском языке.

Геннадий владеет синтетической манерой пения. Добивается сочетания академического стиля с современными: джазом и роком.

В современной музыке часто композитор и исполнитель — одно и то же лицо, так как все тонкости выразительных средств невозможно зафиксировать в нотах. Поэтому особо ценится вокальная редакция певца. Как импровизатор Геннадий имеет неподражаемую гибкость голоса, чувствует ритмические особенности джаза.

Еще в те годы, когда Геннадий увлекался баяном (было это сначала в Орловском музучилище, а затем в Государственном музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных в Москве), всех восхищала его способность к импровизации, от баяна он мог пересестись за фортепиано и давал волю своей фантазии.

Если хотите научиться владеть голосом, наставлял

молодых великий Станиславский,

то пойте тихо, с закрытым ртом. Геннадий, играя на инструменте, неслышно вторил тянувшемуся звуку баяна. «Боже! Чудо сотвори!» — есть строчка-мольба в драме о Хоакине, но в жизни Трофимова автором «чуда», певческого успеха стал он сам. И не случайно специалисты из фонотеки Всесоюзного радио долго не могли понять, что баянист Трофимов и певец Трофимов — одно и то же лицо.

Вокалу он учился самостоятельно, десятки раз прослушивая любимые пластинки — Ф. Шалаяпина, Л. Утесова... В результате в совершенстве овладел таким сложным инструментом, как голос, возвысил его роль. Ведь электронная музыка оттеснила не только классические оркестры, но и породила певческую безликость. В течение веков создавались все новые и новые музыкальные инструменты, рассчитанные на строго узкий диапазон, на определенную певческую культуру: великое многообразие ради гармонического единства. С появлением «генераторов» музыки, имитирующих и орган, и балалайку, и флейту, это единство нарушилось. Певцам оказалось не под силу «идти в ногу» с современными композициями, эстраду заполнили безголосые...

Вот в такую пору анедирования техники в искусство ряд молодых композиторов — и среди них Алексей Рыбников, окончивший аспирантуру Московской консерватории, — задалась целью: устранить противоречия между испол-

нителями инструментальной и вокальной музыки. Неизбежно напрашивалось: раз синтезируется музыка, наверное, и вокалу не повредит синтетичность. Но где взять певца, способного извлекать звук практически любой высоты?

— Когда я задумал создать музыкальную драму современными средствами, — говорит Алексей Рыбников, — я долго пытался представить образ Хоакина и представить его исполнителя — тенора или баритона, кого предпочесть? На сколько ограничить диапазон звучания, чтобы не выходить за пределы певческих возможностей человека? И вдруг мне приносит магнитофонную запись, где эти проблемы были разрешены.

Обладателем «безразмерного» голоса был мало кому известный Геннадий Трофимов, которого тогда пригласили в Москву.

— Удивительно даже, что он легко сменяет бас-профундо на самые верхние тона сопрано, незаметно и без всякого усилия, — говорит Рыбников. — На меня как современного композитора пение Трофимова производит большое впечатление еще и потому, что его голос надежнее и богаче любого инструмента. Главные партии «Звезды и

Смерти...» он исполнил первым потому, что даже опытные певцы не пытались преодолеть регистровый «звуковой» барьер, вернее, не верили в плавные переходы. Для Геннадия не существует границы в условной певческой градации. Столь многоликий голос (три октавы) — большое приобретение для поиска новых выразительных средств. Все главные мужские партии я писал в «ключе» Трофимова, с расчетом на его голос.

Сейчас существуют три версии «Звезды и Смерти...»: в театре, кино, на грампластинках. Когда Рыбникова спрашивают, какая ему больше нравится, он не раздумывает: конечно, в грамзаписи. И опять он связывает успех с именем Трофимова. Сначала доверили ему спеть партию Смерти. Геннадий создал злобевший, саркастический образ. А актера на роль Хоакина так и не нашли.

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

«Может, попробуешь?..»

Попробовал — и сообщил единство всей пластинке.

— Вдвоем с Алексеем Рыбниковым разрабатывали фонограмму, — вспоминает Геннадий, — ведь сложность была в том, что вокальные партии исполняли драматические актеры. Им буквально пришлось начинать с «азов» — одно дело, когда играешь в драме, другое — в мюзикле. По праву автора Рыбников работал с музыкантами группы «Рок-ателье», добиваясь сходства с партитурой, я же обучал пению.

Певец Трофимов начинал в театре свою «карьеру» с артиста ансамбля «Аракс», позже — «Рок-ателье». В «Юноне» и «Авось» он сыграл дирижера, а в «Оптимистической трагедии» — эпизодическую роль кайзеровского офицера.

И все-таки не эти спектакли предмет разговора, рассказа, ибо Трофимов состоялся как новый тип исполнителя, который наиболее выражает себя в студийной обстановке. Его не смущает отсутствие непосредственного контакта с публикой и вместе с тем не сковывает мысль о незримой, но поистине безграничной аудитории. Он владеет специфической игрой для записи: способен сохранить цельность трактовки даже при воспроизведении текста фрагментами, как это было при записи партии Николая Резанова в «Юноне» и «Авось», входить мгновенно в образ. «Не секрет, — замечает Рыбников, — драматический дар и вокальная техника у многих исполнителей не всегда сочетаются с эстрадной гибкостью и актерским мастерством. У Геннадия есть качества как оперного, так и эстрадного певца».

Но почему Трофимова чаще можно встретить в студии, чем в концертном зале? Ответ простой. Подобно скульптору, годами отшлифовывающему мельчайшие детали статуи, или кинорежиссеру, снимающему все новые дубли, он может подолгу повторять варианты, делать выбор между ними, пока не добьется удовлетворяющего его результата. Чуткий к акустике, с абсолютным музыкальным слухом, он мастерски использует пространство, преобразует тембр, динамику, изменяя атаку звука, вводя отдельные звуковые планы.

Певец БЕЗ МИКРОФОНА

Анна Кучушева

Фото Владимира Чейшвили

Электронная техника открывает беспредельные возможности, вносит свежесть в инструментовку. Так, машины компьютерного поколения могут заминать и извлекать из тайников ЭВМ все «кирпичики» здания музыкального произведения, все тембры. Сейчас музыка вышла на такой этап, когда в ней происходит взаимопроникновение различных стилей и направлений: джаз соседствует с академической музыкой, традиционная форма — с новой.

Нагляднее всего это выражено в «Звезде и Смерти...», в «Юноне» и «Авось». Например, незатейливая песенка «Шиповник» — с привычными оборотами — в новой электронной среде акустически так расцвечена, что получает необычную звуковую окраску. Геннадия привлекают чистота и благородство мелодических линий — в этом находят свое продолжение традиции Чайковского, Рахманинова. Ему как исполнителю также импонируют современные ритмы, рожденные синтезатором.

Однако Трофимов против того, чтобы возможности техники использовались лишь для создания эффектов в угоду развлекательности. Он стремится приблизиться к образцам серьезной литературы, изобразительного искусства и музыки. Его репертуар не богат количеством. Исполнять нужно только то, что духовно обогащает, нравственно и эстетически воспитывает, считает он. Не без удовольствия записал он цикл песен Е. Крылатова на стихи Е. Евтушенко в фильме «И это все о нем».

А сейчас заканчивается запись новой музыкальной драмы Э. Артемьева «Преступление и наказание», где Геннадий исполняет партию Раскольникова.

— Мечтаю спеть цикл шекспировских сонетов композитора Румянцева, сделать вокальные аранжировки старинных русских романсов и народных песен, — делится планами Трофимов. — Главное для меня — поднять те народные пласты песенного творчества, что, к сожалению, мало затронуты, но представляют настоящий клад и для вокалиста и для композитора.

Им подмечено, что в устном народном творчестве ритмика может варьироваться по усмотрению исполнителя, а высота звуков порой не укладывается в привычную нотную запись. Это дает возможность исполнять одно и то же произведение по-разному, импровизируя. Геннадий намечает создать ряд композиций и выйти с ними на сцену. Одна из них готова — это «Кукушка» на стихи Флора Васильева, в которой он использует приемы народного пения.

— Кто бывал в лесу, наверное, обращал внимание, слушая кукушку: голос птицы то приближается, то отдаляется. И всякий раз ее «ку-ку» звучит иначе. Я и пытался передать эти интонации в натуральном строе человеческого голоса, которые невозможно передать на клавишных инструментах. Кстати, это давно применялось у древних славян в глечах, причетах, выкликаниях, когда народные певцы предпочитали нейтральные и плавающие интервалы, почти забытые сегодня, — дает комментарий к своей композиции Трофимов.

Здесь же, кстати, он вводит принцип антифонной подачи звукового материала — своеобразную пространственную переключку голосов, которая поныне сохранилась в хороводных песнях Закарпатья, оленоводов Севера. Так фольклор становится частью его исполнительского стиля, его языка.

Да, Трофимов — студийный певец, прослеживающий в тиши звукозаписывающих приборов сложные перипетии человеческих судеб, воздающий должное злу и защищающий добро. Но это, как точно выразился Эдуард Артемьев, не начало поиска себя в искусстве как личности — личность уже состоялась.

И талант о себе заявит.

НЕУЖЕЛИ ДАВАЮТ

Надо обсудить

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Уважаемые читатели!

Опубликованные в №№ 15 и 17 размышления писателя Леонида Жуховицкого по проблемам такой животрепещущей сферы человеческих отношений, как любовь, создание семьи и благоприятной атмосферы супружеской жизни, вызвали оживленный отклик сотен читателей «Смены». Не будем преждевременно анализировать нашу почту, поскольку публикация серии статей еще не закончена. Хотим только обратить ваше внимание на один существенный момент: как подчеркивалось в первой публикации, тема эта носит дискуссионный характер, не все суждения автора могут быть приняты как безоговорочные, и потому редакция публикует их под рубрикой «Надо обсудить».

Думается, что чем больше разных мнений будет высказано по вопросам, затрагиваемым в статьях писателя, тем больше возможностей выявится у всех нас для осмысления этих сложных проблем.

А о чего же хочется, чтобы мысль шла кратчайшим расстоянием, не петляя и не плясая, исключительно по прямой! Чтобы житейские правила были безупречно доказуемы, как геометрические теоремы. Выведешь формулу — и живи по ней без сомнений и колебаний!

Да вот беда — жизнь не математика. Только придешь к, казалось бы, безупречному выводу, а реальность вдруг подбрасывает совершенно неожиданный парадокс...

Вот я написал в предыдущей статье: в семейной жизни везет добрым, те, кто гребет под себя, остаются одиночками. И вроде бы весьма широкий круг моих знакомых полностью подтверждает это положение. И народ в своих пословицах не обещает хапугам и злым людям ничего хорошего.

Но зашла в гости журналистка, года два назад получившая диплом МГУ, и рассказывает с некоторым недоумением:

— На третьем-четвертом курсах у наших прошла полоса женитьб. А теперь полоса разводов. Но не это странно, сейчас многие разводятся. Странно, что...

Слушаю дальше — действительно странно. Не секрет — студенческие браки, как, впрочем, и остальные, бывают разными. И по безумной любви и по иным причинам. Большинство, конечно, по любви — в двадцать лет лишь очень холодная кровь не одолеет разум. Но... кому-то нужна прописка, у кого-то трудности с распределением, кто-то боится упустить идеальный возраст замужества... Словом, традиционное противостояние — любовь и расчет.

И оба начальных стимула проходят испытание на прочность.

Привычная отгадка сама слетает с губ: конечно же, браки по расчету разваливаются на первом же ухабе, а вот те, что по любви...

Но то-то и странно, что выходит вовсе не так! У однокурсников моей знакомой разваливаются как раз браки по любви. А те, что по расчету, в большинстве своем худо-бедно, но держатся.

Может, у них курс попался такой странный? Рассказал о загадочном парадоксе двум социологам (один, кстати, преподает в том же МГУ). Их это ничуть не поразило. Оказывается, социологи в разных странах уловили эту неожиданную тенденцию — отнюдь непрочность браков по любви. И якобы даже какой-то выборочной статистикой располагают. И даже статьи на эту тему публиковались в журналах.

Конечно, первые и не слишком широкие исследования нельзя принимать как непреложный закон. Но задуматься стоит.

Для начала попробуем холодным глазом приглядеться к любви. Занятие почти кощунственное, но как иначе докопаться до истины?

...Двух людей, почти незнакомых, вдруг яростно притягивает друг к другу. Без всякой высокой идеи. Без всякой предварительной подготовки. Разум в сторону, дела в сторону, страхи в сторону.

А что притягивает-то? Уважение? Общность интересов? Единство жизненных принципов? Как бы не так! Страсть притягивает, одна только страсть.

Ладно, страсть. А что это такое? Догадок мало, стихов полно, уверенного объяснения ни единого. На сегодняшний день — тайна.

Любовь способна на подвиги, это ясно — например, Ромео и Джульетта. Но любовь способна и на преступления — например, шекспировская леди Макбет и лесковская «Леди Макбет Мценского уезда». Словом, не зря страсть так часто называют слепой.

Однако слепа, слепа, а что надо видит великоленно. Ведь не от каждой спички этот пожар загорается. Не к каждому встречному притягивает с безудержной силой. Загадочное это чувство из несчетной толпы безошибочно выбирает единственного.

Статья третья.
Статьи первую и вторую читайте в №№ 15, 17.

Но почему именно его? Каков признак? Каков принцип? Какова цель?

Современная наука четкого ответа не дает. Приходится проваляться собственными предположениями.

Мне кажется, что необъяснимая тяга друг к другу незнакомых людей, так называемая «любовь с первого взгляда» (классический вариант страсти), объясняется тем, что миллиарды нервных клеток нашего мозга — совершеннейшая из существующих счетных машин! — в несколько мгновений перебирают всевозможные варианты и выдают оптимальную рекомендацию: тебе нужен именно этот человек! Кстати, любовь с первого взгляда редко обманывает: с человеком, на которого она указала, обычно бывает очень хорошо. Правда, гарантия действительна лишь на малый срок, на, так сказать, «медовый период», ибо дальше вступают в действие иные закономерности: общая культура, система взглядов на жизнь, воспитание и т. д. Но первоначальная указка страсти точна — тут ее обещания сбываются.

Однако ограничивается ли роль страсти только этим? Думаю, нет.

Природа рациональна, она не тратится на необъяснимое. Вряд ли система естественного отбора стала бы заботиться только об одних наших удовольствиях. Подозреваю, что дело тут в гораздо более существенном: страсть указывает на соавтора в величайшей нашей жизненной работе — рождении здорового, умного, жизнеспособного ребенка.

Я уже поминал в этих заметках «детей любви». Так вот, не случайна, видимо, народная примета: самые красивые дети — именно дети любви.

Помню, студентом я жил с родителями в огромной старомосковской коммуналке — десять комнат, девять семей, тридцать два человека, коридор, длинный и изогнутый, как колечка вал... В соседней комнатке женщина со стариком отцом и тремя дочерьми. Внешности она была самой посредственной, хотя размытая улыбка никогда не сходила с лица — не помню ее ни раздраженной, ни хмурой. Но не о том речь. Дети ее были одна к одной — редкостные красавицы! Безотцовщина не сахар, что и говорить, и культуры и воспитания недобрали девочки в сложной семье. И все же на жизненном ристалище они вышли не безоружными. Не знаю, как сложилось у них в дальнейшем, но надеюсь, что яркая, точно по примете, красота не раз послужила защитой и опорой детям любви...

Прошу не забывать: все сказанное — всего лишь мои предположения. Не исключено, что и эта гипотеза и даже народная примета к реальному механизму наследственности отношения не имеют: любовь сама собой, гены сами собой. Что тогда? Тогда, вероятно, придется довольствоваться тем, что любовь едва ли не самая большая радость, отпущенная человеку на земле. Тоже немало!...

Хочу оговориться на случай, если меня обвинят в слишком уж узком толковании любви. Разве она ограничивается одной лишь страстью?

Нет, разумеется, нет. Не ограничивается. Но об этом после. Я не забыл, помню, что есть любовь-забота, любовь-жалость, любовь-дружба, любовь к человечеству, наконец. Но пока я говорю только о той, от которой рождаются дети.

Так вот, казалось бы, все козыри именно у этой подсознательно возникающей и неудержимой любви. Она не только прекрасна сама по себе — она полезна государству, она служит будущему. Так почему же ей недостает надежности? Почему браки по расчету оказываются подчас более надежными, чем браки по любви?

Неужели и расчет припрятал в рукаве какой-нибудь крапленый козырь?

Прежде всего давайте договоримся: в серьезном разговоре предвзятость ни к чему. Попробуем отнестись к браку по расчету с той же доброжелательной объективностью, что и к браку по любви. У него ведь тоже своя давняя традиция — в течение столетий российские свахи в хитроумных своих комбинациях лишь краешком учитывали любовь. А семьи держались. На чем-то ведь они держались! Не только на выгоде да страхе...

Прежде всего, видимо, надо разобраться: что же это такое — расчет?

Даже поверхностное прикосновение к проблеме показывает, что заведомо неприязненное отношение к расчету как таковому по меньшей мере преждевременно.

Не мы ли без конца поучаем молодежь: не спешите в загс, проверьте свои чувства, обдумайте хорошенько этот важнейший в жизни шаг? А что значит проверить? Что значит обдумать хорошенько? Вот и выходит, что, ругая расчет, мы одновременно призываем молодых к расчету. И делаем, в общем, правильно. Ибо решать жизнь и заводить детей в состоянии любовного опьянения весьма рискованно — и у страсти бывает свое похмелье.

Что же касается расчета, он бывает разный. Женщина дает объявление в газете — ищет одинокого мужчину с детьми. Любовь? Но к кому — к пока неизвестному адресату? Расчет? Безусловно! Рассчитывает на всю будущую жизнь принять на себя заботу о чужих детях.

Сорокалетняя медсестра выходит замуж за тяжело больного человека, не имеющего ничего, кроме пенсии по инвалидности. На страсть ни единого шанса. Зато есть вполне оправданный расчет иметь рядом человека, которому она уж точно нужна.

У некоторых народов веками существовал обычай: в случае гибели старшего брата на его вдове женился младший брат. Бывала ли в такой ситуации любовь? Возможно, в порядке исключения. А расчет был всегда. Самый прямой расчет: спасти от нищеты семью покойного брата.

Словом, брак без любви делится как минимум на две весьма отдаленные разновидности: брак по расчету корыстному, где человек рассчитывает получить, и по расчету бескорыстному, где он рассчитывает отдать. И судьба таких браков, конечно же, разная.

Это, разумеется, схема, в жизни все запутанней и несравненно сложнее. Порой корысть и бескорыстие уживаются рядом: скажем, новоиспеченный супруг, не опаленный пламенной любовью, получает крышу над головой, но при этом искренне готов всю жизнь заботиться о человеке, избавившем его от бездомности.

Ну, а браки пожилых людей, дающие им возможность вдвоем обороняться от наступающей старости? Тут и корысть: заболеть, подает стакан воды; и бескорыстие: заболеть, подам стакан воды.

Справедливости ради отметим, что и брак по страстной любви вовсе не предполагает обязательное и стопроцентное бескорыстие. Не говорю даже о тех нередких случаях, когда к неземному блаженству прилагаются вполне земные блага. Но пусть даже их нет, пусть рай предполагается в классическом шалаше. Тем не менее узаконить и официально закрепить за собой право на величайшее на свете наслаждение — это ли не корысть? А ревность, а злобная и грязная ненависть, которой порой оборачивается отвергнутая любовь, — разве это беснуется не корысть, обманутая в своих ожиданиях?

Словом, между браком по любви и по расчету непроходимой пропасти нет.

Теперь, пожалуй, можно вернуться к нашему парадоксу — относительной неустойчивости браков по любви.

Вероятно, главное здесь в том, что отношения людей постоянно изменяются. Их нельзя остановить, нельзя установить раз и навсегда никаким брачным документом. Права и обязанности можно, а отношения — нет. Так уж устроен человек, что порой и часа не отделяет пылкие клятвы от столь же пылких обвинений, объятий — от упреков. Все течет, все меняется — порой брак начинает меняться прямо за свадебным столом. Возник самый простенький вопрос: кому ставить чай, кому мыть посуду — и, глядишь, брак уже сдвинулся чуть-чуть в ту или иную сторону...

А что определяет наше настроение — количество радостей или неприятностей? И это, конечно. Но еще больше — движение радостей или неприятностей. Поясно примером.

Живут два человека, соседи, один здоров, другой болен. Кому лучше — ясно. Но вот больной начинает выздоравливать, а здоровый заболеть. Однако все лучше, другому все хуже. И так по нарастающей.

Объективно здоровый по-прежнему куда здоровей. Но он каждый день с убытком, а сосед с прибылью. У кого настроение лучше? Кому тревожней?

Нечто подобное часто происходит и в молодой семье.

Браку по любви, как правило, предшествует бурный и счастливый роман, свадьба играет в самый сладостный момент отношений. Естественно, молодые ожидают, что дальше будет еще лучше, ведь до сих пор все шло именно так.

А через некоторое время выясняется, что лучше не становится.

По сути, в этом никто не виноват. Так происходит не потому, что кто-то из двоих плох, а просто потому, что лучше уж некуда — за вершиной любви, как за любой вершиной, следует хоть медленный, но спад. Быт, прежде незаметный, начинает цапаться. В человеке, прежде как бы идеальном, прорезаются недостатки. Словом, рай превращается в жизнь.

Тут-то и возникает тревога. Неужели и дальше так — по нисходящей? Неужели все клятвы — обман, все планы — ошибка? Ведь не я же виноват, что стало хуже! Не я, а кто? И зреет, набухает разочарование...

В такой момент и проверяется брак на прочность, а супруги — на качество. Срабатывает общее правило: кто рассчитывал в браке получить — пусть не деньги, не вещи, пусть наслаждение, но получить, — серией скандалов разваливает семью.

А у расчета особых иллюзий нет. Тут человек идет на трудную работу, прекрасно сознавая, что она трудна. Но выясняется, что у этой трудной работы есть и свои неожиданные радости. В человеке, который рядом, открываются ранее неизвестные достоинства, пусть скромные, но каждое из них — приятный сюрприз. В браке без любви предельная близость не наступает долго, зато из-за отсутствия этой предельной близости оба друг с другом предупредительны и деликатны. И такая деликатность — постоянный маленький подарок.

Если же предупредительность и бережность становятся нормой отношений, привычкой, то со временем возникают и забота, и доверие, и та душевная связь, которая покрепче любви. Глядишь, лет через пять не только окружающим, но и самим супругам кажется, что у них с самого начала был брак по любви...

Вывод: браку по любви легче идти на спад, и это рождает ощущение потери; браку по расчету легче идти на подъем, и это рождает надежду. А поскольку для многих из нас надеяться важнее, чем иметь, объективно более счастливая семья разваливается быстрее.

Так какой же брак, на мой взгляд, лучше: по расчету или по любви?

Да, конечно же, по любви. Никаких сомнений. Ни в коей мере не хочу опаривать это устойчивое мнение большинства. Просто я попытался честно разобраться, почему эти лучшие браки так обидно непрочны, а худшие порой оказываются надежней.

Впрочем, пожалуй, этот затянувшийся анализ имеет не только познавательный смысл. Он наталкивает на одну вполне практическую идею.

Похоже, мы недооцениваем скрытые возможности брака по расчету. Может, стоит не чураться его брезгливо, а держать в запасе, как резервную возможность, ведь не каждому в жизни выпадает разделенная страсть? Может, невезучим Джульеттам, томящимся в ожидании, надо не капризничать по поводу безнадежно запоздавших Ромео, а трезво думать о браке по расчету с тем, чтобы терпением и благородством превратить его в брак по любви?

Идеальный же вариант — вступать в брак с любимым человеком, но по расчету. Расчет такой: как жить, как вести себя, как понимать и прощать, чтобы даже в серые, даже в темные дни любовь не потеряла ни одного своего радужного перышка...

Что лучше в семейной жизни — эмоции или расчет? Об этом, вероятно, можно спорить. А вот что лучше в науке, спорить бессмысленно. Расчет. Только расчет.

Меня, однако, не покидает ощущение, что наши философы и социологи, пищащие о проблемах современной семьи, предпочитают эмоции, по крайней мере в популярных статьях. Стараюсь читать все, что выходит на эти темы в периодике. Публикуется много, а схема приблизительно одна: сперва несколько цифр, потом очень осторожный, констатирующий характер комментариев, а дальше сплошь эмоции — как хорошо, чтобы никаких тревог не было, чтобы в жизни оставалось все как есть, и как жаль, что сама жизнь этого не понимает. Кривая одиночества, разводов и внебрачных детей вызывает лишь элегический вздох: лучше бы всего этого не происходило...

Может, и лучше бы. Но ведь происходит! Невооруженным глазом видно — происходит.

И дело не только в разводах, не только в неполных семьях. И обычная, «полная» семья меняет свой облик. Все больше не только мужчин, но и женщин предпочитают жизнь вне брака. Традиционная мораль превращается как бы в английскую королеву: ругать ее нельзя, а власти никакой.

Острые ситуации не просто возникают — порой они уже стучатся в дверь ногой. Вот хотя бы письмо нашей высокой девушки — ведь это не только она

взывает о помощи, это требует внимания огромная проблема женского одиночества, от решения которой зависит нормальная жизнь миллионов людей. Требуется не год, не два, как минимум со времен войны, когда внесемейное существование стало неизбежностью для великого множества женщин (недавно в «Известиях» промелькнула цифра: после войны на 16 девушек приходился один жених. Страшная цифра! Даже если она не точна, пусть вдвое, втрое завышена — все равно страшная). Ну и что — специалисты по семейным делам нашли за эти годы хоть какой-нибудь способ эту боль смягчить, предложили хоть какую-нибудь, пусть временную, пусть сугубо экспериментальную форму человеческого общежития?

Конечно, наука не поэзия. Но и ей нужна творческая смелость. Нельзя ждать, пока жизнь поставит перед фактом. Ученые осторожны — действительность решительна. Пока специалисты убеждают, что хорошая семья лучше плохой, а полная лучше неполной (опонентов этому бесспорному тезису, естественно, не находится), жизнь ставит свои смелые эксперименты в интимнейшей сфере человеческих отношений. Безотцовщина тяжела, бездетность тяжелее — количество одиноких матерей растет и растет.

Между тем все люди, и семейные и несемейные, порой методом проб и ошибок нащупывают различные формы общежития, позволяющие каждому если не вкушать в полной мере роскошь человеческого общения, то хотя бы не чувствовать себя безнадежно неприкаянным. Люди заботятся о других, принимают заботу других, тянутся к прочности, верности — и нередко получают все это независимо от свидетельства о браке.

Вдумайтесь, кстати, как распространено у нас слово «семья». Давно уже стало и журналистским и даже разговорным штампом. Школьная семья, студенческая семья, рабочая семья, фронтовая семья... Выращения, конечно, фигуральные, но случайны ли они? Думаю, нет — за ними вполне практическая реальность.

Сводный брат справедливо считается братом: гены разные, но росли-то вместе! Однако и с соседом по парте росли вместе и связано с ним не меньше, чем с любым родственником. И однокурница, с которой не было ничего, кроме щедрой студенческой дружбы, иногда на всю жизнь становится сестрой, первой советчицей и помощницей, человеком, с которым связывает взаимная ответственность покрепче родственной.

У многих из нас в молодости складываются тесные и прочные дружеские компании. Потом, во взрослой жизни, они нередко разбиваются, распадаются. Но, бывает, и остаются. И люди, женившись или выйдя замуж, заведя детей, тем не менее продолжают вместе с чадами и домочадцами существовать в надежных границах прежней компании. У нас принято компанию поругивать — дескать, отвлекает от семьи. Столь же логично ругать семью за то, что отвлекает от компании. А на деле они часто не только не противостоят друг другу, но и дополняют, укрепляют друг друга.

Вообще с чего мы взяли, что семья — это обязательно он и она с детьми? Да, в эпоху малометражных квартир, шума городского, усталости и телевизоров сложилось именно так. Но кто сказал, что и в будущем человек должен жить так и только так? В нашей стране веками существовали иные семьи, большие, многолюдные, разветвленные, не гарантировавшие каждому супружескую любовь, но от одиночества избавлявшие — огромные родственные кланы, кстати, укреплявшие и малую семью.

И разве традиционная семья держалась только на браке да кровном родстве?

Родители и дети — ладно. Ну, бабушки и дедушки. А остальные? Многогородные братья и сестры, дяди и тети, зять, невестка, шурин, свояк, сват...

Люди охотно роднились, добровольно брали на себя пусть не тяжкую, но все же ответственность за весьма дальнего родича. Могли и любить друг друга и не слишком жаловать, но бросить в трудную минуту даже незнакомого родственника никогда и нигде не считалось добродетелью.

Но неужели пятилетнее студенческое братство, неужели тесная, проверенная дружба имеют меньше прав и обязанностей, чем случайное и весьма отдаленное родство, скрепленное разве что трапезой за чьим-то свадебным столом? Неужели связи между, допустим, троюродными братьями крепче и справедливее, чем между близкими друзьями?

Думается, большой семье не страшны многие беды нынешних малых семей. Причем беды, в которых сами супруги не столь уж и виноваты. Просто слишком много обязанностей лежит сегодня на нашей семье.

Как в любом, даже самом крохотном государстве должно быть все положенное — от почты до армии, так и в любой семье из трех человек существует

незримое штатное расписание с множеством должностей. Добытчик? Прежде всего. Без денег не проживешь. Повар? А как же! Педагог-воспитатель? Естественно, раз ребенок. Экономка? Иначе никаких денег не хватит. Умелец? Так ведь не бегать с каждой мелочью по мастерским. Массовик-затейник, или по-современному диск-жокей? Без него нельзя—заскучают. Человек с сильным характером? А кто иначе будет решать? Человек с мягким характером? А кто иначе будет мирить?

Список можно продолжать и продолжать. Работы—на обширный штат, а в наличии он да она. Нет, в большой семье легче наладить разделение труда...

В малой семье любая крупная ссора сразу ставит людей на грань развода—ведь живут нос к носу, некому помирить, некуда разползтись, прийти в себя. А в большой ссора амортизируется, и расходятся вовсе не обязательно.

Наконец, такой семье не так уж страшны демографические парадоксы, тут можно не подсчитывать процент «женехов» и «невест»: ведь здесь может быть любое соотношение мужчин и женщин. Конечно, и в самой дружной компании безмужняя мать остается безмужней матерью, а вот безотцовщины тут практически нет: все дети растут под мужским влиянием и под мужской защитой.

Нечто подобное в разных вариантах я уже встречал. Ну, например, степь, водохранилище, небольшой городок, огромная стройка, сестры Тунгусовы. Совсем как у Чехова—три сестры.

Две из них были врачи, третья кончала институт, тот же, что и старшие. Их дом (обычная квартира в панельной пятиэтажке) в городке был известен и даже знаменит. У сестер Тунгусовых собирались по праздникам, по субботам, по случаю приезда в городок интересных людей и просто так, во имя роскоши человеческого общения. И все было по высшему классу: дом скромный, стол скромный, общение роскошное...

Культурные события городка не обходились без сестер: на выставках, спектаклях, «капустниках» они были если не участниками и не организаторами, то уж точно желанными гостями. С ними советовались начинающие режиссеры, их тройственные портреты писали местные художники, с ними городской архитектор обговаривал свои планы. Замечательная была семья!

Из троих замужем была тогда лишь младшая. Муж ее, красивый парень, легко вошел в уже сложившуюся компанию и без ревности воспринимал, что квартира, где теперь обитал и он, по-прежнему именовалась домом сестер Тунгусовых.

Помню, я долго допытывался у младшей, не сложно ли ей, теперь замужней, вместе с сестрами. Она пожимала плечами и доказывала, что, наоборот, так лучше: всегда помогут, поддержат.

— И не ссоритесь?
— Нет.
— Но бывают же конфликтные ситуации?
— Конечно,— сказала младшая Тунгусова,— но ссориться вовсе не обязательно. Когда люди любят друг друга, они не ссорятся, а спокойно выясняют отношения...

Эту формулу я запомнил, она мне очень нравится, и потому я привожу ее в этих своих рассуждениях.

Наверное, прочитав эту главку, иной читатель удивится: при чем тут высокая девушка? Она же хотела совершенно определенного—выйти замуж. А я что предлагаю? Заботу друзей и любовь родственников? И при чем тут молодежный журнал? О будущем семьи обязаны думать философы и социологи, вот пусть они и думают. И обращаться с подобным разговором надо именно к ним...

Прекрасно понимаю, что и высокая девушка и другие женщины, находящиеся в ее положении, скорее всего предпочтут сугубо традиционную форму семьи: он—она—ребенок. Но ведь нетрадиционные формы общежития я противопоставляю не семье—одиночеству и только одиночеству! И сравнивать надо с ним. Если же кто-то из специалистов или просто читателей предложит высокой девушке нечто лучшее, буду только рад. Но реальные предложения обязаны учитывать реальную жизнь.

А в молодежный журнал я принес эти заметки совершенно сознательно. Ибо молодежь к теме разговора имеет отношение самое прямое: ведь не кому-нибудь, а именно ей в ближайшие десятилетия предстоит жить, любить, создавать семью, растить детей или, к сожалению, страдать от одиночества. И очень важно, на что молодые люди будут ориентироваться с самого начала. На личную победу в жизненной борьбе или на трудные поиски выхода для всех, поиски решения, при котором не придется страдать никому.

Окончание следует.

Николай
ОГАНЕСОВ

ПОВЕСТЬ

ИГРАЕМ В СПРЯТЫ

Письмо получилось длинным.

Я не скупился на подробности. Написал про море, про солнце и пальмы, про райские условия, в которых отныне протекает моя жизнь. Вышло немного приторно, и для достоверности пришлось вставить два-три намека на суровые милицейские будни. Еще страницу заняли сведения о южной кухне, о моем рационе и железном здоровье, а также приветы друзьям и соседям. Мама должна была остаться довольной. Что до Герася, чей силуэт вот уже битых полчаса уныло маячил у входа на почтамт, то его эмоции интересовали меня в самую последнюю очередь. Пусть помучается.

Я заклеил конверт, бросил письмо и не спеша направился к выходу.

Дальнейшее складывалось по традиционной схеме: я «прятался», а Герась неутомимо меня преследовал. Он буквально наступал мне на пятки. У парикмахерской, куда я зашел побриться, терпеливо выстоял все двадцать пять минут. То же повторилось у киоска, где я, смакуя, продегустировал имеющиеся в наличии соки и воды.

А потом произошло непредвиденное.

В квартале от Приморской мой спутник пропал. Я подверг проверке все мало-мальски пригодные для наблюдения точки. Тщетно. Его не оказалось ни за афишной тумбой, ни за приткнувшимся у обочины автофургонном, ни за будкой мороженщицы. Громоздкий, выше среднего роста Герась как сквозь землю провалился.

Озадаченный, я не знал, что и думать. Это не могло быть случайностью, иначе за каким чертом тащиться за мной через весь город, какой резон тратить на это уйму времени? Может, я ненароком выдал себя: он заметил и потому смотал удочки?

Для верности я разбил весь наш путь на участки и мысленно прошел по каждому из них еще раз. Нет, придаться вроде не к чему. Причина в чем-то другом.

Я засек его у подземного перехода. Правильно. Но ведь он мог вести слежку от самой Приморской, с той минуты, как я вышел, чтобы позвонить Тофику. Мог, конечно. Наверняка так оно и было. А исчез именно в тот момент, когда я направился обратно. Ни раньше, ни позже. Но тогда... От смутной догадки в спину пахнуло холодком. Я невольно прибавил шаг и почти бегом свернул на Приморскую.

Дверь была распахнута настежь.

Еще надеясь, что предчувствия меня обманули, я громко позвал Нину. Ни звука в ответ. Гробовая тишина. В замке торчал ключ, тот самый, из-под коврика. Продетое в ушко кольцо еще покачивалось.

Я влетел по ступенькам и застыл на пороге. Так и есть! Меня оставили как младенца! Осел! Неисправимый самонадеянный осел! Пока я строил из себя непобедимого Холмса, они преспокойно орудовали в квартире и даже не сочли нужным скрыть следы своего пребывания.

Я без сил опустился на сброшенную на пол постель. Винить было некого: не свалия я дурака, и обыск, учиненный в мое отсутствие, можно было предотвратить. Еще утром следовало догадаться, что квартира находится под чьим-то неусыпным вниманием, что оставлять ее без присмотра нельзя. И вот результат—сдвинутая мебель, перевернутый вверх ногами стол, сваленная в кучу одежда. Да, они не церемонились! В отличие от меня они знали, что делали, и не предупреди Герась о моем возвращении, они, пожалуй, взялись бы отдирали доски от пола и ковырять стены.

«Ну что, доигрался?»—ехидно осведомился голос, который почему-то принято называть вторым «я», хотя на самом деле это злое насмешливое существо не имеет с нами ничего общего. «Игра еще только начинается,—возразил я.—Зато теперь у меня есть твердое доказательство, что «невидимки» не плод нашей фантазии, а реально существующие люди. Причем способные делать ошибки». «Да ну?!—приторно удивился мой оппонент.—А я-то по наивности думал, что ошибку допустил ты». Я не стал препи-

раться с самим собой и прекратил разговор. В моих рассуждениях, безусловно, имелись слабые места, но и доля истины в них тоже имела.

Я не знал, что здесь искали. Ясно только, что заметка во вчерашней «Вечерке» попала по адресу. Ее прочли те, на чье внимание мы рассчитывали. Прочли и сделали выводы. Мое появление на Приморской тоже не осталось незамеченным. Для кого-то оно послужило сигналом к действию. Противник дал о себе знать и, сам того не желая, подтвердил нашу с Симаковым версию: Кузнецов погиб не случайно, он стал жертвой хорошо обдуманного и хладнокровно осуществленного преступления. Это был первый, пусть не очень большой, но важный шаг вперед.

Что до обыска, то о нем со всеми нелестными для меня подробностями надо было срочно сообщить в розыск. Представляю, какой разгон устроит мне начальство—последний раз я выходил на связь позавчера. Ладно, чему быть, того не миновать. А пока не мешало навести порядок в квартире.

Я начал с осмотра. Тот, кто производил обыск, делал это со знанием дела, целеустремленно, и потому, в общем, рассматривались все же элементы какого-то порядка. Платья Нины, пальто и джинсовые туалеты покойного валялись на полу. Вместе с вешалками их вытаскивали из шифоньера и бросали в одну кучу. Чтобы разместить вещи в прежней последовательности, достаточно было проделать ту же операцию в обратном порядке. Что я и сделал.

Потом возился с книгами, с постельным бельем. Потом с обувью и посудой. Сложней всего пришлось с мебелью, особенно с диваном—его оттащили на середину комнаты, но, поднатужившись, я справился и с этим.

Постепенно квартира приняла прежний вид. Оставалось несколько мелких деталей, которые я не смог восстановить по памяти, но они были столь незначительны, что самый придирчивый взгляд не обнаружил бы теперь явных признаков чужого вторжения.

Будильник показывал без четверти семь, когда, обессилевший, я рухнул на диван и в последний раз окинул взглядом комнату.

И тут меня настигла мысль, от которой всеми силами старался избавиться в последние полчаса. Мысль, сводившая на нет все мои выкладки: кто сказал, что они искали здесь выручку из ресторана «Лотос»? А если все гораздо проще и они охотились за валютой, о которой я говорил вчера на «сходняке» и сегодня у кинотеатра «Стерео»?!

Понятно, что после случившегося я не горел особым желанием выходить на прямой контакт с начальством. Меня вполне устроил бы дежурный, круглосуточно сидевший на связи. Но везение—вещь капризная, и ее лимит, увы, был давно исчерпан.

Несмотря на то, что рабочее время давно истекло, Симаков оказался на месте. Дежурный не стал нарушать субординацию и с легким сердцем перекинул разговор на его кабинет. Как и следовало ожидать, моя вчерашняя инициатива не привела Симакова в восторг. Отрывистое «ну», которым сопровождался каждый новый аргумент в пользу моего визита на Приморскую, свидетельствовало, что он не в духе и что долго ждать разгона не придется. Правда, краткое описание нашего с Ниной знакомства вызвало некоторое потепление на другом конце провода. Суровое «ну» мало-помалу сменилось более мирным «так... так...», и, воспрянув духом, я доложил о свидании у билетных касс, о стычке с Шахмамедовым, о приставленном ко мне «хвосте».

— Любопытно,—расщедрился на реплику Симаков.—Ну и что дальше?

Пришла пора рассказать об обыске. В общих чертах я описал игру в прятки, внезапное исчезновение Герася и в заключение кавардак, который застал в доме.

Симаков отнесся к сообщению на удивление спокойно. Очевидно, причина заключалась в том, что он пришел к тем же выводам, что и я, только затратил на это значительно меньше времени.

— Надеюсь, ты наведи порядок в квартире?—спросил он.

Продолжение. Начало в №№ 17, 18.

— Навел.
— Правильно сделал.
— Но ведь они могут прийти снова! — Признаться, я был несколько разочарован его реакцией. — Похоже, они ничего не нашли.
— Пусть ищут, — невозмутимо обронил он.
Его уверенность отчасти передалась мне.
— В таком случае у меня все.
— Хорошо, Сопрыкин, — лаконично похвалил он, подводя итог этой части разговора. — Просьбы имеются?

— Есть одна.
— Давай выкладывай.
Я знал, что мои товарищи не сидели сложа руки. Мы делали одно общее дело. Они тоже искали знакомых Кузнецова и за последние дни наверняка дополнили их список. Я попросил дать мне эту информацию.
— Понял, распоряжусь, — пообещал Симков. — Что еще?
— Пока все.
— Ну, а вообще как? — спросил он после небольшой паузы. — Как ты?

Я ждал этого вопроса, но допускал, что он может и не спросить.
— Нормально, товарищ подполковник. А у вас? Чувствовалось, что он хочет что-то сказать и вместе с тем сомневается: стоит ли?

— Ты откуда звонишь?
Я понял, что его беспокоит, и заверил:
— Тут ни души, можно говорить хоть до утра.
— Неважно у нас, Володя, — неожиданно признался он, как видно, высказывая то, о чем думал непосредственно перед моим звонком. — Надо бы хуже, да некуда. Как в тумане действуем, ну, а в тумане, сам знаешь, не больно развращаться: сколько ни маши кулаками, толку не будет. Тут расчет нужен, точность. — Он не удержался и вставил свой любимый афоризм: — Это тебе, брат, не кража с пляжа, тут алгебра, высшая математика. Противник нам ловкий попался, изворотливый, его голым энтузиазмом не одолеть, мозгами шевелить надо, иначе дело дрянь, так и будем кулаками в пустоте размахивать...

Я молчал, подавленный мрачным колоритом картины, которую он набросал.

— Ты на свой счет не принимай, — угадал он мое состояние. — Докладом твоим я, в общем, доволен. Просвет намелится, это хорошо. Теперь главное — терпение. Зря не рискуй, не зарывайся. Учти, ты у нас на самом перспективном направлении работаешь, вроде как в дамки вышел. Так что не подкачай... И головой, головой больше работай. Ясно ли?

— Ясно, — отозвался я.
— То-то, — буркнул он. — Кстати, какие у тебя на сегодня планы?

— Никаких, — признался я.
— Тогда вот что, двигай-ка ты, Сопрыкин, домой. Хозяйка твоя задержится, переучет у них в библиотеке, а гаврики эти в любую минуту нагнать могут, это ты верно заметил. — Я услышал, как он затарахтел спичками. — Ну, лейтенант, заболтались мы. Звони. Ни пуха тебе.

Посылать начальство к черту не положено, но в виде исключения я все же отдал дань традиции. Само собой, после того, как повесил трубку.

3

Солнце, так и не пробившись сквозь затянувшую небо пелену, незаметно скатилось за горизонт. Где-то далеко на западе его отраженные лучи еще боролись с темнотой, отчего над морем стояло слабое фиолетовое свечение, но на город огромным беззвездным куполом уже опустился вечер.

Две недели назад приблизительно в это время Кузнецов вышел на залитую электрическим светом Приморскую и двинулся по направлению к гостинице. Он не знал, что это будет его последний рабочий день. А может, знал? Может, не было никаких сообщений и мы зря ищем?

Тот вечер ничем не отличался от множества других. По крайней мере так казалось вначале. В ресторан он пришел без опоздания. Сослуживцы утверждают, что он был спокоен, собран и, как обычно, немногословен.

В этот вечер с ним говорили работники валютного бара, официанты, администратор, но ничего странного,стораживающего в его поведении они не заметили. В 21.30 к гостинице подъехала инкассаторская машина. Инкассатор прошел в холл и, как обычно, начал принимать деньги в сберегательной кассе. Примерно в это же время Кузнецов сложил выручку в парусиновые мешочки: в один — валюту, в другой — советские деньги и в 21.40, сказав, что идет сдавать деньги, стал подниматься по винтовой лестнице в вестибюль. Это был последний из достоверно известных нам фактов. Здесь, на лестнице, его след оборвался.

Существовало несколько вариантов концовки того фатального вечера. И теперь, стоя на углу, в двух

шагах от «Лотоса», я пробовал определить, какой из них ближе к истине.

Если бы это удалось, мою миссию можно было бы считать законченной. Я мог сворачивать дела и с чистой совестью готовиться к вселению в свою изолированную гостиницу с персональным душем, санузлом и двухконфорной газовой плитой. Впрочем, душ мне сейчас явно противопоказан, а плита вообще без надобности — готовить я все равно не умел. Ну, эту-то проблему, положим, решить можно, а вот как быть с Кузнецовым? Тайна его смерти продолжала оставаться за семью печатями. Понятно, что используемый нами метод проб и ошибок не отличался совершенством, но пока это была единственная доступная нам система поиска.

Я свернул на Приморскую. В сквере, у древней пушки, слонялась очередная группа туристов. Не знающие усталости, они густо облепили смотровую площадку и безостановочно щелкали своими фото-вспышками, обращая в бегство расположившиеся на лавках парочки.

На крыше гостиницы, отбрасывая в темноту сполохи света, загорался и гас гигантский рекламный куб. «Играем в «Спринт»! Играем в «Спринт»!» — мигала неоновая надпись, призывая прохожих испытать судьбу. Тротуары были запружены народом. Это была особая — курортная — публика, и настроение здесь царило тоже особое. Шарканье ног, нестройный гул голосов мешались с обрывками музыки, смеха, и чудилось, что с минуты на минуту грянут фанфары, запоют трубы и начнется всеобщий праздник с карнавальным шествием, ослепительными фейерверками, танцами до утра. Праздник, к которому может присоединиться каждый, стоит лишь захотеть...

Ни о чем не подозревая, я свернул на ведущую к дому дорожку и увидел, как от темной массы беседки отделилась тень. Мне навстречу вышел плотный, небольшого роста человек. Опираясь на костыли, между которыми свисали тесно прижатые друг к другу ноги, он бесшумно прошел мимо, совсем как привидение, с той лишь разницей, что привидения, насколько мне известно, не имеют запаха, а от него исходил слабый запах табака и бензина.

Мы разминувшись, и я не успел хорошенько разглядеть лицо. Заметил лишь длинные, расчесанные на прямой пробор волосы и короткую рыжеватую бороду, покрывавшую щеки и подбородок незнакомца. Мне страшно захотелось остановиться и посмотреть ему вслед, но что-то помешало это сделать. Собственно говоря, не что-то, а вполне конкретное чувство, уверенность, что, обернувшись, наверняка натолкнусь на встречный, устремленный мне в спину взгляд. Когда я все-таки рискнул оглянуться, на дорожке было уже пусто.

Рыжебородый, если, конечно, он и впрямь не выходец с того света, не мог уйти далеко — слишком мало прошло времени, — и, не отдавая себе отчета, зачем это делаю, я ринулся на улицу. Но и там мужчины на костылях тоже не было.

Чудно: еще вчера я сетовал на застой в событиях — прожитый день оказался перенасыщен ими.

Поднявшись по ступенькам, я первым делом проверил метку — крошечный втиснутый в дверной зазор камешек. Он был на месте. Стало быть, на неприкосновенность жилища в мое отсутствие не покушались. И на том спасибо.

Я зажег свет. Включил телевизор. Прилегал на диван. Физическая усталость, нервное перенапряжение буквально придавили меня к постели. Тело ныло, как будто по нему весь день били палками. Нашулав на тумбочке упакованный в фольгу аспирин, я вытряхнул на ладонь таблетку и запил ее остатками чая.

По телевизору шел концерт покойного Джо Дассена, но звук оказался выключен, а вставать было лень. Рядом со стаканом лежала записка, которую, уходя, оставил для Нины. Я машинально перечитал ее, взял ручку и принялся выводить каракули на обратной стороне листа.

В путанице штрихов и закорючек появился чей-то ястребиный профиль, девушка в чрезмерно коротенькой юбке, силуэт человека, опирающегося на костыли. Ниже рука сама собой вывела прямоугольник, и без всякого усилия с моей стороны на рисунке стали возникать очертания гостиничного вестибюля и придуманные на ходу символы. Буквой «В» обозначился главный вход, через который Кузнецов вошел в «Лотос». Буквами «З» — закрытые под замок запасные выходы, «Б» — валютный бар и ресторан, «С» — сберкасса, «Л» — лестница на верхние этажи, «М» — мусоросборник. Остальные надписи я внес полностью и стрелкой указал перемещения кассира.

Получилось не очень аккуратно, зато похоже.

Однако чем дольше всматривался в рисунок, тем меньше делалось сходство. Я смял лист, бросил его в пепельницу, но спустя минуту рассудил, что лучше не оставлять рисунок, и поднес к нему горящую спичку. Огонь перекинулся на бумагу.

Меня вдруг охватила глубокая апатия ко всему, что

имело отношение к делу. Будь что будет, в конце концов имею я право на отдых!

Кое-как раздевшись, я влез под одеяло и, вытянув руки вдоль туловища, уставился в потолок.

В этой позе час спустя и застала меня Нина.

— Вы не спите? — спросила она с порога.

Ее голос вернул меня к действительности, в мир, где, слава богу, не все замыкалось на преступниках,

похищенных тысячах и исчезнувших на дне морском купальщиках.

— Володя, вы спите? — спросила она погромче. Похоже, ей не терпелось услышать живой человеческий голос.

— Вроде нет.

Мне показалось, что, услышав отзыв, Нина облегченно вздохнула. Я даже подумал: уж не для того ли меня пустили в дом, чтобы было с кем перекинуться словечком.

— А почему молчите?

— Задумался, — ответил я.

— Ужинать будете? — спросила она.

— Нет, спасибо.

— А температуру мерили?

— Мерил, — соврал я.

— Высокая?

Вопрос с подвохом: скажи я, что нормальная, и могу в два счета очутиться на улице, под открытым небом, на жесткой скрипучей раскладушке — я не забыл, на каких условиях был оставлен в доме. Нет, лучше не рисковать.

— Высокая. Я только что аспирин выпил.

Нина вышла из комнаты. На ней был легкий ситцевый халат, войлочные тапки с клетчатым верхом. Волосы она распустила, и они обтекали плечи точь-в-точь, как у Марыли Родович на последнем Сопотском фестивале.

— Вас, вижу, очень интересует, где я задержалась?

— Интересует, — сказал я. — Еще как.

— А почему, собственно?

Нет лучшего способа обескуражить собеседника, чем задать прямой вопрос, особенно когда ему есть что скрывать. Нина, по-видимому, знала это правило.

— Ну, я волновалась, ждал. И потом, когда идешь на свидание, нелишне...

— Вы ошиблись. — Она стряхнула пепел, и по тому, как она это сделала, было видно, что курительщик из нее никудышный. — Я на работе задержалась. Переучет у нас.

— Вы, значит, в магазине работаете?

— Нет, я библиотекарь, — сказала она и вышла на кухню.

Вскоре оттуда донесся запах разогреваемого молока.

При мысли, что его готовят для меня, я содрогнулся: с детства не переношу молоко, тем более кипяченое. Однако спорить с женщиной, да еще если она задалась целью поставить вас на ноги, дело не только бесполезное, но и небезопасное.

— Мне с детства противопоказано все молочное, — предупредил я, глядя, как она размешивает в стакане столовую ложку меда.

— Пожалуйста, без капризов, — подтвердила она мои худшие опасения.

— Неужто у вас совсем нет жалости!

— Пейте. — Нина подала мне стакан и стояла над душой до тех пор, пока последняя капля этого отвратительного поила не перешла в мой организм, потом вышла на кухню.

— Посидите со мной, — попросил я, когда, выключив свет и прихватив с собой книгу, она направилась к себе в спальню.

Нина в нерешительности остановилась, потом зажгла настольную лампу и присела, пододвинув к дивану стул. Свет мягким пятном лег на ковер, оставляя неосвещенными углы комнаты.

Помедлив, Нина спросила:

— Скажите, а вас действительно зовут Володя?

— Конечно. А почему вы спрашиваете?

— Да так...

Меня кольнуло сомнение, что она все же заметила следы обыска и сейчас об этом скажет, но этого не произошло.

— Просто вспомнила место из книжки, что вы читали. Про короля, который переоделся, чтобы его не узнали.

— И что же?

— Ничего... Так вы серьезно решили переезжать?

— Серьезно.

Я думал, наш разговор только завязывается, но Нина посмотрела на часы.

— Уже поздно, — сказала она. — Постарайтесь уснуть.

— Посидите еще, — попросил я.

Она промолчала, но книжку отложила на тумбочку. Момент был подходящим, располагающим к откровенности. Может, спросить у нее про Герася? Про Тофика?

— Это кто? — Я показал на фотографию, стоявшую

на книжной полке.—Брат?

Нина отрицательно покачала головой.

— Знакомый?

— Нет, это муж.

Или у меня начисто пропал слух, или она говорила слишком тихо. Так тихо, что я скорей догадался, чем услышал ответ, хотя Нина сидела очень близко.

— А где он?

— Погиб.

— Погиб?

— Да, несчастный случай.

Мы помолчали. Паузу заполнил пронзительный стрекот цикад. Сдается, со вчерашнего дня их стало еще больше и с каждым часом все прибывало.

— Это случилось две недели назад?—спросил я.

— Кто вам сказал?

— Никто. Просто спрашиваю.

Она потеревала оборку халата, разглядела на коленях складки.

— Да, две недели назад.

— Тогда я, пожалуй, знаю, как это произошло...

Не удивляйтесь, фамилия ваша на почтовом ящике написана, а о муже я во вчерашней газете прочел, в разделе происшествий. Фамилии сходятся, инициалы, по-моему, тоже. Сначала думал, случайность... Кузнецов С. В.—правильно? Он, кажется, заплыл дальше, чем положено?

Я увидел, как медленно наполняются влагой ее глаза. В них вдруг отразились и одиночество, и боль, и тревога, и страх.

Несколько мгновений она сидела неподвижно. Потом встала.

— Спокойной ночи.

— Я не хотел вас огорчать, поверьте...

— Спокойной ночи,—повторила она и вышла в соседнюю комнату.

Глава 3

1

Говорят, будто голодному человеку мерещатся сплошь изысканные яства. Может, оно и так, не знаю, только первое, о чем я, проснувшись, подумал,— это об обыкновенной горбушке и хорошо прожаренном куске мяса. Главное, рассуждал я, сбрасывая с себя одеяло, чтобы и то и другое было побольше.

С таким настроением одна дорога—на кухню. Отбивной я там не нашел. Зато обнаружил хлеб, масло, два сваренных вкрутую яйца, колбасу и стакан остывшего чая. На десерт отдельно, в блюдечке, лежали приготовленные для меня таблетки. Целых три штуки.

Первым делом я выбросил таблетки, они были без надобности. Если не считать мучительно сосущую пустоту в желудке, чувствовал я себя превосходно. А вот остальное пришлось к стати: мои деньги вместе с вещами лежали в камере хранения, и теперь я вряд ли наскреб бы на приличных завтрак. Разве что на булочку и стакан газировки. К тому же время завтрака давно минуло—мой самозаводящийся пылевлаго-непроницаемый хронометр показывал половину двенадцатого.

Я наскоро умылся, поставил на плиту чайник и приступил к трапезе.

Четкой программы на предстоящий день не было. Я сознательно не строил никаких планов, поскольку со вчерашнего дня каждый мой шаг скорее всего контролировался Герасем. Верней, необязательно им персонально, а теми, кого он прикрывал во время обыска. Для них я темная лошадка, завезший коммерсант, подыскивающий партнера для сделки. Следовательно, и вести себя нужно соответственно. Поболтаюсь по городу, наведаюсь на толчок, потрусь у комиссионков. Там видно будет, что и как.

Вскоре от яиц осталась одна скорлупа. В ход пошел третий бутерброд с маслом. Когда с ним было покончено и я собрался было почаевничать, в дверь постучали.

Повторялась вчерашняя история, но на этот раз у меня не было ни малейшего желания соревноваться в скорости с непрошеным визитером. С какой стати? Захочет—войдет, не захочет—пусть уходит, скатертью дорога. Не силком же его в дом тащить! Стук повторился.

— Войдите!—крикнул я на всякий случай.

Дверь, как ни странно, открылась—должно быть, игра в прятки наскучила не одному мне.

— Проходите.—Я намеренно громко зазвенел ложкой, наводя пришельца на цель.

Гость поскрипел половицами и направился к кухне. Еще шаг, и он вырос на пороге, заслонив собой весь дверной проем. Мать честная, Герася собственной персоной, прошу любить и жаловать! Воистину легок на помине!

— Салют,—сказал он, шныряя по сторонам заплывшими жиром глазами.

— Салют,—сказал я.

— Как жизнь?

— Течет, как видишь,—ответил я уклончиво.—Зачем пожаловал?

Он покрутил своей усеченной башкой. Спросил, показывая через плечо:

— Ты один?

— Нет, опер под столом прячется. С магнитофоном.

— Чего мелешь?!—недоверчиво покосился он, но не поленился и, присев на корточки, заглянул под стол.

— Ну ладно, хватит!—Я не забыл прием, который он оказал мне в день нашего знакомства, но с тех пор кое-что изменилось. Мы поменялись ролями, и я не отказал себе в удовольствии подчеркнуть это. Конечно, в доступной форме:—Выкладывай, чего надо. И покороче, у меня время не казенное.

Пустая затея: Герася обладал толстой кожей—булавочные уколы на него не действовали. Он втиснул свои пудровые кулаки в карманы шорт, прошелся, обживая пространство, отчего в кухне сразу стало и тесно и неуютно.

— А ты времени зря не терял.—Он показал на оставшуюся небранной постель.—Неплохо устроился, а? Небось, не скучал ночью?

— Ты по делу или как?

— Да вот, шел мимо, вспомнил про тебя. Дай, думаю, загляну. Ты ж говорил, что у Кузи остановишься.

— А ты против?

В компании мальчиков, которыми верховодил на толчке, Герася привык к более почтительному обращению и теперь, обескураженный холодным приемом, перебирал в уме инструкции, полученные от хозяина. То, что он всего лишь марионетка, действиями которой управляют на расстоянии, уже не вызывало у меня сомнений.

— Слушай,—выдал он после глубокого раздумья,—да ты никак нашел, что искал?

— Я этого не говорил.

Однако Герася предпочитал обходиться без дипломатических тонкостей:

— Не финти, отвечай прямо: нужен тебе покупатель или нет?

— Ну, допустим, нужен.

— А без «допустим»?

— Нужен.

— Собирайся,—тоном, не допускающим возражений, сказал он.—Да поживей. Там разберемся.

— Одну минуточку, молодые люди!—Давешняя старушка, дремавшая у медицинских весов, завидев нас, встрепенулась и помахала зажатыми в кулачке лотерейными билетами.—Не желаете приобрести? Через неделю тираж!

— Тираж, говоришь?—Герася на ходу выудил из кармана горсть мелочи.—Давай, бабка, авось у тебя рука легкая.

— Легкая, легкая,—согласно закивала старушка, протягивая сложенные веером билеты.

Герася, зажмурившись, вытянул наугад три штуки.

— А ты ж чего, сынок?—спросила она меня и посмотрела поверх допотопных очков молодыми не по возрасту глазами.—Бери. Или снова торопиться?

— Тороплюсь, бабушка,—сказал я.

— Пошли, пошли, кончай трепаться.—Герася спрятал билеты в карман.—Опоздываем.

— Далеко идти?—справился я.

— Тут рядом.

Мы в темпе отмахали три квартала и свернули в безлюдный переулок, полого спускающийся к набережной. Он был нешироким, почти лишенным растительности. В просвете между крайними домами виднелась пепельно-серая полоска моря.

— Нам сюда.—Герася направился к бару «Страус», вывеска которого висела поперек тротуара.

Он уверенно распахнул тяжелую дверь с медными полосами, с трафареткой «Закрыто» и пропустил меня вперед.

В пустом прохладном помещении мягко жужжал вентилятор. День стоял пасмурный, и внутри было сумрачно. Даже темно. Свет горел лишь в противоположном от входа углу. Там на расположенных позади стойки полках красовались сигаретные блоки, всевозможные вымпелы, пластинки, портреты эстрадных звезд—короче, целый иконостас для молящихся на подобные культовые причиндалы, а вместо лампадки горел розовый фонарь, освещавший многоярусную батарею разнокалиберных бутылок.

Под Герасем взвизгнуло обтянутое кожей сиденье. На этот звук, раздвинув бамбуковую занавеску, вышел худощавый парень в полосатой майке и широченных, усыпанных звездами подтяжках.

— Как дела, Витек?—приветствовал его Герася.

— О'кей,—односложно ответил тот, пережевывая жевательную резинку.

— Клиента вот привел—наш кадр. Знакомься...

Витек бросил мимолетный взгляд, и я понял, что с этой секунды моя долговязая фигура, лицо, включая форму носа и разрез глаз, прочно отпечатались в его

памяти. Что ж, будем считать, знакомство состоялось, я ведь тоже на память не жалуюсь.

— Мы не опоздали?

Бармен вопросу не удивился.

— Придется подождать,—сказал он, жестом приглашая меня сесть на высокий, обитый красной кожей табурет.—Вам кофе?

— Да, покрепче,—сказал Герася.—Чтоб с пенкой.

— И бутерброд с ветчиной,—добавил я, различив в полутьме поднос с едой.—Можно два.

Витек, не переставая двигать челюстями, поколдовал над кофеваркой, поставил перед нами чашечки величиной с наперсток, два стакана с водой и блюдце с бутербродами, после чего удалился, прошлепав бамбуковой занавеской.

Мой спутник небрежно кинул на стойку пачку с золотым тиснением.

— Кури.

Я отказался.

— Это же «Данхил», чудик!—поднял он брови.—Такие в магазине не купишь.

— Не имеет значения. Бросил.

— Ну как знаешь...—Он спрятал пачку в нагрудный карман. Отхлебнул из чашки.—А погода сегодня ништяк, не жарко.

Ох уж эти мне светские разговоры! Я попробовал кофе и залил его глотком холодной воды. Получилось очень недурно.

— Так откуда ты, говоришь, приехал?—спросил Герася.

— Говорю, что издалека. А что?

— Да так, любопытно. Надолго к нам?

— Надолго.

— Дело или так, проветриться?

— Дело. Или так, проветриться. Выбирай, что больше нравится.

— Нет, я серьезно.

— Ну если серьезно, на работу вот думаю устроиться.

— На работу?—заинтересовался он.—И куда?

За последние дни приходилось столько врать, что для разнообразия я позволил себе сказать правду:

— В милицию.

Он поперхнулся.

— Ну, шуточки у тебя!—Посидел в раздумье.—Черт с тобой, не хочешь—не говори. Мне лично наплевать.

«А кому не наплевать?»—чуть было не спросил я.—Давай так,—продолжал он, желая, по-видимому, обрести твердую почву под ногами,—давай по существу. Ты говорил, что у тебя есть валюта. Я нашел покупателя, правильно?

— Пока я его не вижу.

— Он подойдет.—Герася посмотрел на «сейку», скрепленную на запястье необъятным по длине браслетом.—Должен подойти. Обещал. Но наперед нам с тобой надо кое-что обсудить. Я о своей доле. Сколько ты мне отвалишь?

Да, изящным такой подход не назовешь!

— За что?—спросил я.

— Как за что?—оскорбился он.—Ты что ж, воображаешь, что я за красивые глаза стараюсь?

— А ты стараешься?

— Не морочь голову! Гони монету! Иначе...

— Что иначе?—Я облокотился о стойку.—Ты меня за кого принимаешь? Я ведь даром деньги не плачу. Где твой покупатель?

— Я же сказал, придет.

— Вот когда придет, тогда и обсуждать будем. Кстати, на который час вы с ним условились?

— На двенадцать.

— На двенадцать?!—искренне возмутился я.—Ты что, издеваешься? Уже час дня!

— Не час, а без четверти,—поправил он.—А если и час. Сказано ждать, значит, будем ждать.

— И до каких пор?

— Хоть до вечера.

Не зная, пригодится мне это или нет, я решил воспользоваться случаем, чтобы набить себе цену.

— Ну нет, ребята, так серьезные дела не делают-

ся.

Я встал и с чувством оскорбленного достоинства направился к выходу.

По моим расчетам, Герася должен был, не мешкая, ринуться следом. Но он этого не сделал. Во всяком случае, не торопился. Прошло несколько минут, прежде чем я услышал за спиной его учащенное дыхание.

Знать бы, на что ушли эти минуты! На совещание с барменом, с самим хозяином, который все время находился где-то рядом, за бамбуковой занавеской, и подслушивал наш разговор?

— Слышь, как тебя, подожди...—Герася догнал меня и дернул за рукав рубашки. Физиономия у него при этом была просительная и вроде как виноватая.

— Ну что еще?

— Дай передохнуть...—Его грудь вздымалась, усиленно поглощая кислород.—Сейчас...сейчас на тропу пойдём...

— На какую еще тропу?

— На обыкновенную... Маршрут есть такой. Стас по нему курсирует...

2

— Ох, засекут, засекут меня...— бубнил Герась не переставая.

Сопровождаемые негромкими жалобными стенаниями, мы дошли до драмтеатра и остановились под аркой у главного входа.

Даже отдаленно не представляя, как выглядит человек, которого караулим, не зная, предстанет ли он перед нами в бескозырке или, скажем, проедет мимо в кресле на колесиках, я тем не менее подверг ревностному осмотру всех, кто находился на площади перед театром. Их было немного на этом голом и пустынном в дневные часы пятачке: ватага мальчишек-велосипедистов, две-три парочки, спутавшие день с ночью и страстно обнимающиеся на виду у влывших в полудрему пенсионеров,— в Стасы никто из них явно не годился.

— Засекут, как пить дать засекут,— продолжал тянуть свою грустную арию Герась.— Я ж на учете. Меня в милиции как облупленного знают.

— Ладно, не скули.

— Конечно, тебе-то что, тебя здесь никто не знает. И карточки твоей в милиции нет...

— Нет, так будет. Связался на свою голову. Ну где она, тропа твоя хваленая? Идем, что ли?

— Подождем еще немного, а?— предложил он неуверенно и тут же, себе противореча, махнул рукой:— А, была не была, не век же здесь торчать! Пошли...— И двинулся через мощенную брусчаткой площадь.

В рощице, неподалеку от театра, действительно было помногочудней. И тропа была. Да не одна, а с полдюжины. Тенистые, уложенные дерном, они петляли в душистых зарослях рододендрона, между увешанных мелкой листвой эвкалиптов и вели вдоль берега в ложину, где располагался гостиничный комплекс. Оттуда и валила сюда иностранная публика в поисках тишины и прохлады.

Не успели мы сделать и четырех десятков шагов по этому Эдему, как идущий впереди Герась резко тормознул и шаркнулся вправо, совершив одновременно разворот на полных сто восемьдесят градусов.

— Стой!— скомандовал он.

По инерции я сделал шаг-другой в том же направлении.

— Стой, говорю!— пришипел он свирепо.— И не тарасься в ту сторону! Не видишь, Стас!

Навстречу нам по одной из боковых тропинок шел среднего роста малый с плоским блинообразным лицом. Это и был, как я понял, Стас.

Он прошел совсем близко.

— По делам бежит, не до нас,— объяснил Герась.— Светлая голова! «Ладу» на этом деле поимел последней модели— уметь надо! Железный кадр! За ним не пропадешь!— Истощив запас комплиментов, он бухнулся на стоявшую поблизости скамью.— Хорошо, что не разминулись. Я ж говорю, ты везунчик.

Хотел бы и я так считать, только вот оснований пока не имелось.

Мы прождали десять минут и еще столько же.

Герась пообмяк, растекся по скамейке своими могучими телесами, вроде вздремнул даже. А я вернулся к тому месту из немановского «Энигматика», на котором застрял во вторник, сидя на набережной. Но и теперь ничего путного не получилась.

Наконец Стас вынырнул из-за дальнего поворота дорожки.

Он приостановился, будто принохиваясь, покрутил головой и направился к нам ленивой походкой человека, которому некуда и незачем спешить.

Герася со скамейки как ветром сдуло.

— Ну что, Стасик, с уловом?— заискивающе осведомился он, когда расстояние сократилось до пределов слышимости.

— А ты почему здесь?— Стас был недоволен и не скрывал этого.— Я тебе где велел находиться?

Герась указал на меня глазами: мол, не при постороннем же выяснять этот сугубо частный вопрос.— подхватил его под локоть и отвел в сторонку. Он был значительно выше ростом и, чтобы вещать в нисходятельно подставленное ухо, вынужден был согнуться в три погибели.

Стас слушал, не прерывая. Потом задал ряд вопросов, вернулся к скамье.

— Тебя как зовут?— начал он с азов.

— Владимир.

— Фамилия?

— Миклухо-Маклай,— не сморгнув, ответил я.

Стас скользнул по мне тусклым, ничего не выражающим взглядом.

— У тебя ко мне дело?

— Поговорим, там видно будет.— Я решил держаться прежнего курса на сдержанность— чем несговорчивей партнер, тем меньше подозрений он вызывает, тем больше к нему доверия.

— Что ж, поговорим.— Стас подал Герасю знак, и тот крупной рысью удалился в противоположную от моря сторону.— У меня пятнадцать минут. Свободных. Думаю, нам хватит.

Рисунок
Марины
ПИНКИСЕВИЧ.

Он присел рядом, закинул ногу за ногу, и я заметил маленькую аккуратную штопку на его безукоризненно выглаженных брюках. Очевидно, к одежде, как и ко времени, он относился предельно экономно.

— Ну давай, Вальдемар, выкладывай.

— Собственно, я думал, ты в курсе. Твой ассистент поднял меня из постели, сказал, что в двенадцать...

— Я не о том,— остановил он меня.

— О чем же?

— Кто ты? Что ты? Откуда?

В любом разговоре рано или поздно определяется лидер, тем более в таком, как наш. Последние полчаса инициативой владел я. Теперь функции нападающего взял на себя Стас, и мне пришлось перейти к активной обороне.

— Автобиографию, значит? Так бы и сказал. Тебе как, с подробностями или в сокращенном виде?

Он растянул губы в улыбку, отчего лицо сделалось совсем круглым— не лицо, а лучащийся простодушием шар. Ну вылитый колобок из финальной сцены с лисицей!

— Герась предупредил, что ты парень с юмором. Это неплохо. Но...— Улыбка сползла с его лица, будто ее там и не было.— ...Но я не Герась. Ты не клоун. И мы не в цирке. Не так ли?— Стас выдержал паузу, ожидая возражений, но таковых не последовало, и он тронулся дальше:— Я задал вопрос. Ты на него не ответил. Почему?— Еще одна многозначительная пауза.— Уточним для начала. Кто кому нужен? Я тебе или ты мне?

— А тебе не кажется, что было бы намного лучше, если бы мы приступили прямо к делу?

Он кивнул, давая понять, что согласен и что ему тоже досадно тратить драгоценные минуты на пустячные препирательства, да что поделяешь, надо.

— Ну хорошо, а валюта у тебя откуда?

— Нашел, украл— какая разница?

— Разница есть. И большая,— возразил он.

— Не усложняй. По мне, встретились и разбежались— куда проще. Разве не так?

— Так-то оно так. Но почему я должен тебе верить?

— Верить, между прочим, легче, чем не верить,— изрек я подходящую к случаю истину.— Не так хлопотно.

— Да ты, Вальдемар, философ. А поконкретней можно?

— Конкретней: у тебя нет другого выхода.

— Это в каком смысле?— Реакция у него была отменная. Совсем как у зверька, мгновенно фиксирующего малейший намек на опасность. Даже если опасность мнимая.

— В прямом. Я, например, сказал, что меня зовут Владимир. А мог сказать, что герцог Бекингем. И в том и в другом случае ты будешь сомневаться. Какой же выход? Вот ты спрашиваешь, где я взял валюту. Я говорю, нашел. Тебя это не устраивает, но ничего другого я тебе не скажу. Хочешь верь, не хо-

чешь— распростимся до новых встреч, я ведь ни на чем не настаиваю.

— Интересно.— Его выпуклые, не то серые, не то бледно-зеленые глаза, смотревшие до сих пор вяло и безразлично, на миг стали жесткими, злыми, и вновь проступило сходство со зверьком, хитрым и осторожным.

— Я все сказал. Выводы делай сам, не маленький. Могло показаться, что я избрал крутую, рискованную линию. По сути же, я не рисковал вообще. Либо Стас замешан в историю с кассиром и тогда в силу неизвестных мне причин сам во мне заинтересован и не выпустит прежде, чем попытается использовать в своих целях. Либо я ошибся и никакого отношения к смерти Кузнецова он не имеет, а может, и вообще его не знает. Тогда и подавно незачем с ним миндальничать: чем раньше мы расстанемся, тем лучше. В ближайшие дни им займутся другие люди и по другому поводу, уж я об этом позабочусь.

А пока требовалось создать видимость, что меня занимает исключительно сделка, о которой говорил Герасю, одна только сделка и ничего больше. Это единственный способ заставить Стаса раскрыть карты.

— Мне не доверие твое нужно, а валюту сбыть. И как можно скорей, а вы второй день резину тянете, родословную мою выясняете, будто я спаниель с подмоченной репутацией. Что ты, что помощничек твой. Как не надоест! Я же у вас документы не спрашиваю!

— И напрасно,— жельчно заметил Стас.— А вдруг я из милиции, что тогда?

— Это ты-то?!— Мне вспомнился вчерашний обыск, сомнения, которыми так и не поделился с Симаковым.— Из милиции?! Не хотелось затевать этот разговор, да ты сам набиваешься. Кто устроил за мной слежку? Кто приставил ко мне этого ублюдка? Кто влез в чужую квартиру и перевернул в ней все вверх дном? Милиция? Думаешь, я не знаю, что вы там искали?

Признаться, я не рассчитывал, что застану его врасплох, но, кажется, именно так оно и случилось.

— Это не я!— выпалил он быстро, но как бы в опровержение слов на его круглых мучнистых щеках выступили розовые пятна.— Не был я у Кузи. Не был, и точка.

Если у меня и были сомнения, они исчезли раньше, чем он закончил фразу. После короткого «не был у Кузи» я понял: мне действительно крупно повезло. Стас участвовал в обыске, по крайней мере о нем знал. И, как ни быстротечна была последовавшая за его репликой секунда, я успел отметить и выделить главное: он назвал Сергея не по имени, не по фамилии, а уменьшительным «Кузя». Одно это с лихвой окупало и деловитость на «сходняке», и неудачу с Тофиком, и малопривлекательное общение с Герасем. Сидевший рядом со мной человек не только был знаком с покойным, он находился с ним в доста-

точно близких отношениях. Что и требовалось доказать.

— Повторяю, я там не был.— Стас понимал, что дал маху, и стремился исправить свою оплошность:— Но предположим, ты прав. Подчеркиваю— предположим. Что же, по-твоему, мы там искали?

Версия, возникшая вчера во время уборки квартиры, как говорится, приказала долго жить, но Стас ожидал ответа, и мне пришлось к ней возвратиться.

— Валюту вы там искали. Валюту! Я сказал Герасю, что приехал с большой суммой. Он передал тебе. Ты и соблазнился. Весь дом перерыл, думал, что я ее на Приморской прячу. Нашел дурака.

— У тебя все?— Пятна исчезли. Щеки приобрели прежний мучнистый оттенок. Взгляд Стаса подернулся дымкой, что свидетельствовало о вновь обретенном душевном равновесии.— Что-то мы отвлеклись. Может, нам и говорить-то не о чем, а, Вальдемар?

— Может, и не о чем,— не стал спорить я.

— Много у тебя валюты?

— Немало.

— А точнее?— спросил он.

— Сначала скажи, какой суммой ты располагаешь?

— Тебя купить хватит.— Вопрос ему явно не понравился. Он постучал по циферблату часов.— В нашем распоряжении осталось семь минут. Ни секундой больше.

Речь шла о дутых величинах, и мне в конечном

счете было безразлично, какой цифрой открывать торги.

— Скажем так: есть у тебя в обороте десять тысяч?

— Десять?— переспросил он.

— Десять— двенадцать.

Он нервно почесал переносицу.

— А ты не мог бы назвать более точную цифру?

Сколько у тебя всего?

— Всего тысяч на пятнадцать.

— Пятнадцать,— как эхо отозвался Стас.

Он опустил голову и погрузился в задумчивость, а я подумал, что это могло означать конец удаче и начало той самой дорожки, что ведет в никуда.

— Все в марках?— спросил он минутой позже.

— Нет, фунты, кроны, доллары.

Стас поднял голову. Он улыбался. Если бы существовала в природе сказка о колобке, пообедавшем лисицей, то я мог бы похвастать, что видел его живьем — до того сытая и самодовольная была у него физиономия.

— Слушай внимательно, Вальдемар,— сказал он, придвинувшись вплотную и впервые открыто посмотрев мне в лицо.— Ты парень неглупый. Многие понимаешь. Но не все. Это естественно. Всего не знаю даже я. Хотя должен бы знать. Не так ли?— Он выставил перед собой ладонь, как бы упреждая мой протест.— Впрочем, это ваши с Кузей дела. Я в них не вмешиваюсь. Не буду тебя пугать, ты, вижу, не из пугливых. И торопить не буду. Просто предупреждаю: пути назад у тебя нет. Кузя свернул шею. Но я, как

видишь, жив. И с этим придется считаться. Отныне мы связаны одной веревочкой. Мне не обойтись без тебя. А тебе без меня. Ты обязан это понять. Понять и смириться. Вот все, что от тебя требуется. Детали мы еще обсудим. Подумай. Взвесь. И жди. Я дам о себе знать.

Выплеснув на меня всю эту абракадабру, он встал и, не оглядываясь, пошел по тропинке.

Ошеломленный, сбитый с толку, я смотрел ему вслед и не знал, радоваться мне или огорчаться.

Едва Стас скрылся за поворотом, из растущих неподалеку кустов рододендрона, обламывая ветки, вывалился Герась. Только его-то мне и не доставало!

— Рассчитываться будем?— промычал он, стряхивая с себя розовые лепестки.

— А что у нас сегодня?

— Четверг.

— Но вчера не было дождика. Так что приходи в следующий. А сейчас, извини, мне некогда.

— Ты же обещал!— застонал Герась, оскорбленный, и вдруг припал к моему уху, как сделал это ровно четверть часа назад со Стасом.— Ты Кузей интересовался. Я тебе о нем такое скажу, чего тебе о нем никто не скажет.

— Меня Кузя не интересует,— не в первый и не в последний раз солгал я.

— Он не утонул,— горячо зашептал Герась.— Убрали его, сечешь?

Продолжение следует.

ШАХМАТЫ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

«Энциклопедия шахматной задачи»

Творчество классика отечественной шахматной композиции Леонида Ивановича Куббеля (1891—1942) уникально по своей всеохватывающей разносторонности. Он плодотворно и одинаково успешно работал во всех без исключения жанрах композиции — от двухходовки до этюда. Всего им составлено около 2800 композиций, в том числе почти 500 этюдов. Но любимым жанром Куббеля была «королева» шахматной задачи — трехходовка.

Кроме жанрового разнообразия, богатое творческое наследие выдающегося мастера характеризует и поразительная стиливая многоплановость. Среди его произведений немало образцов чешской, логической и стратегической школ. Это позволило теоретикам композиции назвать творчество Л. Куббеля «энциклопедией шахматной задачи». Поэтому невозможно в небольшой заметке даже пунктирно обозначить маршруты его творческих поисков. Отметим главное: Куббель всегда помнил о тех, для кого творил! Его задачи трудно решать, но их идеи всегда ясны и понятны решателю.

«Задачи и этюды», 1928
I приз

Мат в 2 хода

В этой классической задаче представлена парадоксальная идея: взаимное перекрытие пешки и ферзя белых! 1. e3? Лb4! и нет 2. Фc5× (пешка перекрыла ферзя!). 1. Фe3? Кd3! и нет 2. e4× (ферзь перекрыл пешку!). Слабость пункта f4 можно использовать только путем 1. Фc1!, и указанные варианты проходят без помех.

«Шахматы в СССР», 1938
I приз

Мат в 4 хода

А это задача чешского стиля. 1. Фh8! — 2. Kh6+ Кре7 3. Фf8+! Кре7 4. Kg6×, 1... Ке— 2. Kf6+ Кре7 3. Фd8+! Креd8 4. Kc6× — два правильных эхо-мата с жертвами ферзя! И дополнительный вариант с тонкой игрой и правильными матами: 1... g5 2. Фh5! Креg8 3. Фf7— Kph8 4. Kg6×, 2... Kd6 3. Фg6! и 4. Kd7×.

ШАШКИ

Под редакцией
мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

Древний дебют

В прошлых выпусках («Смена» №№ 17, 18, 1984 г.) мы рассмотрели в дебюте «Кол» систему 1. cd4 ba5 2. dc5 d:b4 3. a:c5 fe5 4. bc3 gf6.

Читателям было предложено разобрать продолжение 5. cb2.

Этот вариант приобрел популярность после нескольких сыгранных партий, закончившихся победой белых. Белые действительно имеют инициативу, но при точной игре черных их позиция вполне защитима.

5...hg7 6. gf4 e:g3 7. f:h4! Черные лишены выхода на e5 — в этом идея хода 5. cb2.

7...cd6 Единственный ход! Шашку f6 нельзя сдвигать из-за угрозы 8. cb4, после же 7...cb6? следует 8. cd4 со смертельным зажимом позиции черных.

8. ba3 d:b4 9. a:c5 fe5 10. gf2! dc7! Лучшее продолжение, которое долгое время почему-то не применялось на практике. Обычно играющие черными отвечали 10...e14 11. e:g5 h:f4, после чего черным действительно трудно спастись ввиду 12. cd4!

Позиция с незначительным преимуществом у белых. На 11. ed4 следует 11...gf6, и у черных отнюдь не хуже. Спокойное течение партии возможно: 11. ed4 e:g3 12.

h:f4 cd6 13. ab2! d:b4 14. ba3 bc7 15. a:c5 cd6 16. cb4 a:c3 17. d:b4 gf6 с равной игрой. Так развивалась партия Г. Моисеяна — А. Злобинский, 1966 год. К обоюдострой игре ведет: 11. ab2! ed4! 12. ce5 cd6 13. e:c7 b:b4 14. fg3! и т.д.

3. Цирки — М. Циценовский, Минск, 1953 год.

1. cd4 ba5 2. dc5 d:b4 3. a:c5 fe5 4. bc3 gf6 5. cb2 hg7 6. gf4 e:g3 7. f:h4 cd6 8. ba3 d:b4 9. a:c5 fe5 10. gf2 dc7 11. ab2 ef4?

После этого хода черным придется вести нелегкую защиту. Следовало играть 11...ed4! 12. c:e5 cd6 12. e:g5 h:f4 13. cd4! cd6 14. ba3 d:b4 15. a:c5 bc7 16. fg3.

16...fe3? Проигрывает. Следовало играть 16...ed6 17. g:e5 d:f4 18. e12 cd6! 19. c:e7 fd6 20. de5 dc5 21. e:g3 cb4 с ничьей. А в случае 17. c:e7 fd6 18. g:e5 d:f4 19. dc5 с ничьей ведет 19...cb6 20. cd6 fe3 21. d:f4 bc5 22. d:b4 a:c3 23. hg5 cb2 — ничья.

17. d:f4 cd6 18. fe5! Неожиданное комбинационное решение 18...d:b4 19. ed6! e:e3 20. gf4 e:g5 21. h:h8 — черные сдались.

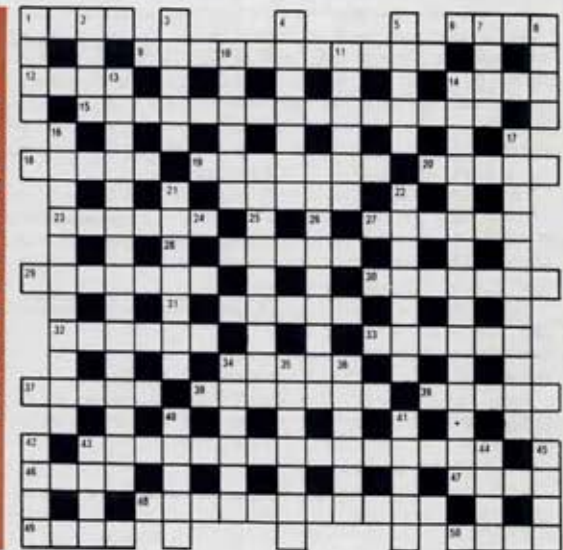
В 1980 году в Ленинграде в партии В. Литвинович — И. Киселев первые десять ходов были как в партии, только рассмотренной нами.

На 11-й ход гроссмейстера В. Литвиновича ab2 И. Киселев ответил 11...ed4. Предлагаем самостоятельно разобрать этот вариант.

На открытках просьба ставить пометку «Шашки. Дебют «Кол»».

КРОССВОРД

Составил И. БАЙКАЛОВ, Москва.

По горизонтали:

1. Отрезок кривой линии между двумя точками. 6. Лесная птица. 9. Подставка для комнатных растений. 12. Мелкая русская монета. 14. меховая обувь. 15. Работник отрасли тяжелой промышленности. 18. Одна из основных наук. 19. Областной центр в Казахстане. 20. Быстрокрылая птица. 23. Клевета, ложное обвинение. 27. Неподвижное морское животное. 28. Казахский, советский писатель. 29. Съедобный гриб. 30. Герой поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». 31. Артист балета. 32. Русский дипломат, член литературного общества «Арзамас». 33. Американский писатель, автор романа «Спрут». 37. Отец и сын, итальянские живописцы эпохи Раннего Возрождения. 38. Тип соцветия. 39. Древнегреческий драматург. 43. Бытовой радиоприбор. 46. Металл. 47. Воинское подразделение. 48. Русское название лингвистики. 49. Международное соглашение. 50. Мрак.

По вертикали:

1. Французский живописец-импрессионист. 2. Явление природы. 3. Государство в Европе. 4. Пьеса Л. Андреева. 5. Английский исследователь Антарктиды. 7. Предраассветное время. 8. Зуб у хищного животного. 10. Продукт, вызывающий брожение. 11. Приток Енисея. 13. Подвижная опора для вала или оси. 14. Оптический прибор с сильным увеличением. 16. Ядовитая гребущая змея. 17. Советский ученый, основоположник космонавтики. 21. Военный корабль. 22. Советский композитор-песенник. 24. Пожарный шланг. 25. Деталь велосипедного колеса. 26. Сражение. 27. Советский писатель, автор романа «Девки». 34. Предмет обуви. 35. Основное население союзной республики. 36. Персонаж оперы В. Моцарта «Свадьба Фигаро». 40. Шахматная фигура. 41. Персонаж оперы Д. Верди «Фальстаф». 42. Советский фотомастер, автор многих портретов В. И. Ленина. 43. Степень родства. 44. Статуя Микеланджело в капелле Медичи. 45. Рыбный продукт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

1. Нанино. 6. Наним. 10. Тонна. 11. Танин. 12. Нигрим. 13. Яннингс. 14. Онон. 17. Энна. 18. Нонан. 19. Пенни. 24. Надменность. 25. Финны. 27. Анонс. 28. Непонимание. 32. Пинен. 33. «Юнона». 36. Иини. 38. Анна. 39. Наньини. 41. Нинган. 42. Реннин. 43. Нитон. 44. Сонант. 45. Доннан.

По вертикали:

1. Нитрон. 2. Нантон. 3. Нанин. 4. Ножны. 5. Антинейтрон. 7. Анис. 8. Нерунг. 9. Маннан. 12. Нгони. 15. Норманн. 16. Канна. 20. Панно. 21. Понедельник. 22. Нинанна. 23. Яншин. 26. Минн. 29. Нисан. 30. Ниннис. 31. Ринган. 34. Ананян. 35. Шаннон. 37. Нинон. 39. Нанн. 40. Нено.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20.08.84. Подписано к печати 31.08.84. А 12836. Формат 70 × 108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 300 000 экз. Изд. № 2472. Заказ № 3391. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГОРОД СТРАХА»

Листовку с таким не очень-то веселым приглашением выпустила... полиция Нью-Йорка. В ней содержатся рекомендации для приезжающих: какие меры предосторожности следует соблюдать, чтобы не быть ограбленным или убитым. Шансы, что такое может произойти, в Нью-Йорке выше, чем в большинстве крупных городов мира.

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС», США

педагогика по-английски

В государственных школах Англии и Уэльса учителя за год подвергли своих воспитанников телесным наказаниям (по официальным данным) 240 тысяч раз. О каждой порке учитель делает отметку в классном журнале. Согласно подсчетам лондонской организации СТОПП (Союз учителей — противников телесных наказаний), подобные экзекуции совершаются в британских школах каждые восемнадцать секунд. Самые позорные условия на острове Мэн, где тому, как сесть детей, учителей обучает местная полиция. Противник телесных наказаний учитель Том Скотт сообщил представителям печати, что в качестве орудий экзекуции чаще всего используются бамбуковые трости, линейки, ремни. Существует также «комбинированная» порка. Например, слова «belted and ruled» в классном журнале означают, что ученику досталось и ремнем и линейкой. Чтобы ребенок навлек на себя наказание, достаточно того, чтобы он засмеялся на уроке или плохо приготовил домашнее задание.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

ДОСТОВЕРНЫ ЛИ МИФЫ?

Какая объективная реальность обусловила возникновение фантастических мифов и легенд? Возьмем загадочную Троию. До начала XX века никто не воспринимал всерьез версию о том, что этот город действительно существовал. Однако, как известно, немецкому археологу Шлиману, с детства увлекавшемуся сочинениями Гомера, удалось его обнаружить. Английскому историку Эвансу также удалось подтвердить историческую достоверность одной легенды: в ходе археологических раскопок на острове Крит он обнаружил руины дворца, построенного в XX веке до н. э. и разрушенного в XV веке до н. э. Таким образом, получила подтверждение легенда об Ариадне, дочери Миноса, правителя Крита. Именно она помогла Тесею выйти из лабиринта с помощью клубка ниток. Другой англичанин, Калдвелл, обнаружил основание «мифической» Вавилонской башни, а в 1980 году в Канаде было открыто поселение викингов, приплывших туда 1000 лет тому назад.

Легенду о «двух Солнцах» неизменно считали плодом фантазии. Но вот в 1912 году было найдено несколько глиняных таблиц и среди них оригинальный каталог звездного неба, составленный древними шумерами. На нем изображено второе Солнце в виде огромного шара оранжевого цвета, расположенного между двумя южными созвездиями. В 1968 году австралийские астрономы в южном полушарии обнаружили пульсар PP-6835-45 — это все, что осталось после гигантского взрыва сверхновой звезды. Это позволяет сделать вывод, что в легенде о «двух Солнцах» речь шла о реальном событии, происшедшем 6000—8000 лет тому назад...

«ШТИИИЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ»,
РУМЫНИЯ

РЕБЕНОК И АВТОМОБИЛЬ

В настоящее время в Швеции большое внимание уделяется проблемам, связанным с безопасностью для детей, вместе со взрослыми совершающих поездки в легковых автомобилях. Чтобы снизить число несчастных случаев при авариях, шведские специалисты сконструировали переносное детское кресло с мягким сиденьем и предохранительными ремнями, которое легко устанавливается в салоне машины.

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ФИДО БУДЕТ ЖИТЬ

Его хозяйка живет в Веллингтоне (Англия), и зовут ее Вивиан Маккомб. Когда врачи объявили диагноз собаке — сердечная недостаточность и неизбежная скорая смерть, Вивиан обратилась в ветеринарную клинику Бристольского университета.

Была проведена операция на сердце. Псу породы лабрадор по кличке «Фидо» вмонтировали новейшую модель миниатюрного сердечного стимулятора, и он почувствовал себя отлично. А врачи получили дополнительные данные для усовершенствования этого наиболее распространенного в последнее время аппарата для активизации сердечной деятельности.

«ДОМЕНИКА ДЕЛЬ КОРРЬЕРЕ»,
ИТАЛИЯ

На грани банкротства

Экспорт сырья — важнейшая статья дохода развивающихся стран. В 1983 году цены на него упали на самый низкий за последние 30 лет уровень, в то же время проценты за кредиты и цены на товары, импортируемые из США и других стран Запада, постоянно растут. Страны Азии, Африки и Латинской Америки несут из-за этого огромные финансовые убытки. К 1985 году дефицит их платежного баланса составит 276,2 миллиарда долларов, а внешняя задолженность достигнет астрономической суммы в 1 триллион 997 миллиардов. В список стран, оказавшихся на грани банкротства, войдут около 30 государств Азии, Африки и Латинской Америки.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ», ГДР

ПРОКЛЯТИЕ «БЕЛОЙ СМЕРТИ»

Как сообщила комиссия конгресса США по проблемам наркомании, потребление наркотиков в американской армии в процентном исчислении выше, чем среди гражданского населения. Только в воинских частях Соединенных Штатов, дислоцированных в ФРГ, умерло за шесть месяцев от отравления наркотиками 20 солдат. По данным ООН, 620 000 американцев в возрасте до 30 лет зарегистрированы как наркоманы.

«НЬЮСВИК», США

ОПАСНЫЕ РЕЛИКВИИ

Несмотря на то, что прошло уже почти четыре десятилетия со времени окончания второй мировой войны, во многих районах земного шара продолжают находить бомбы, мины, неразорвавшиеся снаряды. Об этом сообщается в докладе ООН, посвященном охране окружающей среды. В результате активной деятельности, направленной на обезвреживание взрывоопасных боеприпасов, за послевоенный период в Польше обнаружено 15 миллионов мин и 74 миллиона других взрывчатых предметов, во Франции — 1 миллион, в Западном Берлине — 718 тысяч. Во Франции продолжают работать 10 групп, насчитывающих в своем составе 90 специалистов. Только за один год они обнаружили 18 тысяч взрывоопасных боеприпасов. В Голландии также продолжается работа по обнаружению различных смертоносных «сюрпризов», в ней постоянно задействованы 50 специалистов.

«ПАРИ-МАТЧ»,
ФРАНЦИЯ

Юбиляру — 100 лет

Бережно, с вниманием и вкусом велись продолжительное время реставрационные работы на Восточном вокзале Будапешта — в нынешнем году ему исполняется 100 лет. Частная компания, соорудившая в свое время вокзал, располагала тогда железнодорожными путями длиной в 125 километров. Сегодня 13 300 километров железнодорожных путей Венгрии обеспечивают ежегодную перевозку 130 миллионов тонн грузов и 270 миллионов пассажиров. 120 поездов в день принимает юбилей — Восточный вокзал столицы.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

ПРОСТО БЛАЖЬ...

В Лондоне существует клуб мужчин, которые живут по обычаям XIV века. Недавно из этого клуба были исключены два его члена, которые, как было установлено, пользовались телефоном. А по уставу никто из «клубменов» не имеет права употреблять достижения цивилизации, ставшие известными после XIV века. Все это блажь и чушь, заявила по этому поводу одна английская газета. Ведь в наши дни практически невозможно найти какой-либо предмет, в котором не отражены достижения науки и техники нынешнего столетия.

«КВИК», ФРГ

Дорогие друзья!
По традиции мы хотим поделиться с вами нашими замыслами, какой быть «Смене»-85.

Журнал всегда пристально всматривался в календарь знаменательных дат, в важные вехи жизни Советского государства, нашего народа, Ленинского комсомола. В честь 40-летия Победы «Смена» начала долгосрочную рубрику «Живая память». Вместе с читателями мы откроем новые, незнакомые прежде страницы ратного мужества участников войны. Мы назовем имена наших современников-энтузиастов, тех, кто ведет неустанный поиск павших героев, создает уголки истории войны и музеи, занимается гражданским и патристическим воспитанием молодежи.

Представим: конец июля — начало августа, наша столица. На ее улицах — тысячи и тысячи молодых гостей из-за рубежа, в аудиториях — дискуссии о мире, дружбе, антиимпериалистической солидарности, на площадях — манифестации, шествия, концерты. XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Московский. Следя за фестивальной линией «Смены», дорогие друзья, вы приобщитесь к реальным проблемам нашей планеты.

По нашим прогнозам, в нынешнем году редакция получит более 100 тысяч читательских писем. Мы особо дорожим этими свидетельствами того, что «Смена» читаема, любима, популярна. Потому в будущем году мы продолжим рубрику «Письмо молодого рабочего», по достоинству оцененную тружениками предприятий, строек. Конфликт на производстве, условия труда и досуга, просьба помочь разобраться в сложной жизненной коллизии — все это для «Смены» темы актуальные, и наши корреспонденты готовы по тревожному вызову выехать в любую точку страны.

«СМЕНА»-85

Делать жизнь с кого? На чей опыт опереться молодому человеку, предпринимающему первые самостоятельные шаги? Ведь это так важно — достойно идти по жизни, преуспеть в профессии, завоевать уважение окружающих. На эти волнующие вопросы читатель найдет ответы в материалах рубрик «Герой для подражания» и «Автобиографии». Мы предоставим слово в наших публикациях заслуженным, всеми уважаемым людям, чья жизнь может служить для юношей и девушек нравственным примером, поможет в осмыслении мира.

Жизнь сложна, в ней встречаются явления, в которых непонятно разобраться человеку, особенно молодому. Ситуации, из которых надо уметь выходить достойно. В рубриках «Нравственная норма», «Письмо в редакцию — письмо из редакции», «Жизнь семьи», «Закон и ты», «Надо обсудить» известные публицисты ведут разговор именно о таких сложных моментах жизни.

Надеемся, читатели с одобрением приняли футбольный клуб «Надежда» на страницах «Смены». А другие рубрики спортивного отдела? Пометьте на конверте своего письма в редакцию «Твой собеседник — чемпион» или «Спортивный автограф», сообщите нам, каковы ваши спортивные симпатии, и мы учтем вашу просьбу. Именно по заявкам читателей на страницах «Смены» в будущем году мы собираемся опубликовать материалы об известных спортсменах, и в частности о капитане сборной СССР по футболу Александре Чивадзе, капитане сборной СССР по хоккею Вячеславе Фетисове, центром сборной СССР по баскетболу Арвидасе Сабонисе, ведущей спортсменке сбор-

ной СССР по художественной гимнастике Галине Белоглазовой, мировой рекордсменке по прыжкам в высоту Тамаре Быковой, талантливым советским фигуристе Игоре Бобрине.

А вот еще одна новинка: с первого номера 1985-го «Смена» поведет компетентный разговор о здоровье молодежи. Как относиться к самому себе, когда молод, полон сил и мало заботишься о перегрузках организма? Как в эту пору избежать «закладки» в организме болезней, которые проявляются потом? Итак, на страницах «Смены» — программа «Здоровье». В программе — самые последние научные взгляды, практические советы.

«Музыкальный взрыв» — так характеризуют искусствоведы массовый интерес молодежи к музыкальной культуре. О многих ее процессах, явлениях, тенденциях мы рассказывали в выпусках популярного, давно и основательно прославившегося на страницах «Смены» клуба «Музыка с тобой». Редакция предлагает провести «круглый стол» с участием ведущих композиторов, поэтов, исполнителей, обсудить некоторые спорные и противоречивые явления в современной легкой музыке. Мы опубликуем материалы об известных советских исполнителях, ансамблях, расскажем о тенденциях развития джаза у нас в стране и за рубежом. Готовятся к печати творческие портреты популярных зарубежных мастеров песенной эстрады — Марыли Родович, Хелены Вондрачковой, Иржи Корна, Здравко Чолича, ансамблей «Неотон», «Пудис» и др.

Особый разговор о прозе и поэзии «Смены». В журнал пишут и самые известные мастера и начинающие авто-

ры. Среди наших постоянных авторов Виктор Астафьев, Юрий Нагибин, Кайсын Кулиев, Эдуардас Межелайтис, Роберт Рождественский, Виктор Потанин, Римма Казакова, Белла Ахмадулина, Юлиан Семенов, Расул Гамзатов, Николай Доризо, Владимир Цыбин, Леонид Жуховицкий, Лилия Беляева. Многие из них появятся на наших страницах в новом году. Планируем напечатать и переводы произведений выдающихся зарубежных писателей: Пабло Неруды, Ирвина Шоу, Рэя Брэдбери и др.

Под рубрикой «Силуэты» готовятся к печати эссе о Т. Шевченко, О. Хайяме, И. Бунине, В. Белинском, А. Бестужеве-Марлинском. «Хрестоматия «Смены» познакомит с забытыми и неизвестными страницами прошлого. Рубрику «Литературные уроки» рассчитываем представить рассказами о творческих мастерских Кайсына Кулиева, Федора Абрамова, Петра Проскурина. И, конечно, «Смена» предложит вам встречи с молодыми мастерами искусства из мира театра и кино, представит вам творчество талантливых художников.

Около двух тысяч самодеятельных поэтов — рабочих, служащих, ученых, студентов и учащихся ПТУ — стали в 1984 году соискателями открытого для всех творческого конкурса одного стихотворения «Земля моя — судьба моя». В 1985 году конкурс продолжится, а его тематический девиз «Любви все возрасты покорны», думается, всколыхнет широкие поэтические силы и, надеемся, принесет нам впечатляющие примеры лирики.

Вы любители остросюжетной прозы? «Смена» печатает в каждом номере повесть или роман — детектив, фантастику, приключенческую вещь совет-

ских или зарубежных авторов. Журнал рассчитывает познакомить вас с новыми произведениями популярных авторов.

В новом году читатель вместе с журналистами совершит путешествия в Калмыкию, Воронеж, Ярославль, Павловск, мы познакомим с их достопримечательностями, этнографическими памятниками союзных республик. Все это маршруты нашей традиционной рубрики «Отечество».

Вы хотите одеваться модно, современно? Но ведь важно еще и выглядеть человеком со вкусом, умеющим разнообразить свою одежду не количеством нарядов, а умелым ее подбором, красивыми, смелыми деталями. Как это сделать? Об этом — в нашей постоянной рубрике «Молодежная мода».

В конкурсах «Смены» ежегодно принимают участие десятки тысяч читателей. Участники шахматных и шашечных олимпиад получают спортивные разряды прямо на дому, посылая решения задач и этюдов по почте. Тысячи подписчиков проверили и обогатили свои знания, участвуя в наших традиционных конкурсах эрудитов. Кажется, судя по количеству писем, и конкурсы кроссвордистов тоже станут традиционными для «Смены». Консультируют читателей, отвечая на их вопросы на страницах «Смены» или личным письмом, опытные юристы министерств и ведомств.

Словом, «Смена» — журнал о молодежи и для молодежи, издание, которое читают все — от пионеров до пенсионеров, ибо тематическая гамма сменовских страниц охватывает самый широкий жизненный спектр. Приглашаем вас, дорогие друзья, подписаться на «Смену». Двадцать четыре журнальные книжки, годовой комплект стоит 8 рублей 40 копеек, подписка на полгода — 4 рубля 20 копеек, на три месяца — 2 рубля 10 копеек.

Подписка принимается без ограничений. В случае возникновения сложностей с оформлением подписки просьба обращаться в журнал «Смена».

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820